

Андрей Андреевич ВЛАСОВ

Андрей Андреевич
ВЛАСОВ

Свен Стеенберг.

В Л А С О В

Русский дом в Мельбурне

Австралия

— 1974 —

Перевод с немецкого
Ирины Сабуровой

Генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время второй мировой войны против Сталина выступил генерал Андрей Андреевич Власов, обративший на себя широкое внимание. Его имя связано с попыткой свержения советского строя, которая несомненно имела все шансы на успех. Но только немногим известны те драматические обстоятельства, при которых ему приходилось действовать.

После войны, пропаганда различных лагерей, затушевала и искажала многие контуры событий, поэтому, до сих пор, мало известны, как значение этого человека, так и те надежды, которые возлагали на его выступление, его соотечественники, а также и многие немцы — противники национал-социализма.

«Дело Власова» увлекает еще и потому, что знакомясь с ним, становятся понятны чаяния и стремления к свободе народов России, потому что те 60-70 миллионов жителей Советского Союза, которые оказались вне досягаемости Сталина, — полностью поддерживали идеи Освободительного Движения и Пражского Манифеста, провозглашенного генералом Власовым, и готовы были за них бороться. Имя Андрея Андреевича Власова — стало символом.

Целью этого труда является попытка восстановить образ Власова, искаженный пропагандой, описать его борьбу, как против коммунизма, так и против политической близорукости и безнравственности фашизма.

Если вместе с тем, удастся еще осветить причины, побудившие сотни тысяч русских примкнуть к нападающему

врагу и пойти против тоталитарного советского правительства, — и тем самым способствовать лучшему пониманию сегодняшнего положения в Советском Союзе, — то эта книга достигнет цели. Свою особую благодарность автор выражает всем лицам, которые предоставили ему, как свои личные свидетельства, так и документы. Так как, подлинных документов и материалов об Освободительном Движении Народов России сохранилось чрезвычайно мало, то правдивое освещение событий того времени было бы невозможно без их помощи.

Помощь и поддержку автору оказали следующие лица, которым он глубоко благодарен:

Густер д'Алькен, Ростислав Антонов, Вячеслав Артемьев, Готтлиб Бергер, Макс Бернсдорф, Аделаида Биттенберг, Бернер Борман, Фридрих Бухардт, Герт Бушман, бар. Эдуард Деллингхаузен, Фриц Делонге, Константин Дудышес, Ганс Элих, Сергей Фрелих, Вернер Геттинг-Зеебург, Иван Гордиенко, Николай фон Гроде, Адам Грюнбаум, Вальтер Гансен, Готтхард Генрици, Вернер Хеннинг, Николай Кандин, Ральф фон Хейгендорф, Генрих-Детлов фон Кальбен, Хейнц дер Херре, Фарид Капкаев, Александр Казанцев, Ганс Керль, Герт Клейн, бар. Хельмут Клейст, Дмитрий Космович, Отто Краус, Теодор Краузе, Эрдхард Крсгер, Роберт Крец, Константин Кромиади, Агатолий Кружин, Григорий граф Ламсдорф, Анатолий Михайловский, Ольдвиг фон Нацмер, Теодор Оберлендер, Маннфред фон Паннвид, Герберт фон Пастор, Эгон Петерсен, Герхард Петри, Клаус Пельхау, Владимир Поремский, Владимир Поздняков, Фриц Прелле, Николай Ребиков, Роман Редлих, Виктор Ресслер, Георг барон фон дер Ропп, Александр Зайцев, Михаил Шатов, Балдур фон Ширах, Фердинанд Шернер, Владимир Шубут, Хельмут Швеннингер, Марго фон Швердтнер, Юрий Жеребков, Эрнх фон Сиверс, Эрист Стеен, Вильфрид Штрик Штрикфельд, Сун-Куей-ши, Николай Тензорев, Мелитта Видемая.

Свен Стеенберг

ОТ КРЕСТЬЯНСКОГО СЫНА — ДО ГЕНЕРАЛА

«ОТСТУПАТЬ — СТАЛИН»

Сентябрь 1941 года... В течение двух суток генерал-майор Андрей Андреевич Власов пытался установить связь с Москвой, но Кремль отозвался только вечером 18-го сентября. Радиограмма заключалась только в двух словах: «Отступать — Сталин».

В тот же час Власов отдал приказ об уходе из Киева, который он удерживал против всех атак германской армии.

Власов — человек громадного роста, с простым крестьянским лицом, высоким лбом, умными глазами за толстыми стеклами очков, — командовал IV-м танковым корпусом во Львове ко времени германского наступления на Восток. После тяжелых боев он вынужден был отступать до Бердичева. В конце июля Власов — которому было всего 40 лет — был назначен командующим 37-ой армии и стратегически важного Киевского округа. Это было доказательством доверия высшего командования Советской Армии к способностям молодого генерала.

Его армия последней оставила позиции на Днепре, уже после того, как немцы в двухстах километрах к востоку, провели крупнейшее окружение в истории этой войны. За успех разгрома, в ходе которого все советские войска на юго-западе, на пространстве 135 тысяч квадратных километров, были окружены и по большей части уничтожены, — немцы, должны были благодарить Сталина, который хотел во что бы то ни стало удержать линию Днепра даже и тогда, ког-

да, было совершенно ясно, что эта попытка закончится катастрофой. Сталин запретил отступление и бросил на поле сражения свежие войска. Только через три дня после того, как немцы уже замкнули круг, он дал разрешение на отступление.

Но было уже поздно. Командование вышло из строя, армии разваливались, число перебежчиков росло. Сталинский террор мстил за себя: чистки, концентрационные лагеря, насильственная коллективизация, потребовавшие миллионы жертв, не были забыты народом. Значительная часть населения приветствовала немцев, как избавителей. 600 тысяч солдат сдались в плен. Среди рассеянных, блуждающих без командиров воинских частей, Власов шел ускоренным маршем на восток с немногими тысячами солдат, и ему все же удалось прорваться.¹⁾

Вскоре после этого прорыва Власов был доставлен в военный лазарет в Воронеж с тяжелым гриппом. Сперва местные власти о нем не заботились: Власов был генералом, потерпевшим поражение. Никто не мог знать: а не попал ли он в опалу на верхах?

В середине октября маршал Тимошенко (преемник Буденного) вручил ему назначение на пост командующего тыловым военным округом, а когда, вскоре после этого, Сталин вызвал его в Москву, в Воронеже вдруг вспомнили о больном генерале, и в лазарете появился начальник НКВД, комендант города, высшие военные чины и прочее начальство. Оказалось, что он еще не списан со счета, и его карьера продолжается, — карьера, которая была достаточно необычна в советских условиях.²⁾

1) Подробное и точное описание этого боя за Киев см. В. Хаупт, «Киев», изд. Поджун, Бад-Наугейм, 1965 г.

2) Попад в плен, Власов неоднократно описывал свою жизнь. В 1944 году появилась составленная по его данным краткая биография В. Арсеньева (под псевдонимом Эсокина). Текст ее напечатан в «Борьбе» №№ 11 и 12, 1948 г. Отдельные данные имеются также у барона Эдуарда Деллинг-

Власов родился 1 сентября 1900 года в деревушке Ломокино Нижегородской губернии. Он был младшим сыном крестьянина, который занимался также портняжеством, чтобы дать своим детям лучшее образование. Старший сын Ивас закончил учительскую семинарию в Нижнем Новгороде. Для Андрея, самого младшего, на которого деревенский учитель обратил особое внимание за его способности, отец выбрал иной путь — духовную семинарию.

Таким образом молодой Андрей попал в духовное училище, а затем в семинарию в Нижнем Новгороде, где его поддерживал и помогал ему старший брат.

Революцию Власов пережил в семинарии. Она обещала мир, землю, свободу и отмену классов — все то, что находит ответ в молодых сердцах.

Закончив свое образование в семинарии в 1918 году он, против воли отца, отказался стать священником.

Весной 1919 года он был уже призван в 27-ой пехотный полк Красной армии. Началась одна из самых успешных, но и самых трагических военных карьер в русской военной истории.

Осенью 1919 года Власов был назначен, после того, как он прошел офицерские курсы, командиром взвода 2-ой Донской дивизии, сражавшейся против Деникина.

Здесь он усовершенствовал свои военные познания на практике и вскоре развил те качества, которые оказались решающими для его быстрого продвижения на военной службе: он умел «обеспечить себе уважение подчиненных, руководить людьми, возбуждать их привязанность и вместе с тем усиливать их уверенность в своих силах».³⁾

В начале 1920 года Украина и Северный Кавказ были очищены от белых войск. Вторая Донская дивизия, в которой Власов тем временем стал ротным командиром, была пе-

хаузена, в НД (неопубликованный доклад) Константина Кромнадина, у Сергея Фрелиха, барона Хельмута Клейста, Вильфрида Штрик-Штрикфельдта,

³⁾ Газета «Красная Звезда», 21. 11. 1940 года.

реведена с Кавказа на Крымский фронт, где генерал Врангель собрал новые силы. Власов стал помощником начальника штаба дивизии и потом, по собственному желанию, поскольку штабная работа его не удовлетворяла, начальником разведки.

В ноябре 1920 года Врангель был разбит, и первая военная эпопея Власова кончилась. Но ему понравилась военная служба и он решил стать кадровым военным. Хотя Красная армия в течение двух лет была сокращена с 6-ти миллионов солдат до 600 тысяч, он был принят на действительную службу ротным командиром.

Вскоре ему представилась возможность отличиться — в пятилетнюю годовщину Красной Армии начальник Генерального Штаба Лебедев вручил ему, в награду за образцовое состояние и обучение его роты, именные серебряные часы.

В 1924 году он стал начальником полкового училища 26-го стрелкового полка. В 1928 году прошел в Москве добавочный офицерский курс и в 1929 году вернулся батальонным командиром в свой старый полк.

В 1930 году он был назначен преподавателем тактики в офицерскую школу в Ленинграде, и вскоре после этого был послан на курсы для преподавателей тактики в Москву. В Ленинград он вернулся с блестящим свидетельством об окончании и был назначен заместителем начальника курсового обучения офицерской школы. Одновременно с этим ему было предложено вступить в партию.

После этого Власов провел несколько лет в штабе Ленинградского военного округа.

Во время инспекционной поездки с заместителем командующего военного округа, командиру корпуса Примакову бросилось в глаза плохое обучение 2-го стрелкового полка 4-ой Туркестанской дивизии. Примаков назначил Власова командиром этого полка. Власов, за короткое время, навел в полку образцовый порядок, после чего был назначен коман-

диром 137 стрелкового полка, ставшего впоследствии лучшим полком Округа.

После этого Власов был назначен начальником штаба 72-ой дивизии. На этом посту его застало начало «ежовщины» и чистки в Красной Армии, вызванной процессом маршала Тухачевского.

Подробности этого процесса, связанного с именем одного из высших командиров Красной Армии и одного из ее реорганизаторов, маршала Тухачевского, не выяснены и по сей день. Действительно ли существовал, среди высших чинов армии, заговор, который Сталин предотвратил в последнюю минуту ⁴⁾ или же Сталин хотел ликвидировать наиболее опасную для него силу, которая после всех чисток в партии и в армии, еще сохранилась — критически настроенную по отношению к политике Сталина группу высших и привилегированных военных чинов?

До сих пор не выяснено, соответствует ли истине официальная версия, согласно которой Сталин был предупрежден Бенешем о предстоящем мятеже, как намекал впоследствии в своем докладе Хрущев, или же Сталин сам спровоцировал донесение своей тайной полицией.⁵⁾

Однако можно сказать с уверенностью — официальное обоснование смертного приговора: «Шпионаж в пользу иностранной державы и подготовка поражения Красной Армии

⁴⁾ Исак Дейчер, «Сталин», издательство Кольхаммер, Штуттгарт 1962, стр. 404.

⁵⁾ Интересно сообщение Вальтера Шелленберга в его «Мемуарах», издательство «Политик унд Виссеншафт», Кельн, 1956 г., стр. 48 о том, что Гейдрих, получив сведения, от живущего в Париже белого генерала Скоблина, о том, что Тухачевский, с ведома германского Генерального штаба, намеривается свергнуть Сталина, немедленно предложил полученный им материал, через Бенеша, кремлевскому диктатору. За эти материалы Гейдрих получил 3 миллиона золотых рублей. Передача материала состоялась в середине мая 1937 года. 4-го июня того же года Тухачевский был арестован.

в готовящейся войне против Советского Союза» — очень далеко от истины.

Какой бы ни была подоплека — реакция Сталина была потрясающей. По самым осторожным данным было арестовано более чем 30 тысяч офицеров. Из пяти маршалов было расстреляно три, из 19 командующих армиями — 13, из 186 командиров дивизиями больше половины. Погибли не только «виновные» — но и их родственники. Если говорить только об одном Тухачевском, то были ликвидированы его мать, жена, дочь, сестра София, братья Николай и Александр; остальные четыре сестры попали в концлагерь.

Без сомнения все эти события повлияли на отношение Власова к сталинской власти, хотя они и не коснулись его лично — арестован он не был.

Но и он убедился насколько неустойчива была земля под ногами каждого, служившего в Красной Армии, когда его дивизионный комиссар, показав на висевшую в кабинете Власова фотографию маршала Блюхера, сказал:

«На Вашем месте я бы убрал этот портрет».

«Уже?» — спросил Власов. «Уже!» — ответил комиссар. На снимке была собственоручная подпись маршала Блюхера, знавшего Власова по Военной Академии. Власов рассказал об этом эпизоде в апреле месяце 1943 года зондерфюреру Клейну.

Самому Власову необычайно повезло — он не только не был арестован в этот страшный период, но даже был в 1938 году командирован в Китай для работы там в группе советников СССР. Командиром группы советников, состоявшей из 40 офицеров, был в то время генерал-майор Черепанов. Советники носили вымышленные имена — Власов приехал в Китай под именем Волкова. Никто из них не носил советскую военную форму — большинство было одето в штатское платье, а иногда в китайскую форму, без знаков отличия.

Командировка в Китай имела большое значение для Вла-

ова. Он впервые познакомился с страной, управлявшейся не коммунистической партией. Вокруг него не было шансов. Он мог работать спокойно и самостоятельно. Прибыв в Чунь-дзинь, бывший тогда резиденцией китайского правительства, он очень скоро нашел контакт с китайцами, быстро снискал их уважение и благожелательность, а его лекции в китайской Военной Академии считались блестящими. Среди всех советских офицеров, находящихся тогда в Китае — Власов, бесспорно, для всех китайцев, которые с ним стали знакомиться, был самой выдающейся личностью.

Кремль проводил в то время в Китае двойную политику. С одной стороны Москва поддерживала Чан-Кай-ши против японцев, с другой старалась укрепить коммунистические силы Китая. Власов также получил соответствующее указание от тайной полиции. Однако, он пренебрег им, тем более, что в его официальной инструкции ничего об этом не говорилось. Ему претило злоупотреблять гостеприимством и доверием китайцев.

С февраля по май 1939 года Власов был советником у маршала Иен-Цзю-шан, командующего 11 военным районом северозападного фронта на участке Шаньси. Это было щекотливое задание. Маршал неоднократно саботировал директивы генерального штаба под различными предлогами. Он считался умным, расчетливым и упрямым человеком и был мастером вежливого затемнения фактов. Его армия должна была вступить в действие в рамках большой операции и Власов должен был убедить его в необходимости этого шага.

С дипломатическим умением ему удалось завоевать доверие маршала и получить разрешение на инспекцию его войск. Большое значение для Власова имели при этом советы и поддержка его личного переводчика Сун-Куй-ши. Из трех переводчиков, которые были ему представлены, он выбрал этого молодого человека, показав свое умение разбираться в людях.

Сун, которому было тогда 29 лет, по образованию юрист,

был послан от бюро печати министерства иностранных дел. Он был умным и образованным человеком, и вскоре его связывала с Власовым тесная дружба. Сун быстро увидел, что этот русский — незаурядная личность; не только великолепный солдат, но и высоко интеллигентный человек с большими военными познаниями. Кроме того, Власов был одаренным оратором, выступления которого захватывали простых солдат. Удивительной была та сосредоточенность, с которой он подходил к каждой задаче, не давая себя ничем отвлекать. На службе он никогда не пил. Неоднократно он доказывал личное мужество. В разведке, где всегда грозила опасность быть захваченным в плен японцами, он отдал приказ Суну, шедшему вслед за ним, застрелить его, если они попадут в засаду.

Вне службы он был веселым и непринужденным человеком. Он не пускался в политические разговоры и никогда не пропагандировал коммунизма. На прямые вопросы он обычно уклонялся от ответа шуткой; он, мол, простой солдат, а о политике пусть говорят политики, которые в ней лучше разбираются. Он избегал также критики условий жизни в Советском Союзе, однако из некоторых высказываний можно было понять, что он не восторженный поклонник сталинских методов.

Когда его задание у Йен-Цзи-шана было закончено, Черепанов назначил Власова начальником штаба группы советников. В ноябре 1939 года он был отозван, после почти годичного пребывания в Китае. Во время прощального ужина маршал Чан-Кай-ши наградил его орденом «Юн-хю», а жена маршала вручила ему золотые часы. Однако, на остановке в Алма-Ата у него и его товарищей все подарки были отняты, якобы для «регистрации», и они их больше не увидели.

После возвращения из Китая Власов нашел положение вещей в Советском Союзе изменившимся: был заключен договор о ненападении с Германией, произошел раздел Польши; Латвия, Эстония и Литва были включены в состав СССР.

Война с Финляндией оказалась довольно бесславной для Красной армии.

Тенью над всем лежал сталинский террор. Разница между тем, что должна была принести революция и тем, что она принесла в действительности, угнетала Власова. Но в первую очередь он был душой и телом солдат. Поэтому он не занимался политическими вопросами, которых все равно не мог бы изменить или разрешить, а уходил с головой в работу.

Работы было достаточно, когда он, вскоре после своего возвращения, был назначен командиром 99-ой стрелковой дивизии. Эта дивизия считалась на последнем месте в армии. В ней служили солдаты пяти различных национальностей, и многие не владели даже русским языком.

В то время быть командиром военной части Красной армии было не легко. Наряду с нормальной работой нужно было уделять драгоценное время собраниям «партийного актива», посещение которых было обязательным для всех членов партии. Каждый член партии, будь то уборщица или конюх, могли критиковать вещи, о которых они не имели ни малейшего понятия.

Ко всему этому прибавлялись интриги, слежка и необходимость быть в хороших отношениях с комиссаром дивизии, который имел право проверять каждый приказ и по своему усмотрению его аннулировать.

Введение института комиссаров было следствием недоверия партии к армии и опасения, что в один прекрасный день она может обратить оружие против правительства. Уже в 1928 году Уншлихт, один из тогдашних вождей, сказал по поводу десятилетия Красной армии: «Товарищи, не забывайте, что костяком нашей армии служит крестьянская молодежь, которая приходит в армию со всякими настроениями, царящими в деревне... и это враждебные нам настроения!»⁶⁾

⁶⁾ Цитируется Витовым: «Ахилесова пята советской армии», «Швейцар Рундшау», февраль-март 1958 год.

Несмотря на все нагрузки и затруднения Власову удавалось беспрерывно повышать уровень дивизии. 4-го июня 1940 года Власова — ему не было 40 лет — произвели в генерал-майоры.⁷⁾

Вскоре после возвращения из Китая он провел свой первый отпуск в своей деревне. Отпуск дома всегда обходился ему очень дорого. Он был гордостью многочисленной родни и всей деревни. Его появление там было событием. От него ждали подарков и приглашений. Хотя он подрывал на много месяцев свой бюджет, но не хотел лишаться своей родни этой радости. Кроме того, его старик отец не верил, что он живет только на свое жалованье. «В мое время — говорил отец — уже на одном овсе для эскадрона можно было заработать себе на домик». Он служил в царской гвардейской кавалерии, вышел в отставку вахмейстером и любил с воодушевлением рассказывать о былых временах. Он был монархистом и не скрывал, что новый строй ему совсем не по нутру.

В 1933 году Власов женился на молодой докторше, родом из соседней деревни. Когда он был в Китае, у него родился сын. Родители его жены были раскулачены. Чтобы не повредить карьере своего мужа она должна была, как это было тогда принято, отречься от них, но Власов тайно поддерживал родителей своей жены, оставшихся без всяких средств к жизни.

Тщательно сохраняемой тайной была также судьба его старшего брата Ивана, расстрелянного в 1919 году за участие в заговоре.

Летом 1940 года в высших командных кругах Красной армии усилилась оппозиция против военных комиссаров, которые считались ответственными за поражение в финской войне. В эти споры вмешался и Власов. Это было его первым выступлением на политической сцене. На совещаниях

7) «Правда», 7. 6. 1940. Сообщение было опубликовано вместе с портретом Власова.

политических ячеек армии в Киевском военном округе он считал точку зрения, что политическая пропаганда не может быть самоцелью, а должна быть подчинена главной цели — поднятию боеспособности.

В августе 1940 года власть комиссаров была сильно урезана. С тех пор командирам предоставлялось право решения всех военных вопросов. Это облегчило Власову его работу, так что ему удалось настолько поднять уровень обучения своей дивизии, что она была награждена, как лучшая во всей армии. Народный комиссар обороны, Тимошенко, наградил Власова именными золотыми часами.

В десятках номеров «Красной звезды» и «Правды» упоминалось его имя. Тимошенко писал 27 сентября, что Власов и его дивизия «показали свою способность решать тактические проблемы при особо затрудненных обстоятельствах».

Генерал Мерецков, начальник Генерального штаба Красной армии, также хвалил дивизию, после личного посещения. В издававшемся политуправлением Киевского военного округа журнале «Новое в подготовке войск», Киев, 1940 г. Власову воздавалось должное как «Командиру образцовой дивизии, как солдату и человеку». В особенности подчеркивалась его способность «добиваться совместной работы всех родов оружия и обучения солдат». 21-го ноября «Красная звезда» предложила всем дивизиям брать пример с 99-ой дивизии.

Сам Власов опубликовал очерк: «Новые методы боевой учебы» появившейся в виде отдельной брошюры. Его имя стало известно во всей армии.

В декабре 1940 года на долю Власова выпало новое чествование: он выступил в Москве как содокладчик начальника Генерального штаба, Мерецкова, читавшего, перед высшим командным составом Красной армии, реферат о задачах военной подготовки в наступающем году.

В январе 1941 года Власов получил назначение командиром IV танкового корпуса во Львове, а в феврале, по слу-

чаю 23-летней годовщины Красной армии, он был награжден орденом Ленина.

Отступление в начале войны и поражение в сражении за Киев были тяжелыми ударами для Власова. Он убедился в полном крахе руководства партии и правительства и в организации, армии из которого можно было сделать далеко идущие выводы. И тем не менее, в то время, для него не существовало другой цели, как только борьба против агрессии. Может быть, он надеялся на то, что при неизбежно возрастающей силе армии во время войны можно будет добиться необходимых изменений в системе. Другого разрешения вопроса он себе еще не представлял.

Едва выздоровев, он вылетел из Воронежа в Москву, по вызову Сталина.

СПАСИТЕЛЬ МОСКВЫ

В Москве панические настроения возникли уже в октябре. Большинство населения колебалось между страхом перед грядущими событиями и надеждой на падение Сталина. Начинались грабежи.

Государственные архивы, важные правительственные учреждения, министерства и дипломатический корпус были эвакуированы в Куйбышев. На Казанском вокзале, единственным, с которого поезда отходили еще на восток, собирались толпы привилегированных, которые, как «социально-важный элемент» получили еще заблаговременно командировку. Поезда на восток отправлялись без перерыва и затрудняли передвижение прибывающих из Сибири свежих войск. Сталин оставался в Москве, так же, как и члены Политбюро. Большинство их были обязаны своим положением «ликвидации» их предшественников. Из четырнадцати членов и кандидатов

Политбюро предыдущего созыва, остались в живых, кроме Сталина, только трое: Молотов, Ворошилов и Калинин.

Когда Власов прилетел в Москву 10 ноября 1941 года, выгружались передовые отряды сибирских дивизий, и Сталину удалось драконовскими мерами кое-как восстановить порядок. Тайной полиции был отдан приказ «провокаторов, шпионов и вражеских агентов, нарушающих закон и порядок, расстреливать на месте», набранные заочно рабочие батальоны отправлялись на фронт, женщины выгонялись на рытье окопов на окраинах города.

Власов получил приказ — как обычно у Сталина — явиться к нему в полночь. Он прискал в Кремль в сопровождении маршала Ворошилова и начальника Генерального штаба Шапошникова. После многочисленных контролей они вошли в рабочий кабинет Поскребышева, странного и таинственного человека, пользовавшегося долгие годы абсолютным доверием Сталина. Поскребышев был человеком лет 50-ти, среднего роста, коренастый, с начинавшей уже просвечивать лысиной над широким и высоким лбом. Пришлось ждать. Власов явно нервничал. Он никогда еще не встречался со Сталиным. Через несколько минут он вошел вслед за Ворошиловым и Шапошниковым в кабинет Сталина. В одном углу стоял громадный письменный стол, у другой стены — длинный стол для совещаний, покрытый красным сукном. За ним сидели Берия, Жуков, Маленков и Сталин. Сталин приподнялся и пожал им руки. Он двигался бесшумно, быстро и ловко. Власов был на голову выше Сталина.

— Товарищ Жуков! — начал Сталин. Он говорил очень тихо, но ясно.

Маршал Жуков сделал доклад. Это был самый нерадостный доклад, который можно было себе только представить. Папки в Москве нельзя было больше утаивать. Скудные пополнения войск натывались на поезда с эвакуированными и железнодорожные пути были забиты. На среднем участке фронта, германская армия находилась всего в 40 километрах от Москвы. На юге танковые части Гудериана

прошли почти до Тулы. С окончанием распутицы, давшей передышку тяжело потерпевшей Красной армии, кемпы будут продолжать наступление. Можно было предвидеть, что 3-я танковая армия генерала-полковника Хота на севере и Гудериана на юге обойдут Москву. Хотя намечен подвоз сибирских войск, но сомнительно, что они прибдут вовремя.

Когда Жуков кончил, Сталин обратился к Власову: «Что вы скажете о создавшемся положении?»

Медленно и обдуманно Власов указал, что мобилизация необученных рабочих, без совместных действий регулярных войск, бесполезна. Если сибирские войска прибдут вовремя, то следует предпринять прорыв в западном направлении. Это единственное средство выиграть время. Об остальном позаботится русская зима.

«С войсками каждый может защищать Москву» — резко сказал Сталин. Нужно мобилизовать население миллионного города и защищать каждую улицу. Кроме того, Берия предоставит 10.000 преступников».

«А танки» — вставил Власов.

«У меня нет никаких танков — ответил Сталин и вдруг улыбнулся. — Товарищ Маленков, сколько танков можем мы дать товарищу Власову?»

«Пятнадцать, — ответил Маленков.

«Значит, получите пятнадцать танков, больше у меня нет».

Затем Сталин назначил Власова командующим новообразовывающейся 20-й армии. Он поднялся. Разговор был окончен. Спокойствие и деловитость, отсутствие всякой позы, всякой нервности, с которыми Сталин отдавал приказы в таком отчаянном положении, произвели большое впечатление на Власова, в особенности то, что Сталин мог смеяться над пятнадцатью танками, которые еще были!

Вместе с Шапошниковым Власов отправился в штаб, чтобы обсудить меры для принятия командования над армией.

На следующий день он урвал минуту, чтобы увидеться с

ленной, работавшей в больнице. Затем началась борьба со временем. Самым худшим было отсутствие транспорта. Власов попытался облегчить этот вопрос, составив вереницы из тяжелых саней, груженных снарядами и оружием, которые были прицеплены к пятнадцати танкам — ни больше — ни меньше, предоставленным в его распоряжение. Да и многое приходилось организовывать по вдохновению, самыми примитивными средствами.

Организация 20-й армии еще не была закончена, когда немецкое наступление настолько продвинулось вперед, что армия вынуждена была уже вступать в действие. На севере германские танковые части достигли уже окрестностей столицы. На северозападе и на среднем участке фронт приблизился на 30 километров. На юге танки Гудериана стояли перед Каширой. Падение Москвы казалось неотвратимым.

Поэтому Власов, несмотря на скудные силы, решился на контр-наступление. Это было рискованным, но наступление казалось единственным средством, чтобы замедлить немецкое наступление. С несколькими танками, которыми Власов командовал лично, и моторизованными частями ему действительно удалось неожиданный прорыв немецкого фронта. Однако, несколько часов спустя, он был окружен, и связь с его армией была прервана. Он передал по радио приказ предпринять на следующее утро подсобное наступление, на встречу которому он сам пойдет с запада. Удался и этот маневр. Оба клина войск встретились у Химки.

Немцы приостановились, драгоценное время было выиграно. Но вскоре они опять перешли в наступление. На этот раз казалось, что им удастся прорыв на Москву. У Власова больше не было никаких резервов, а сообщения с северного участка его армии звучали все более угрожающе. В этот момент прибыл командир идущей походным порядком сибирской вспомогательной бригады. Как выяснилось, он получил приказ идти на подкрепление стоящей севернее соседней армии, но сбился с пути во время метели. Власов увидел в этом перст судьбы и сразу же взял бригаду под свою ко-

манду. Он прекрасно понимал, что такое своеволие может причинить ему большие неприятности, но время не ждало, а наступление своей армии в данный момент, он считал важнее всего.

Дав подошедшим частям два часа отдыха, он отдал приказ о занятии наиболее угрожаемых участков фронта.

Действительно, это своевольное решение послужило поворотным пунктом. Ударная сила германских частей, казалось, ослабела. Метели и высокие сугробы мешали подходу пополнений, моторы отказывались работать, зимнего обмундирования почти не было, тысячи обмороженных немецких солдат отправлялись в тыл.

Германские дивизии не могли больше выдержать контратаки свежих советских войск. Они подались назад. Наступление было отбито.

На следующий день, 6-го декабря, Власов принял второе решение, окончательно определившее судьбу боя за Москву — он приказал продолжать контр-наступление, не имея точных сведений о положении противника, и тем самым идя на большой риск.

Удалась и эта операция. Совершенно измученные немцы отступили. Почти двести километров гнала их 20-я армия Власова через Волоколамск до Ржева.

Фронт пришел в движение. Впервые удалось нанести поражение германским молниеносным дивизиям. Москва была спасена, ее спасителем был Власов. Хотя главное командование средним участком фронта было в руках Жукова, хотя рядом с 20-й армией, в контр-наступлении участвовали 30-я армия Лелюшенко, 1-я ударная армия Кузнецова, 16-я Рокоссовского, 5-я Говорова, 50-я Болдина и 10-я Голикова, но 20-я армия Власова находилась в центре и она добилась решающего поворота.

Теперь Власов стал известен также и за границей. Журналисты союзников добивались встречи и беседы с ним. Американская журналистка Ив Кюри писала: «Это человек который умеет бороться не только с решимостью, не только с

мужеством, но и со страстью» («Путешествие среди бойцов», Изв. Кюри, Гаден Сити, Дабблядей, Доран 1943).

Власова посетил Илья Эренбург и написал об этой встрече большую статью, помещенную в газете «Красная Звезда» в номере от 13 марта 1943 года. В пятой книге своих воспоминаний «Люди — годы — жизнь», (из-во Киндлер, Мюнхен 1965) Эренбург еще раз описывает эту встречу. Он называет Власова «интересным, честолюбивым, но и мужественным человеком», которого очень любили солдаты. Когда Эренбург узнал, что Власов получил в командование ударную армию, он заметил: «Выбор не плох». Тем не менее тот факт, что Власов впоследствии выступил против Сталина и его строя Эренбург объясняет только низменными мотивами: «У него не было никаких убеждений, только честолюбие». Власов, якобы, стремился к тому, чтобы стать «верховным главнокомандующим или военным министром искалеченной России, под эгидой правления победившего Гитлера». Сегодня, его якобы «забыли все, даже его приспешники». За удачные бои, за Москву Власов был награжден орденом Красного Знамени («Известия», 3 января 1942 г.), а 24 января того же года был произведен в генерал-лейтенанты. («Известия», 25. 1. 1942).

БОЙ У ВОЛХОВА

Необычайно холодная зима очень медленно уступала весне. Началась распутица, которой не бывало уже многие годы, делавшая невозможным какие-либо военные действия и тем самым продолжившая передышку, которую Красная армия могла использовать для подкрепления своих сил.

В конце февраля Власов получил несколько дней отпуска. Это было его последнее свидание с женой и ребенком.

6-го марта его снова вызвали к Сталину, который в при-

сутствии Молотова, Берии, Ворошилова, Маленкова и командующего воздушным флотом, генерала Новикова, назначил его заместителем верховного главнокомандующего северо-восточным фронтом, чтобы он, как выразился Сталин, «навел там порядок». Главнокомандующий Мерецков оказался неспособным.

В конце разговора, после того, как было обсуждено военное положение, Сталин заявил, что политическая неадекватность населения и некоторых армейских частей создали критическое положение в первые месяцы войны, но к счастью «сами фашисты быстро их вылечили». Власов был ошеломлен. Так открыто эти факты еще не обсуждались.

Замечание Сталина было намеком на то что он хорошо сознавал опасность возможной мобилизации немцами, в занятых ими областях, населения, враждебно настроенного против коммунистической партии и правительства. Уже 16 июля 1941 года Сталин должен был установить в своем тайном приказе № 0019: «На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие... в то время как число стойких комиссаров и командиров не слишком велико». (Александр Даллин, «Германское правление в России 1941-1945». 1958 г. стр. 76). Насколько несправедливо Сталин действительно оценивал положение и насколько он считал что не может полагаться на собственные войска, свидетельствует и его предложение Рузвельту и Черчиллю — ввести в бой американские и британские войска на советской территории.

Хопкинс, чрезвычайный уполномоченный Рузвельта, общал через шесть недель после начала войны, что если Соединенные Штаты вступать в войну, то Сталин будет приветствовать американские войска на любом участке советского фронта, (Роберт Шервуд: «Рузвельт и Хопкинс» из-во Вольфганг Крюгер, Гамбург, 1950, стр. 268).

В сентябре 1941 года Сталин телеграфировал Черчиллю: «По моему мнению есть только один выход — создание вто-

рого фронта на Балканах или во Франции еще в этом году, который был бы в состоянии оттянуть 30-40 немецких дивизий с восточного фронта. Одновременно должна быть обеспечена поставка 30.000 тонн алюминия, начиная с октября и ежемесячная поставка 400 самолетов и 500 танков. Без этой помощи Советский Союз или потерпит поражение или будет до такой степени ослаблен, что на долгое время лишится возможности оказывать поддержку союзникам собственными операциями на фронте в борьбе против гитлеризма».

На указание Черчилля, что создание второго фронта в данный момент по техническим причинам еще невозможно, Сталин телеграфировал:

«...Я не сомневаюсь в желании британского правительства видеть победу Советского Союза... Если оно считает, что создание второго фронта на западе невозможно то нельзя ли найти другой путь чтобы активно поддерживать Советский Союз на поле брани? По моему мнению, Великобритания безопасно могла бы высадить от 25 до 30 дивизий в Архангельске или направить их в южную Россию через Иран. Таким образом, на территории СССР могло бы быть установлено совместное сотрудничество между советскими и британскими вооруженными силами...» (Винстон Черчилль: «Воспоминания», из-во Парнас, Штуттгарт, 1951, стр. 304).

Политическое значение этого предложения единственно в своем роде. Войска капиталистических стран, под их собственным командованием в до сих пор герметически замкнутом от внешнего мира Советском Союзе! Не удивительно, что советские историки ни одним словом не упоминают об этом признании Сталиным своей слабости. В конце 1941 года германская армия заняла уже области, в которых находилось 40 процентов советского населения — 60 миллионов. В этих областях добывалось 65 процентов советского угля, 68 процентов всего железа-сырья, 58 процентов производства стали, 60 процентов алюминия. Кроме того, в них

находится 41 процент всех железнодорожных путей. Во второй половине 1941 года промышленное производство Советского Союза сократилось почти наполовину, а производство стали — на две трети.

При таких обстоятельствах политическая мобилизация немцами антисталинских сил, действительно, могла стать решающей.

9-го марта 1942 года Власов, Ворошилов, Маленков и Новиков приехали к Мерецкову, застав его в подавленном настроении. Сталин ясно выразил ему свое недоверие, и он знал, чем это могло кончиться. Положение было чрезвычайно критическим, хотя и не по вине Мерецкова. Сталин сам, в начале года, приказал наступление в направлении к Ленинграду. Для этого предназначалась, подкрепленная свежими силами, 2-ая ударная армия. Наступление было рискованным, поскольку оно велось в редко населенной, болотистой, прорезанной только немногими дорогами, местности, в то время как кругом стояла немецкая армия на хорошо укрепленных позициях. Вести наступление можно было только зимой, так как с наступлением оттепели дороги становились непроходимыми.

После длившихся неделями боев, с тяжелыми потерями, к концу января, наконец, удалось прорвать германские линии около Волхова и продвинуться на 90 километров. Но этим прорывом сила армии была истощена. Германское сопротивление усилилось, и самое главное — не удалось расширить узкого прорыва и грозила опасность, что «горышки бутылки» могут перерезать.

Началась распутица! Катастрофу можно было предотвратить только отступлением армии на восточный берег Волхова. Власов предложил отступить.

Сталин категорически отклонил это предложение и приказал продолжать наступление. Все возражения, даже полет в Москву, оказались тщетными. Пренебречь таким приказом было бы самоубийством. И Власов подчинился.

19-го марта случилось то, чего он опасался: армия бы-

ла отрезана от главного фронта. Теперь Власов лично принимал командование армией и вылетел 21 марта в «мешок». Ему действительно удалось 27-го марта восстановить связь с фронтом, хотя и только на узкой полосе шириною в три километра. Он снова настоятельно требовал разрешения на отступление. Сталин отказал и приказал продолжать наступление.

Красноармейцы пошли «через болотистые леса, по бездорожью, часто по пояс в снегу или по колено в воде». («Битва за Ленинград», Воениздат, Москва 1964, стр. 146.) Но вскоре их сила была окончательно сломлена. Армия перешла к обороне.

В эти дни к Власову приехала Мария Воронова, которая и привезла ему письмо от его жены. На обороте конверта был контур ручки его сына, как привет и талисман. Это было последнее письмо, которое он получил, и он носил его с собою до самой смерти.

И еще одна весточка заключалась в письме: «Гости были». Другими словами, тайная полиция произвела обыск на его квартире. Несмотря на его заслуги, несмотря на награждение Сталиным! Это было горьким сознанием, одним из тех переживаний, которые в результате привели его к решению, принятому им впоследствии.

Мария была простой женщиной, муж которой, после ареста, погиб без вести в Сибири. Последние годы она помогала жене Власова вести хозяйство и смотреть за ребенком. Теперь добравшись до фронта, она заявила, что останется при штабе и будет готовить Власову еду. Он еще слаб после своей болезни и жена беспокоится о нем и просила ее позаботиться. Мария осталась, несмотря на опасения, внушаемые Власову положением на фронте.

Тем временем положение армии становилось все безнадежнее, снабжение прекратилось, немецкие атаки становились все сильнее, потери росли.

Только 14 мая Сталин дал, наконец, разрешение на отступление.

А. А. Власов и Мария Воронова в Вольных Горках, июнь 1942 года.

Громадным усилием Власову удалось вывести из окружения несколько дивизий, но 20-го мая немцы окончательно прервали фронт. 9 дивизий и 7 бригад были обречены на гибель.

Только на участке Ботецкая — Чудово погибло 14.000 человек. Трупы утонувших, умерших с голоду солдат тысячами валялись в болотах и лесах. Только 32.000 человек пережили это побоище и были взяты в плен. Штаб квартира Власова была выведена из строя артиллерийским обстрелом. Большинство офицеров погибло или было ранено. Армия фактически перестала существовать.

Помощи не было. Десятки тысяч людей были напрасно принесены в жертву. Сталин обрек армию на гибель. Правда, он приказал вывезти Власова и его штаб, но посланные для этого парашютисты Власова не нашли его и были уничтожены. Мерецков в «Военно-историческом журнале», № 1, стр. 54-70, 1965 год, описывает ход сражения и заявляет, что во всем виновато только советское высшее командование, то есть Сталин, на котором лежит ответственность за гибель 2-й ударной армии.

Власов отдал приказ — выходить из окружения небольшими группами. Ему самому эта попытка не удалась. В течение нескольких недель он блуждал, с небольшим числом оставшихся соратников, по лесам и болотам. Ночи были душными и сырыми, днем стояла жара. От запаха разлагающихся трупов часто было трудно дышать. Голод становился все мучительнее.

Только одно было теперь у него неожиданно в изобилии: время, много времени. Власов старался внести ясность в то, что до сих пор ему не удавалось додумать до конца. Теперь он подводил итоги. Многое из того, что он до этого времени отодвигал в сторону, сознательно или бессознательно подавлял, теперь прояснилось. Ошибки правительства, террор, бессмысленная жертва десятков тысяч людей, как под Киевом, так теперь на Волхове.

Для себя лично он не видел никакого выхода. Застрелиться? Ради чего? Ради Сталина?

Раздумывая, он шел дальше выжидая, что пошлет ему судьба. Может быть найдется какая нибудь возможность пройти через фронт? Мысль о сдаче и сейчас еще не приходила ему в голову.

Через несколько недель с ним остались только Мария, начальник его штаба Виноградов с денщиком. Голод становился невыносимым.

Наконец положение стало безнадежным, и они решили пробираться к какой нибудь деревне. Может быть крестьяне спрячут их и прокормят, пока германские войска пройдут дальше, пока не будет возможности пробиться через фронт.

11-го июня генерал Власов и Мария отправились в маленькую деревушку Туховечи, в то время как Виноградов с денщиком решили добраться до соседней деревушки Ям-Тесово.

Они сняли знаки отличия. Власов отдал свою шинель Виноградову, который больной малярией и раненый все время мерз.

Деревенский старшина в Туховечи согласился помочь им, и залер их в сарай пожарной команды, без окон, а затем уведолил немцев.

О странных обстоятельствах сдачи в плен Власова сообщает переводчик XXXVIII корпуса, зондерфюрер Клаус Пельхау:

«На рассвете 12 июля меня разбудил офицер службы связи корпуса, капитан фон Швердтнер, сообщивший, что накануне вечером у Ям-Тесово был убит Власов и его труп надо опознать.

Мы отнеслись к этому скептически — неделями уже мы искали Власова, и нас уже не раз тревожили понапрасну — но, несмотря на это, мы сразу отправились в Ям-Тесово. Когда мы проезжали через деревушку Туховечи, русский бургомистр попросил нас захватить двух партизан, которых

он задержал накануне вечером, когда они просили помощи и пищи.

Поскольку нам надо было сперва выполнить наше поручение, мы обещали ему сделать это на обратном пути.

В Ям-Тесово, куда принесли труп, местный комендант сообщил нам, что денщик убитого, легко раненый, взят в плен. Мы допросили этого человека, который утверждал, что он — денщик Власова.

Втроем, вместе с кухаркой Власова, сказал он, они блуждали неделями в надежде пробиться к своим. Голод все время вынуждал их заходить в деревни, где по их предположениям не было немцев. Так же было и на этот раз. При этом их обстреляли, и Власов был убит. Что случилось с кухаркой, ему неизвестно.

На убитом была шинель генерал-лейтенанта, был золотой зуб, упомянутый в описании Власова. У нас не было никаких сомнений, что убитый — это Власов; мы составили протокол и разрешили предать труп земле, уведомив по радио штаб.

На обратном пути мы уже проехали Туховичи, когда вспомнили о партизанах. Мы вернулись, и бургомистр провел нас к дому, который хотя и был заперт снаружи, но никем не охранялся.

Мы поставили перед дверью двух солдат с автоматами, и когда бургомистр ее открыл, я крикнул по русски в темноту сарая, чтобы партизаны вышли. В ответ послышался глубокий бас на ломаном немецком языке: «Не стрелять, генерал Власов!» — и из сарая вышел человек, чрезвычайно похожий на того, кого мы только что разрешили похоронить.

На нем была офицерская форма без знаков отличия. Он передал мне свидетельство, лично подписанное Сталиным, гласившее, что он — заместитель главнокомандующего северо-восточным фронтом и командующий 2-й ударной армией. Затем он вынул из кармана бельгийский пистолет и передал его капитану фон Швердтнеру. На мой вопрос — кто эта женщина, он ответил, что это его кухарка.

Я сказал ему, что мы только что опознали трун Власова, одетый в шинель генерал-лейтенанта. На это Власов сказал, что убитый начальник его штаба, полковник Виноградов.

Мы еще не были убеждены в том, что это Власов и на обратном пути капитан фон Швердтнер задавал ему различные каверзные вопросы, на которые, однако, мы получали такие ответы, что у нас, наконец, не осталось больше сомнений.

По дороге он спросил, должен ли, по мнению немцев, генерал в его положении застрелиться, на что Швердтнер ответил, что для генерала, сражавшегося до последней минуты со своими войсками, плен не является позором.

В штабе корпуса сперва не были склонны признать нашего пленника подлинным Власовым, поскольку наше первое сообщение было уже передано в ставку Гитлера. Но когда «денщик Власова» сознался, что он хотел выгородить Власова, а в действительности был денщиком Виноградова, все стало ясно.

На следующий день мы под сильной охраной отправились в штаб 18-ой армии в Сиверскую.

Генерал-полковник Линдеман, командующий армией и противник Власова, во время сражения на Волхове, отнесся к Власову чрезвычайно корректно и вежливо. Оба генерала подробно обсудили ход боя.

ДРУГОЙ МИР

15-го июля Власов простился на вокзале Сиверской с Марией, которую отправляли в рабочий лагерь, и подарил ей свои золотые часы.

Его самого жандармский лейтенант Стеен и полевой жандарм отвезли в Главный штаб армии в Лейп.

Во время поездки Власов молчал. Он был подавлен и

напряжен, но внимательно наблюдал за всем. Только на пограничной станции Эйдкунен, его окаменелость прошла. Поводом к этому была встреча с группой девочек в светлых летних платьях, которые шли вместе с воспитательницей детского сада, и пели песни. Власов невольно схватил своего спутника за руку, растроганно смотря на детей. Эта мирная картина, повидимому, ослабила напряжение, в которой он находился последние недели. Его глаза были влажны, когда они пошли дальше.

С тех пор он стал иногда улыбаться. Смотря, во время пути через Восточную Пруссию, на деревни, поля и скот, он внезапно не удержался от похвалы: «Дейчланд хорошо» (описание поездки переданное автору Эрнестом Стен).

В Лецен они прибыли 17-го июля. Через несколько дней Власова привезли в Винницу, куда был переведен Особый лагерь Главного штаба. Этот лагерь, без ведома высшего командования, был создан начальником 11 Организационного отдела Генерального штаба, графом Штауфенбергом, и находился в ведении капитана Петерсона. Петерсон был балтийцем, быстро вступал в контакт с пленными и, как большинство офицеров отдела, был противником официальной восточной политики.

В лагере находились постоянно от 80 до 100 избранных пленных, с которыми, по тогдашним понятиям, обращались исключительно хорошо: генералам отводилась отдельная комната, полковники размещались по-двое и по трое в одной комнате. Питание шло по германскому пайку. (Эгон Петерсон, личное письмо автору).

Здесь в лагере Власов встретился с другими высшими командирами Красной армии. Впервые им представилась возможность говорить свободно, без страха, который сковывал всех при диктатуре Сталина. Несмотря на неясность будущего многие воспринимали плен, прежде всего, как внутреннее освобождение.

Особенно близко Власов сошелся с полковником Владимиром Боярским, командиром 41 гвардейской дивизии, по-

павшим в плен после ранения. Боярский был импульсивным, умным, фанатически преданным своей родине человеком, сразу заявившим, что он ненавидит советский строй и готов к честному сотрудничеству с немцами только в том случае, если они думают об освобождении, а не завоевании России. Его образовательный уровень был гораздо выше среднего.

Власов и Боярский прекрасно знали советскую систему и все ее слабости, так же как настроения офицеров Красной армии. Они знали, что большинство — как и они сами — не перейдут на сторону врага, но что положение стало бы в корне иным, если бы на другой стороне были бы не немцы, а русское национальное правительство с русской освободительной армией, которая действительно могла бы защищать национальные интересы России.

После долгих совещаний они составили 3 августа 1942 года доклад (А. Даллин, стр. 569,) в котором изложили свое мнение, что большинство населения, а также и армии, приветствовали бы свержение советского правительства, но только в том случае, если бы новая Россия считалась равноправным союзником. Поэтому следует создать Русскую армию, ибо только такая Освободительная армия, борющаяся за интересы России, будет поддержана народом.

Тем самым Власов и Боярский сказали то, что думали миллионы людей. Ибо при германском наступлении стало ясным, что большинство жителей занятых областей, было готово работать с немцами, на которых они смотрели, как на избавителей от сталинского террора.

Народы России к моменту начала войны пережили уже коллективизацию, которая стоила 10 миллионов жертв. (Эту цифру назвал сам Сталин в разговоре с Черчиллем в мае 1942 года.) Они пережили чистки ГПУ «ежовщины» в 1936-1938. От 8-ми до 10-ти миллионов людей отправлялось ежегодно в концентрационные лагеря. (Эмерикан Федерешен оф Лейбор: Американская Федерация труда: «Рабочий труд в СССР». Доклад Объединенным Нациям, 1949 года).

Правда, в результате сталинского террора было слом-

лено какое либо организованное сопротивление народа, но зато возросло число тех, у кого были личные причины ненавидеть Сталина.

В истории вряд ли найдется еще другой пример, чтобы такая значительная часть населения какой нибудь страны так боялась и ненавидела свое правительство, как народы России ненавидели правительство Сталина. Только этим можно объяснить, что миллионы людей, живущих в России, которые, безусловно, любили свою родину не менее, чем граждане любой другой страны, — были готовы вступить в союз с нападающим противником чтобы бороться против собственного правительства.

Как велико было число противников режима, свидетельствуют бесчисленные примеры уже с самого начала восточного похода:

Американец Чарльз В. Тейер описывает реакцию крестьян в деревне в 160 километрах югозападнее Москвы на известие о немецком нападении: «Наконец-то!» — сказали они. — «Пусть Кремль только даст нам оружие. Мы знаем уж, в кого будем стрелять! Если Гитлер появится на мосту перед деревней, мы все выйдем ему навстречу с хлебом-солью». (Чарльз В. Тейер, «Партизаны», из-во Рюттер и Ленинг, Мюнхен 1965 год, стр. 67).

Осенью 1941 года, 2 000 человек, главным образом студентов, вышли из Ленинграда, под руководством молодого студента по имени Рученко, в леса под Гатчиной, чтобы избежать мобилизации в Красную армию, и ожидали там немцев, чтобы принять участие в борьбе против сталинского режима. Они надеялись, что немцы — освободители — наступают с готовой политической программой, которая заменит большевизм. Но немцы запретили им всякую политическую деятельность и предоставили им возможность работать в тылу шоферами, кухонными помощниками и т. п. Однако, когда к концу 1943 года германская политика стала все более неприемлемой для национально думающих русских, большинство из них перешли к партизанам.

В Погеггене, под Тильзитом, в одном из первых лагерей для военнопленных в Литве, 12 000 человек — половина пленных — подписали меморандум, что по их мнению наступила пора превратить войну в гражданскую войну против сталинского режима, и они готовы вступить в борьбу.

Когда в конце 1941 года военнопленные офицеры из лагеря в Минске должны были быть отправлены в Германию, они кричали: «Мы не хотим в Германию! Дайте нам оружие! Мы хотим бороться против Сталина!» (Дмитрий Космович, стр. 17.)

Показательна также запись в записной книжке капитана Красной армии Гончарова, помеченная 14 января 1942: «Почти половина деревни работала вместе с немцами. Они не только не поддерживали партизан, а доносили на них и боролись с ними. (Цитируется у Поля Карелля: «Операция Барбаросса», из-во Ульштейн, Франкфурт-Берлин, 1963 год, стр. 340.)

Миллионы русских задавали себе вопрос, идти ли им с немцами, потому что только так может быть свергнута власть Сталина, или защищать свое отечество и вместе с тем ненавистную власть коммунистов. Если они могли верить в честность германского освобождения, то становились искренними и жертвенными борцами против диктатуры Сталина, если же политика немцев оказывалась отрицательной, — они отказывались от сотрудничества с ними и сражались за свое отечество. Если уж диктатура, так по крайней мере своя!

Когда Власов прибыл в Винницу, германская армия после того, как зимой были, в значительной степени, ликвидированы прорывы фронта, взят Севастополь, отражено наступление маршала Тимошенко, с 40 новыми дивизиями, у Харькова, — предприняла новое летнее наступление на Кавказе и на Волге. В руках немцев оказались громадные области с многомиллионным населением.

Однако германское политическое руководство было больше, чем когда либо, далеко от однородной и реальной

восточной политики. За фасадом единства правления фюрера, бушевала борьба за власть различных групп, о чем внешний мир вряд ли имел какое либо представление.

В ставке фюрера, несмотря на зимние поражения, была только одна цель: безжалостное подавление и колонизация занятых областей. В министерстве для занятых восточных областей, Розенберг пытался проводить свои идеи о разделении российского государства на самостоятельные единицы: Украину, Белоруссию, Кавказ и Туркестан. Назначенные Гитлером рейхскомиссары — в особенности гаулейтер Кох на Украине — занимались грубейшим грабежом и политикой уничтожения населения.

Гиммлер мечтал о германской великой державе, в которой славянский «унтерменш» будет играть роль рабочего робота.

И, наконец, существовала группа людей, которые отвергали эти нереальные планы мании величия не только по военным, но и по моральным соображениям и боролись против них. После зимы эта группа все больше выдвигалась на первый план и пыталась различными путями добиться изменения официальной восточной политики. Полковник граф Штауфенберг, покушавшийся впоследствии на Гитлера, называл ее «Обществом борьбы против опасного для жизни идиотства».

К этой группе принадлежали, наряду с многими назначенными на восточный фронт высшими командирами и штабными офицерами, большинство руководителей Главного штаба армии, прежде всего генерал Вагнер, офицеры пропагандного отдела штаба армии, начальник германской военной контр-разведки адмирал Канарис, и группа дипломатов под руководством бывшего посла в Москве графа фон Шуленбурга.

Но и военнослужащие «Ваффен СС», посланные на восточный фронт, и отдельные члены СД-учреждений III (внутренних) и VI (иностранных) начинали убеждаться в бессмысленности официальной политики, хотя у них главную

роль играли не вопросы совести, а вопросы целесообразности проводимой политики в занятых областях.

Некоторые надежды на успех могли иметь, в этот момент, только военные круги. Они добивались этой цели всеми средствами, имевшимися в их распоряжении, и с большим гражданским мужеством.

Так как Верховное Командование, в особенности, генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Йодль были безусловно преданы Гитлеру и принципиально запрещали армии вмешиваться в политические дела, — оставался только один путь, чтобы пробить эту «стену подотчества и слепоты», как выразился Штауфенберг — подготовка убедительного и документированного материала, который доказывал бы невозможность победы немецкой армии на Востоке, если не будет коренным образом пересмотрен вопрос о будущем народов России.

Генерал-полковник Хальдер, начальник генерального штаба армии, поручил в апреле 1942 года подполковнику Рейнгарду Гелену руководство отделом «Восточных армий», работа которого до тех пор проводилась недостаточно энергично.

Гелен, бывший ожесточенным противником насильственных методов Гитлера, видел возможность победы в России только в честном союзе с русским народом. Он привлек ряд молодых, и так же как он настроенных офицеров генерального штаба, с фронтовым опытом и знанием России, в том числе ряд балтийских немцев.

Вскоре отдел располагал множеством подлинных материалов. Наряду с протоколами допросов, с докладами отделений контр-разведки о положении противника, накапливались докладные записки различных армейских частей и органов самоуправления, и во всех них, все настойчивее, требовалось изменение восточной политики, в противном случае все, достигнутое до сих пор, будет поставлено на карту, и готовность населения сотрудничать обратится в ненависть.

Все сильнее укреплялось сознание, что сотрудничество

народов России, без которого нельзя было обойтись, можно обеспечить только в том случае, если будут определены политические цели, за которые им стоило бы бороться.

Предпосылки для этого были давно уже созданы, они по необходимости возникали из существующих условий, и поощрялись местными военными властями, которые, не задавая много вопросов, принимали сами решения, при молчаливом согласии Главного штаба, но без ведома главной ставки фюрера, причем местные военные власти исходили при этом из того факта, что основная масса населения в занятых областях была готова сотрудничать в такой мере, которую нельзя было даже ожидать. На это первый указал, командующий 2-ой танковой армией, генерал-полковник Шмидт, в своем докладе от 18 сентября 1941 года: «О возможности подавления большевистского сопротивления изнутри».

Вооруженным отрядам самообороны, стихийно возникшим после ухода Красной армии, чтобы самостоятельно вести борьбу против оставшихся партийных работников и партизанских групп, не мешали действовать. Перебежчики и пленные во все большем количестве использовались фронтowymi дивизиями, как шоферы или механики, хотя официально они не регистрировались. Они носили немецкую форму без знаков отличия, были в большинстве вооружены и, если требовалось, сражались бок-о-бок с немцами. Для них было придумано название — «хильфсвиллиге» — «Хиви» — добровольные помощники. Число их достигало нескольких сотен тысяч.

134-ая пехотная дивизия предложила, в июле 1941 года, всем своим пленным признать их, как равноправных солдат, и таким образом к концу 1942 года, почти половина дивизии, состояла из бывших советских солдат. Хотя так далеко идущий эксперимент в 134-ой дивизии остался исключением, но он доказывает, какие имелись возможности (А. Даллиг, стр. 551).

Были организованы также полностью вооруженные добровольческие батальоны под немецкой командой, которые

использовались для борьбы с партизанами и обеспечения связи с тыловыми областями.

В двух случаях были созданы также крупные русские части, под непосредственно русским командованием, которые считали себя ядром будущей русской освободительной армии: «Русская национальная армия» (РНА) в Осинторфе и «Русская народная освободительная армия» (РОНА) в Локоте.

Всего осенью 1942 года под ружьем находилось 800-900 тысяч русских людей, сражавшихся против советского правительства — без того, чтобы это было известно Гитлеру.

Так как все попытки добиться изменения восточной политики прямым путем потерпели неудачу, оппозиции в армии оставалось надеяться, кроме убедительной силы неизбежных поражений, еще на возможность выдвинуть, как руководителя русского Освободительного движения какую-нибудь авторитетную и известную личность в Советском Союзе, своего рода русского Шарля де Голля.

В этой атмосфере напряженности, разочарований и нетерпения разорвалось, как бомба, известие о взятии в плен Власова. Он был одним из способнейших и популярнейших генералов Красной армии, одним из спасителей Москвы. Его выступление против Сталина могло повлечь за собой чрезвычайные последствия.

Все зависело от того, чтобы выяснить, каковы были его отношения к Сталину и советской власти? Чтобы выяснить этот вопрос надо было найти человека, который не только бы знал русский народ, но обладал бы также достаточным тактом, психологическим знанием людей, чтобы в разговоре с пленным генералом вызвать у него доверие.

Такого человека Гелен нашел в капитане резерва Вильфриде Штрик-Штрикфельдте. Штрикфельдт, балтийский немец, был офицером царской армии Первой мировой войны. Гелен перевел его из штаба Средней армии к себе, потому что ему было известно, что Штрикфельдт уже в самом начале похода проповедывал те же самые идеи, которые разделял Гелен.

Капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт

Уже в октябре 1941 года Штрик-Штрикфельдт составил, по поручению офицеров генерального штаба фон Трескова и фон Герсдорфа, план создания Русской Освободительной армии, для начала с 200 тысячами добровольцев, и, полковник фон Тресков, с одобрения главнокомандующего фон Бока, представил его генералфельдмаршалу фон Браухичу и в главную ставку фюрера.

Окончательным толчком к составлению этого плана был, адресованный Гитлеру, меморандум русского бургомистра города Смоленска, подписанный десятью видными горожанами, в котором предлагалось, как предпосылка для скорейшего падения советского правительства, гарантия независимости России, создания национального русского правительства и Освободительной армии.

В ноябре 1941 года от Кейтеля пришел лаконический ответ: «Политика принципиально не касается армии». Кроме того, фюрер подобные предложения обсуждать не может. (Хейнц Д. Дерре: «Дневник», Штрик-Штрикфельдт.)

Спустя несколько дней пришел ответ и от Браухича: доклад был возвращен обратно, с пометкой на полях: «Считаю решающим для исхода войны».

Вскоре после этого Браухич и Бок были смещены Гитлером.

Когда генерал Гренфенберг передавая смоленскому бургомистру, от имени армии, два вагона с медикаментами, коснулся в разговоре с ним и меморандума, бургомистр резко перебил его: «Если в такое, решающее для войны, время четыре недели проходят впустую, то можно уже представить себе ответ. (Штрик-Штрикфельдт, был при этой сцене переводчиком.)

В то же время Штрик-Штрикфельдт, с несколькими другими офицерами, составил, под впечатлением невыносимых условий в лагерях для военнопленных, докладную записку, в которой предлагалось освободить из лагерей всех военнопленных, семьи которых жили в занятых немцами областях — а из остальных организовать народную милицию. Это

был план, осуществление которого имело бы такие последствия, которых нельзя было недооценивать. Этим были бы опровергнуты советские утверждения о бесчеловечном обращении с пленными, вследствие чего дальнейший рост числа перебежчиков увеличился бы, это привело бы к уничтожению, еще слабых тогда, партизанских групп и, прежде всего, дало бы возможность обеспечить продовольствием и жильем остальных пленных.

Несмотря на неоспоримость этих аргументов и на то, что вследствие советских разрушений снабжение продовольствием и перевозка пленных были практически невозможны, ставка фюрера отклонила эту докладную записку. Одновременно адмирал Канарис подал протест против незаконного обращения с военнопленными, на который Кейтель ответил: «Эти соображения соответствуют представлению солдата о рыцарской войне. У нас же идет дело об уничтожении мирозрения. Я отвечаю за последствия этих мероприятий».

Последствия этого отказа были достаточно тяжелыми: в течение зимы значительный процент пленных погиб из-за голода и болезней, усилилось отрезвление и разочарование среди населения, и многие миллионы стали непримиримыми врагами немцев.

Под гнетом этого сознания, и понимая, что вскоре должен наступить поворот, Штрик-Штрикфельдт встретился с Власовым.

РЕШЕНИЕ — ПРОТИВ СТАЛИНА

Власов пытался, тем временем, внести ясность в свои мысли. Его смущало разнообразие впечатлений. Он не мог еще прийти в себя. Наряду с почти товарищеской встречей с Линдеманом и предупредительным и корректным обращением в Лещене и Виннице, его сокамерники рассказывали ему об условиях в других лагерях для военнопленных. Что здесь

было системой, что намерением и что обстоятельствами, которые могли возникнуть в каждой войне?

Когда вошел Штрик-Штрикфельдт, Власов медленно поднялся, и когда тот представился, предложил гостю стул. После этого он стал молча ждать, когда тот заговорит. На его лице, изможденном голодом, можно было прочесть сдержанное внимание и легкое недоверие.

Штрик-Штрикфельдт говорил медленно, нащупывая почву, вначале даже волновался. Он сразу почувствовал, что перед ним незаурядная личность.

Так начались разговоры длившиеся днями, очень важные для обоих, — борьба за познание — с одной стороны, стремление убедить и привлечь на свою сторону — с другой. Разговоры, которые постепенно привели к взаимному доверию, вызвали товарищество, даже дружбу, оставшуюся нерушимой до самого конца.

Штрик-Штрикфельдт познакомился сперва только с внешними событиями жизни Власова. Он узнал о бедности родительского дома, о восторге перед революцией, которая должна была все изменить. О головокружительной карьере, проделанной крестьянским сыном в Красной армии. Казалось все ясно: правительство и партия дали ему эту возможность, и не причинили ему лично никакого вреда.

Но Штрик-Штрикфельдт вскоре понял, что все это не так просто, что при этом многое было пережито, многое не было забыто, и снова всплыло в памяти в аду Волховского боя, за недели глубокого раздумья, было продумано впервые ясно и твердо до конца, и привело к внутреннему перелому, к отказу от коммунизма, к разрыву с ним.

То, что это решение может быть никогда не было бы принято без Волховского боя, без плена, Штрик-Штрикфельдту важным не казалось. Решающим было то, что оно было принято, и что он мог считаться с этим фактом.

Теперь дело было за ним, — показать путь, по которому сознание могло стать освобождением. После многих дней проверки, знакомства, понимания, Штрик-

Штрикфельдт решил говорить с Власовым откровенно, как в это время он мог говорить только с немногими немцами. Он чувствовал, что только таким путем, может завоевать доверие этого человека.

Для Власова открывался, шаг за шагом, новый и совершенно чуждый мир. С изумлением он слушал, что здесь решала все, не так как на его родине, воля одного человека, что здесь могли более или менее открыто проводиться другие планы, что были круги, которые хотели принудить Гитлера поступать так, как они считали разумным и правильным. И при всем том Гитлер был диктатором. Разве эти люди не рисковали своей головой? Разве этот симпатичный капитан не был кандидатом в смертники?

Решение встать во главе Освободительного движения было для Власова не легким. Он знал, что вступает на путь, с которого нет возврата, который он должен дойти до конца. Но он понимал также и судьбоносные возможности для своей родины. Решающим было, дадут ли ему немцы свободу действий, которая одна могла привести к успеху? Окончательным толчком было доверие к Штрикфельдту. Власов достаточно хорошо знал людей, чтобы понять, что в этом человеке не было фальши, и он заключил с ним договор о совместной борьбе, которую оба считали своей нравственной обязанностью, ради которой оба были готовы заплатить жизнью. Власов стал союзником, не только против Сталина, но и против Гитлера.

Когда вскоре после этого в Винницу был послан из пропагандного отдела Главного штаба обер-лейтенант Дюрксен, чтобы познакомиться с Власовым и подготовить его поездку в Берлин, Власов был с ним откровенным и приветливым.

Гелен решил, что Штрик-Штрикфельдт, на ближайшее время, должен остаться с Власовым, и поэтому перевел его в отдел пропаганды Главного штаба. Он предвидел, что произойдут затруднения, с которыми Власов вряд ли справится без поддержки единственного немца, которому он до сих пор питал полное доверие. Кроме того, Штрикфельдт, с его практи-

ческим опытом, должен был обогатить несколько абстрактную деятельность пропагандного отдела, а также внести предложения о коренном изменении восточной политики.

Штрикфельдт прибыл в Берлин за несколько дней до приезда Власова. Он сразу установил контакт с пленными маленького Особого лагеря, устроенного в одном из флигелей дома на Викториаштрассе № 10, для особо избранных пленных и перебежчиков, которые согласны были участвовать в Освободительном движении народов России.

Штрикфельдт говорил с ними свободно, так свободно, что некоторые принимали его, сперва, за провокатора, пока не поняли, что это человек с большим гражданским мужеством, с полным знанием дела и, по требованию своей совести, критикующий официальную восточную политику.

Когда, однажды, было высказано опасение, что немцы могут заключить договор с русскими антибольшевиками только для того, чтобы их использовать, а потом обмануть, — один из присутствующих, вполголоса, сказал, что тогда остается только один путь — уйти в леса и вести партизанскую войну с немцами. На эти слова, Штрикфельдт, задумчиво ответил: «в таком случае мы с вами, вероятно, встретимся в лесу».

(А. Казанцев, «Третья сила», стр. 154, 1952 г.)

Пленные этого Особого Лагеря, значение которого, Пропагандным и Политическим Отделом, особенно подчеркивалось, с трудом могли поверить, когда узнали, что вся пропаганда Главного Командования на Востоке, фактически, велась только двумя людьми: капитаном фон Гроте и оберлейтенантом Дюрксом.

Правда, Гроте на этом посту был вполне на месте. Это был человек высокого духовного уровня, который знал и понимал, так же как и Дюрксен, родившийся в России, и русский народ и его проблемы.

Это дополнялось еще тем, что их начальником был полковник Ханс Мартин, руководивший Отделом восточной пропаганды, который сам очень отрицательно относился к офи-

циальной политике на востоке и готов был бороться за ее изменение. Он поощрял и покрывал прием на работу русских сотрудников, участвовавших в работе Отдела.

Таким же образом был принят на работу Александр Степанович Казанцев, которому было суждено много сделать для Русского Освободительного Движения, хотя его служебный пост был совершенно незначительным.

Казанцев принадлежал к руководящим кругам организации русских союдаристов, НТС, в которой была объединена часть молодого поколения русской эмиграции, понимавшей, что в борьбе против коммунизма нужны новые идеи. НТС был хорошо организован и, сразу же после начала войны с Советским Союзом, члены его были отправлены в занятые немцами области.

НТС был знаком с истинными целями гитлеровской восточной политики, но вынужден был работать вместе с немцами, так как без их помощи, было невозможно добраться до занятых в России областей, да и самое свержение советского строя, без помощи немецкого оружия, казалось невозможным. Члены НТС считали, что немцы не могли выиграть эту войну без помощи русского населения, так что, в конце концов, вопрос отказа их от своих колониальных планов — это только вопрос времени. Укреплять эту «третью силу» НТС считал своей главной задачей. Многие члены НТС работали в различных учреждениях: в министерстве пропаганды, в пропагандном отделе Главного командования и, прежде всего, в Восточном министерстве, в его политическом отделе, начальником которого был Лейбрандт, а так же в учебных лагерях, находящихся в то время под начальством Кньюпфера.

Кньюпфер отрицал взгляды Гитлера и Розенберга и поэтому охотно предоставлял членам НТС некоторую свободу действий.

В учебных лагерях, через которые проходили тысячи русских перебежчиков, чтобы получить в них курс обучения для работы в занятых областях, а также в службе бе-

зопасности, — для НТС представлялись большие возможности — можно было не только выбирать, подходящих для работы, людей, но также, после отправки их в занятые немцами области, входить с их помощью в контакты с местными жителями.

Казанцев помогал в Пропагандном Отделе Главного Командования при составлении листовок и газет. При этом у него была возможность знакомиться и влиять на людей, находящихся в Особом Лагере, а так как через него прошло очень большое количество перебежчиков и военнопленных — то это влияние распространялось гораздо дальше, чем это казалось со стороны.

Поскольку сам Казанцев не бывал в занятых восточных областях, он не представлял себе, насколько сильна была оппозиция, расположенных там армейских частей, против официальной восточной политики. Он еще не понимал, что только сотрудничество с этой частью немецких военных, могло иметь значение для укрепления позиции «третьей силы», которую поддерживал НТС.

17-го сентября Власов приехал в Берлин. До него в Особом лагере побывало уже много людей и среди них были действительно выдающиеся личности. Одной из них, несомненно, был Милетий Александрович Зыков, которого Власов застал еще в лагере.

Зыков, одна из самых ярких, но и самых загадочных фигур Освободительного Движения. В плен он попал под Батайском, в чине полит-комиссара Красной Армии и был бы ликвидирован немцами, как таковой, если бы полковник барон фон Фрейтаг-Лорингхофен, на которого он произвел большое впечатление, не переправил его, через Випшицу, в пропагандный Отдел Главного командования. Там Зыков сразу заявил, что хотя он убежденный противник Сталина и воспользовался первой возможностью, чтобы перейти на сторону немцев, чтобы предложить им программу действий для свержения советского строя, но — он, прежде всего русский, и сможет только тогда работать вместе с немцами,

если цель Германии — освобождение, а не порабощение России.

Гроте и Дюрксен подробно познакомили Зыкова с политической обстановкой и пытались убедить его, что он принесет наибольшую пользу своему отечеству, если будет поддерживать разумные силы германского руководства.

Зыков попросил дать ему время подумать. Затем, в течение трех суток, написал доклад о структуре и организации советского хозяйства, в частности, оборонной промышленности, который превзошел все, что до сих пор читали немецкие офицеры. Это был доклад специалиста, с громадными познаниями.

Неделю спустя он представил «Организационный план мобилизации русского народа против сталинской власти» — план, продуманный во всех деталях и свидетельствующий о точном знании Зыкова политического и психологического положения Советского Союза. Этот материал полностью подтверждал соображения кругов Штауффенберга, Гелена и Гроте.

Зыков считал чрезвычайно важным немедленное создание национального русского правительства, во главе которого бы встал известный генерал Красной Армии, популярность которого была бы бесспорной. Заков был убежден, что такой человек найдется, как только Германия готова будет заключить честный союз с антикоммунистическими силами России. В таком случае, падение сталинской власти было бы вопросом только времени.

В то время Зыкову было не больше сорока лет — это был человек среднего роста, элегантный, с смуглым лицом какого-то восточного типа и мягким, сдержанным голосом. Он сразу стал центром среди военнопленных Особого лагеря. Его уважали, с ним считались, но только очень немногим он нравился на самом деле, так как его превосходство было слишком велико, его знания слишком необычны, а манера отбрасывать не идущие к делу вопросы, слишком резка.

Холодный интеллект странно сочетался в нем с чувствительностью. Этот резкий, всегда полностью владевший собой человек, был любителем искусства и великолепно умел декламировать. Хотя он очень скупно рассказывал о своем прошлом, но было очевидно всем: в его лице Сталин имел опасного противника.

Родившись в Одессе, в семье мелкого торговца, он еще в ранней юности установил связи с революционными кругами, лично знал Ленина, был в числе первых, награжденных орденом «Красного Знамени».

С поста редактора районной газеты в Узбекистане, он быстро поднялся до заместительства главного редактора «Известий» — Бухарина. В Московском Университете он читал лекции по истории литературы, а благодаря браку с дочерью Бубнова, тогдашнего народного комиссара по делам культуры, был принят в тесном кругу высшего партийного руководства.

Когда Бухарин и Бубнов пали жертвами Ежовской «чистки», Зыков был арестован, приговорен к заключению в концлагерь в Сибири. Когда началась война, он был досрочно освобожден, восстановлен в партии и командирован политкомиссаром в армию. Такова была карьера этого убежденного противника Сталина. При всем том — он был социалистом и вовсе не скрывал, что будущую Россию он представляет, как социалистическую страну.

Ценность Зыкова, как сотрудника, хорошо понимали Гроде и Дюрксен.

Предположение службы безопасности, что Зыков — советский агент, Гроде мог легко опровергнуть указанием, что советские власти вряд ли воспользовались бы для такой цели комиссаром еврейского типа. Ссылаясь на незаменимость Зыкова, как работника, Гроде первое время легко отклонял от него многие неприятности.

Сам Зыков и не признавал и не отрицал того, что он еврей. Однажды, во время игры в карты, один из игравших спросил его — еврей ли он? Зыков подумал с минуту, а по-

том спокойно ответил: «Во время игры нельзя говорить о таких вещах. Когда игра кончится — тогда поговорим». Вопрос о том, подразумевал ли он игру в карты или игру своей головой, которую он вел ежедневно — остался открытым.

Когда приехал Власов, Зыков был уже полгода в Берлине. За это время, в бесчисленных разговорах, пленные Особого лагеря, разобрали во всех подробностях все возможности свержения сталинской власти. Надежды на то, что их планы и предложения будут приняты германским командованием — уменьшались с каждым днем, но все они понимали, что положение может измениться с появлением Власова и поэтому его приезд ожидался с большим нетерпением.

Уже после первых же разговоров с Власовым, никто не сомневался, что у него есть все, что необходимо в подобном положении: популярность в Красной Армии, безупречная личная порядочность, сила убеждения. Ему не могли не поверить и рядовой солдат и офицер — что он выступает против Сталина не из за личных счетов.

Сперва Власов, со свойственной ему макерой, был сдержанным, наблюдающим и внимательным слушателем. Потом, он начал рассказывать о своей жизни, о своих беседах со Сталиным, о Волховском бое — эти рассказы свидетельствовали насколько тверд он был в тех выводах, к которым он пришел за время своего плена.

Совместная работа с Зыковым, необычайную трудоспособность и способности которого, он признавал без малейших оговорок, была для Власова во многих отношениях, интересной и плодотворной.

Вскоре, на Викториаштрассе, при содействии Штрикфельдта, появился человек, который сыграл значительную роль в судьбе Власова — генерал-майор Василий Федорович Малышкин.

Василий Федорович был сильным, веселым человеком, с заражающим оптимизмом и большой энергией.

Сын бухгалтера в Новочеркасске, он примкнул к революции молодым подпоручиком, полным энтузиазма, вступил в

Генерал-майор Василий Федорович Малышкин,
декабрь 1944 года.

партию, окончил Военную Академию, после чего остался при ней, в качестве профессора.

Он был начальником Штаба Сибирского военного округа, когда его командир, Великанов, в связи с делом Тухачевского, был арестован и расстрелян. Вскоре после этого арестовали и Малышкина. В течении многих месяцев его так «интенсивно» допрашивали, что неоднократно замертво приносили в камеру. Но у него было железное здоровье и железная воля. Ему удалось выжить, не подписав ни одного «добровольного признания». Через 14 месяцев, после падения Ежова, его освободили и, для восстановления здоровья, послали в санаторий. К началу войны он был начальником Штаба 19-ой армии, вместе с которой, под Вязьмой, попал в плен.

Малышкин ненавидел большевизм, уничтоживший все надежды, которые он связывал с революцией. Униженный и пыток, во время своего ареста, он не мог ни забыть, ни простить, хотя никогда об этом не говорил.

Он быстро вошел в контакт со всеми живущими в Особом лагере. Вечерами он любил читать стихи Есенина, с которым когда-то был дружен и любил вспоминать, что Есенин говорил, что Малышкин читает его стихи, лучше чем он сам.

Малышкин стал одним из сотрудников Власова, который стоял к нему, как к человеку, ближе всех остальных.

СМОЛЕНСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ

Еще в Виннице, после разговоров с полковником фон Ренне и Штрикфельдтом, Власов написал первую листовку, в которой он призывал русский народ к борьбе против Сталина.

Этой листовкой, Главное командование хотело «дока-

затя» ставке фюрера, какое значение могло иметь выступление такого человека, как генерал Власов.

После того, как листовка была опубликована, донесения об ее успехе поступали со всех сторон. Успех ее превзошел все ожидания. Число перебежчиков значительно увеличилось. Почти все они, прежде всего, спрашивали о Власове и добивались встречи с ним.

На основании этого успеха, Гроде, по соглашению с Главным командованием, решил предпринять дальнейшую попытку. Для этого ему нужно было принципиальное согласие Власова на возглавление им Освободительного Движения и создание Русской Освободительной Армии.

После долгих совещаний с Штрикфельдтом и Гроде, Власов дал свое согласие, но поставил условием, что дело должно идти не о местной пропагандной акции, а о серьезном политическом шаге, который мог изменить судьбу России. Так как преждевременная огласка планов могла повредить всему проекту, решено было говорить сперва только о создании Комитета Освобождения, который должен был выпустить свою первую прокламацию. Решающим аргументом создании Комитета — было то, что во главе его станет известной всему Советскому Союзу человек — генерал Власов.

Ожидалось, что успех этого мероприятия повлечет за собой разрешение на создание русского, национального правительства, гарантию независимости России в будущем и немедленное создание самоуправления в занятых немцами областях.

Власов, Зыков и Малышкин начали работать над текстом прокламации.

Ответ из ставки фюрера ожидался всеми с крайним нетерпением.

Всем участвующим в этом плане казалось, что все их предложения так логичны и неопровержимы, а их успех будет так велик, что никто не предполагал даже, что ставка мо-

жет ответить отказом. Однако — случилось именно так — предложение было отклонено.

Мартин и Гроте делали все новые и новые попытки и все безуспешно. Резолюции Кейтеля, написанные лиловым карандашом, были одинакового содержания: «Политика армии не касается. Я знаю установку фюрера — об этом не может быть и речи!» И, наконец, уже совсем разсерженно: «Запрещаю дальнейшие предложения такого рода!»

Так прошел весь октябрь. В начале ноября Гроте удалось, через начальника Отдела Пропанды армии при Главном Командовании, полковника фон Веделя, передать Кейтелю доклад, в котором еще раз доказывалось, что создание русской Освободительной армии — единственный шанс на успех немецких армий в этой компании.

В ответ на этот доклад, Кейтель «окончательно и бесповоротно» запретил докучать ему подобными планами.

Офицеры пропагандного отдела, наконец, убедились в том, что то, что им казалось судьбоносным решением вопроса, отнюдь не кажется таким и не понимается в ставке фюрера, что дальнейшие попытки будут так же обречены на неудачу, а их планы проваливаются из-за упрямой ограниченности Гитлера.

Поведение Гитлера, в сущности, было последовательным. Он никогда не собирался изменять своих планов колонизации России и создание национального русского правительства и русской освободительной армии казалось ему опасным шагом, так как эти правительство и армия могли обернуться против немцев, как раз в тот момент, когда им стало бы ясно, что задумано не освобождение, а порабощение России. Гитлер был не в состоянии понять, что в самой основе его планов была заложена неизбежная гибель Третьего Рейха.

Кейтель, через которого у военного командования был единственный доступ к Гитлеру, был примитивным человеком, без всякого политического чутья. Он не только не поддерживал планов и стремлений военного командования, но зачастую еще провоцировал отказы Гитлера, которому он

служил, как безвольное орудие, не имевшее мужества отстаивать свои собственные взгляды. При этом он сам, вполне сознавал свою слабость. Генералу Вестфалу он, однажды, сказал: «Ах, знаете, становитесь такой тряпкой!» — (Вальтер Герлиц — «Генералфельдмаршал Кейтель — преступник или офицер». Стр. 407.)

Больше всех страдал от этого положения Штрикфельдт. Что он мог теперь сказать Власову? Как он мог объяснить ему случившееся?

То обстоятельство, что Мартин, Гроте и Штрикфельдт не складывали оружие, что они продолжали искать возможность, хоть окольными путями, добиться цели — говорит о их фанатичной вере в правоту своих взглядов, о их большом личном мужестве, но в то же время доказывает, что они совершенно не понимали, насколько восточная политика, против которой они боролись, была следствием национал-социалистической идеологии.

Подполковник-лейтенант барон Ренне, руководитель группы III при «Отделе Восточных Армий», спросил как то Штрикфельдта, почему он всего этого добивается, подвергая себя личной опасности? Штрикфельдт ответил, что он чувствует себя обязанным так поступать, сознавая свою ответственность: во-первых — перед Богом и своей совестью; во-вторых — потому, что политически это правильно; в третьих — потому, что он ценит русский народ и хочет его освобождения от большевизма. На это Ренне сказал: «Первое — в наше время отпадает, второе — правильно, третье — измена». И затем прибавил, с легкой улыбкой! «но вы, разумеется, правы». (В. Штрик-Штрикфельдт, страница 188).

Из поступающих сведений, Власов сделал свои заключения, хотя и не мог охватить полноты всей катастрофы. Его угнетала неуверенность в том, не злоупотребляют ли его именем, не толкают ли его на путь, который приведет все задуманное дело и его самого к гибели.

Штрикфельдт понимал, что у Власова появилось недоверие, чувствовал его беспокойство. В разговорах с ним он

ничего не скрывал, но указывал на то, что нельзя сдаваться, что борьба за перемену восточной политики должна продолжаться. Только имя Власова, только его выступление могут иметь последствия, которые вынуждены будут убедить ставку фюрера в ошибочности проводимой ею политики.

Штрикфельдт рассказал о новом плане, который он разработал вместе с Мартином и Гроте: — если сейчас нельзя добиться создания Комитета, то следует поступать так, как будто бы он уже существует. Фактически, все равно Освободительное Движение уже есть, в лице миллионов людей, готовых бороться против сталинского режима. Оповещение о том, что Комитет Освобождения уже существует — вызовет такую реакцию, что даже Гитлер вынужден будет с нею считаться.

Если до сих пор они действовали так, чтобы сперва добиться определенных политических решений и только после этого начать их пропаганду — то теперь надо изменить тактику — надо вести пропаганду так, как будто политические решения стали уже фактами.

Прошло много времени, пока Власов решился пойти на такой риск. Больше всего его волновали сомнения в том, что гарантии в перемене восточной политики никто ему не мог дать, а доверие к нему, Власову, было бы подорвано навсегда, если бы все осталось только пропагандным трюком.

Больше всех был убежден Зыков, что этот окольный путь является дорогой к успеху, так как только реакция на сообщение о создании Комитета Освобождения заставит ставку фюрера пересмотреть вопрос. А Штрикфельдт намекивал, что прокламация, несмотря на все запрашивания, станет известна и в занятых областях.

Таким образом, в начале декабря был закончен окончательный текст «Прокламации Смоленского Комитета». На названии «Смоленский Комитет» остановились потому, что осенью 1941 года, в Смоленске зародилась первая попытка организовать Освободительное Движение.

Прокламация была подписана Власовым и Малышкиным.

Она требовала свержения коммунистической власти, заключения почетного мира с Германией. В ней декларировались — отмена принудительного труда, свобода рабочим, восстановление частного хозяйства и передача колхозной земли крестьянам, свобода слова, печати, религии и неприкосновенность личности.

Через десять дней Главное командование одобрило текст этой прокламации, как пропагандную меру и при условии, что она, ни в коем случае, не станет известной по ту сторону фронта. Кроме того, прежде чем приступить к ее распространению, надо было запросить мнение Райхсминистерства для восточных областей.

Несмотря на то, что уже грозно нависла катастрофа под Сталинградом, началась долгая торговля с представителями восточного министерства, которые опасались, что эта прокламация, заденет национальные меньшинства, которых они опекали.

Пока ждали решения Розенберга, Штрикфсльдт устроил встречу Власова с группой пленных генералов. В эту группу входил и бывший командующий 19-ой армией, Михаил Лукин, который еще в конце 1941 года заявил немцам о своем принципиальном согласии вести борьбу со сталинским режимом, при условии создания национального антикоммунистического правительства и русской Освободительной армии.

Лукин прямо сказал Власову, что он потерял веру в искренность и честность немцев и, без твердого обязательства Гитлера, не согласен работать с ними. Два других генерала отклонили предложения Власова на тех же основаниях.

В это время был получен доклад майора Г. Херре, из Штаба Отдела Восточных Армий, о допросе, взятого в плен, начальника штаба 3-ей гвардейской армии — Крупеникова. Крупеников, прежде всего, задал вопрос, почему советские военнопленные не призываются к борьбе против Сталина. На вопрос Херре, готов ли к этому сам Крупеников, тот ответил: «может быть я хочу вернуться в Россию, а не в Советский Союз. Многие из нас устали жить под властью Ста-

линии». При этом он подчеркнул, что необходима хорошо продуманная политическая программа, чтобы русские знали, за что они будут бороться. Бороться за рабство — не будет никто, но не менее 70 процентов офицеров будут готовы сражаться, против сталинского режима, за свободную Россию. Крупенников посоветовал, как можно скорей, организовать русскую освободительную армию, которая безусловно будет сражаться лучше, чем другие союзники Германии, о боевой морали которых он отзывался уничтожающе. (Х. Херре, «Дневник» и личное письмо к автору)

Власов отказался от личных переговоров с Крупенниковым, зная что тот потребует веских гарантий. Власов не сомневался в доброй воле Штрикфельдта, но все больше начал сомневаться в его возможностях. Насколько, на самом деле, были бессильны его немецкие друзья, он даже не подозревал.

В эти дни томительного ожидания, к Власову присоединился человек, впоследствии игравший крупную роль в Освободительном Движении — Георгий Николаевич Жиленков.

До войны Жиленков занимал крупный партийный пост — он был секретарем одного из московских районов и власть его, в этом районе, была почти не ограниченной. В начале войны он был командирован бригадным политкомиссаром в 32-ую армию, взятую немцами в окружение под Смоленском. С остатками разбитой армии он попал в плен, замаскировался простым рядовым и был взят, как «добровольный помощник» в немецкую часть, в качестве подвозчика снарядов.

Только тогда, когда ему с группой таких же «помощников», грозил расстрел, за подозрение в саботаже — он назвал себя. По распоряжению Отдела Восточных армий, в мае 1942 года, он был переведен в лагерь в Лепене, а затем на Викториаштрассе, в Берлин.

Полный сирота, беспризорник, Жиленков рос и учился в советской школе.

Незаурядные способности и большой организаторский талант способствовали его быстрой карьере руководящего партийного работника.

Было удивительно, что этот человек, воспитанный полностью советским режимом, остался с немцами, хотя во время суматошного зимнего отступления, он много раз имел возможность перейти фронт. Причины такого поведения были характерны для многих русских. Жиленков рассказал о них в своих многочисленных разговорах с Казанцевым: для человека, занимающего пост в коммунистической партии, хуже неизвестности каждого завтрашнего дня, была необходимость в каждом выступлении, в каждом поступке выражать восторг, энтузиазм, неопровержимую веру в вождя — Сталина. Одного выражения согласия с его мероприятиями было недостаточно. Надо было гореть. Положение Жиленкова в партии, обязывало его, три-четыре раза в неделю, выступать на собраниях и заседаниях. Это значило, что три-четыре раза в неделю, он должен был быть «воспламеняющим факелом». Это трудно даже при подлинном убеждении и почти непереносимо, если человек сам не верит тому, что он говорит. Большинство не верило в непогрешимость Сталина и его террора. Но все должны были лгать — словами, жестами, взглядами, всем своим поведением.

Член коммунистической партии не может выйти из ее рядов, по собственной воле. Для категории членов партии, к которой принадлежал Жиленков, было только два пути: или выше или в могилу.

«Это парадоксально» — говорил Жиленков — «но в чужом, враждебном мире, в плену, я впервые почувствовал себя свободным человеком. Я, партийный работник, имевший все шансы стать членом Центрального Комитета! Что же должны были чувствовать простые люди? То, что они думали и чувствовали, я узнал за те дни, когда скитался с ними по лесам и потом работал у немцев. Я даже не подозревал, как сильно простой человек, рабочий или крестьянин, ненавидит партию. Только теперь я узнал все, потому что впер-

ые за мою жизнь мы могли свободно говорить и говорили — где? в плену! И еще одно — у меня нет никакого желания провести остаток моей жизни в концлагере, в Сибири. А для этого достаточно провести только несколько часов у немцев — вот как нам доверяет партия, даже тем, кто отдавал ей все свои силы».

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ АРМИЯ

Жиленков недолго пробыл на Викториахтстрассе. В середине августа ему и Боярскому, которого он знал по Лецену, было предложено принять командование первой крупной частью, состоящей исключительно из бывших пленных и перебежчиков. Часть получила название «Пробной части Центра» (Ферзухсфербанд Митте).

Подробности возникновения «Пробной части» до сих пор почти нигде не опубликованы. А. Даллин вкратце упоминает о ее существовании. Юрген Торвальд, в своей книге «Если они хотят погибнуть», пишет только о ее последней фазе существования, перед роспуском и тем временем, когда командование над ней принял Жиленков. Фактически она была организована в марте 1942 года.

История ее организации была характерным примером для настроений русских, первой стадии войны. Тогда требовалось только небольшая инициатива со стороны немцев, чтобы военнопленные активно включались в борьбу за освобождение своей родины от большевиков.

В данном случае, инициатива создания «Пробной части» исходила от Сергея Никитича Иванова, старого эмигранта, имевшего большие связи с нацистскими и армейскими кругами и добивавшегося среди них создания Русской Освободительной армии. Правда, успех Иванов имел только в службе связи армии, имевшей большую свободу действий, чем

другие органы. Адмирал Канарис увидел, в создании такой части, возможность иметь резерв, который мог успешно сражаться с партизанами. Он послал Иванова в Смоленск, к начальнику отдела контр-разведки № 203, полковнику Геттингу-Зеебергу, который сразу обещал свою поддержку.

В Берлине Иванов нашел двух верных помощников: Игоря Сахарова, сына генерала царской армии, получившего чин лейтенанта и несколько отличий за храбрость во время гражданской войны в Испании, а так же бывшего полковника и командира полка Константина Григорьевича Кромиади.

Кромиади обещал свое сотрудничество только в том случае, если дело будет идти о равноправной русской военной части, с собственной формой, созданной с целью освобождения России от большевиков.

В начале марта 1942 года началась организация части. Иванову было предложено политическое руководство, а так же связь с немецкими органами. Заместителем его был Сахаров. Кромиади, под псевдом Сашпа, взял на себя военное командование. Часть получила маскированное имя «Операция Граукопф».

Позицией были выбраны торфяные разработки Осинторфа, на железнодорожной линии Орша-Смоленск, расположенные среди больших болот, где имелись бараки, рассчитанные на 10 000 рабочих.

Часть была организована по русскому регламенту. Вооружение состояло из захваченного немцами советского оружия. Была оставлена советская форма, но к ней были прибавлены погоны, которых тогда еще в советской армии не было, и кокарда из русских национальных цветов — белый — синий — красный.

Русские были твердо убеждены, что дело идет о начале организации Освободительной армии и называли свою часть — Русская Национальная Народная Армия — сокращенно: РННА.

В июле 1942 года РННА насчитывала уже три тысячи че-

1942 год. — Осинторф — расположение Русской Националь-
ной Народной армии. Сахаров, Кромпади и Боярский

ловек, а к концу года — семь тысяч. Сперва она была разделена на четыре батальона, одну артиллерийскую часть и саперный батальон. Центральный штаб соответствовал, по числу работников, дивизионному штабу. Предполагалось расширить батальоны до полков. В каждом батальоне была школа для унтер-офицеров, а в центральном штабе — офицерская школа. Имелись библиотека и офицерский клуб. Издавалась собственная газета «Родина».

Солдаты и офицеры выбирались в лагерях для военнопленных. Недостатка в добровольцах не было. Как только представители РННА объявили о ее создании — добровольцев было больше, чем можно было прикять в часть.

Даже партизаны обращались к Кромнади: «Мы бы все перешли к вам, да не верим немцам. Они расстреляют и вас, и нас». (К. Кромнади, «Воспоминания»).

Кроме Кромнади, Иванова и Сахарова, к части присоединились еще три старых эмигранта: лейтенант Виктор Реслер, обер-лейтенант граф Григорий Ламсдорф и обер-лейтенант граф Сергей Пален. Все остальные офицеры были из Красной Армии. Среди них были выдающиеся штабные офицеры, семеро из которых служили в Красной Армии в чине полковников и командовали полками или занимали должности в дивизионных и армейских штабах.

Начальником штаба был майор Р. Риль, командиром артиллерийской части полковник Горский, батальонными командирами: майоры Иванов, Головинкин, Николаев и полковник Кобзев. Начальником службы разведки был майор Бочаров.

Большинство из них прибыло в Осинторф в ужасном состоянии, от длительного голода, но, как и везде, где русские могли свободно говорить друг с другом и поверить в реальную возможность борьбы со сталинским режимом — они становились верными и убежденными борцами Освободительного Движения.

Полковник Геттинг-Зеебург был ярым противником офи-

циальной восточной политики и поддержал организацию части, где только мог. Он был очень популярен и русские называли его «дедушка».

Первые боевые действия, в которых принимало участие 300 человек, под командой майора Бочарова, под Ельней, состоялись в мае 1942 года. Требовалось установить чистоту корпуса генерала Белова, взятого немцами в окружение, но поддерживающего через леса связь с Красной Армией. Несмотря на некоторые критические моменты этой операции — дело доходило до столкновения с частями Белова, а майор Бочаров попал временно в плен — она прошла с полным успехом. Между прочим, один из отрядов Белова, под командой «героя Советского Союза», старшего лейтенанта Князева, в полном составе перешел на сторону РННА.

Правда, в дальнейшем, Князев, вместе со своими двенадцатью бойцами, снова перешел фронт, когда решил, что немцы не будут честными союзниками. Он открыто сказал об этом полковнику Кромпади, заявив, что хотя Сталин и плох, но немецкое рабство еще хуже.

Последовал ряд успешных боевых операций под командой обер-лейтенанта графа Ламсдорфа, майора Рилля и майора Грачова.

Кроме того, один батальон был переведен в район Шклова, для охраны этой местности. После перевода в Шклов батальона, местное управление было передано немецкими чиновниками в русские руки, при очень торжественной церемонии.

Это сильно подняло настроенные населения. РННА считалась русской национальной армией. Большие надежды возлагались на ее дальнейшее развитие. Многие мужчины начали подавать заявления о приеме их в армию. Советское правительство стало внимательно присматриваться к этому новому начинанию — опасность его развития прекрасно понимали в Москве, поэтому были засланы многочисленные агенты, чтобы разложить и деморализовать РННА.

В июне месяце часть посетил начальник штаба армии ге-

нерал Велер. После этого посещения произошло столкновение между ним и Геттинг-Зеебургом: генерал Велер известный своим холерическим темпераментом и грубостью, не разобравшись в деле, обвинил Геттинг-Зеебурга во лжи — в том, что он якобы затребовал РННА большое количество оружия, чем было нужно. Геттинг-Зеебург потребовал суда, но Берлин, опасаясь вызвать лишние осложнения, перевел его на другое место.

Его преемник, полковник Хетцель, не сумел найти контакта с русскими. Кроме того, он поддерживал часть в гораздо меньшей степени, чем его предшественник. К этому добавлялись бестактности и промахи со стороны немецких органов, в результате чего недовольство среди русских увеличивалось.

Следующим ударом был приказ о том, чтобы все старые эмигранты покинули занятые области. Это коснулось и очень популярного и уважаемого полковника Кромпади. Он оставил часть, с большой горечью простившись с ней специальным приказом от 26 августа 1942 года, весьма характерным для того духа, который царил в этой части. В нем не было сказано ни одного слова о немцах, но зато он весь пропитан идеей борьбы против сталинского строя. Полный текст приказа был следующий:

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ

26 августа 1943 года.

Осинторф

Мои верные и преданные боевые товарищи, офицеры и солдаты Русской Национальной Народной Армии!

Волею судеб мне приходится прощаться с вами. С болью в сердце покидаю вас и наш родной очаг, где впервые заро-

дилась идея национального возрождения и где мы, забыв все и вся, как братья, как сыны одной матери, объединились вокруг идеи возрождения нашей Родины. Помните, что куда бы меня судьба не забросила, душа моя и мысли мои всегда будут с вами и будут сопровождать вас везде и всюду в вашей боевой жизни.

Пусть каждый из вас запомнит, что борьба за Родину есть святое дело и достижение наших целей есть высшее блаженство.

Будьте и в дальнейшем верными и преданными сынами нашей многострадальной Родины и оставайтесь на своем посту до конца.

Не забывайте того, что вы русские, не забывайте того, что измученная Россия зовет вас на помощь.

Да благословит вас Господь на вашем тяжелом и терпеливом пути и да поможет вам честно и до конца выполнить свой долг перед Родиной.

Полковник Санит

Насколько было напряженным состояние в части, с каким отчаянием люди искали выхода, свидетельствуют план, обсуждавшийся на тот случай, если РННА будет разоружена или распределена по различным немецким частям. На этот случай, предполагалось уйти в леса и оттуда вести ультимативные переговоры с немцами, чтобы добиться равноправных действий на фронте. Хорошо вооруженная часть, в непосредственном тылу фронта, представляла силу, с которой немцы должны были считаться.

При спокойном рассмотрении вопроса, должно было быть ясным, что подобные действия приведут только к ослаблению фронтовых позиций и снизят боевую дисциплину в рядах русской части — но немцы упорно это не понимали или не хотели понимать. Таково было положение части, когда в нее прибыли Жиленков и Боярский. Настроение их

было далеко не блестящим, так как они боялись, что немцы меньше всего думают о создании русской освободительной армии.

В части, новые командиры были встречены с определенным недружелюбием. Жиленков был крупным партийцем и комиссаром. Кроме того, в своем первом обращении к части, он переборщил, напичкав его пропагандными фразами. Недоверие к нему было настолько велико, что некоторые офицеры просили у Кромиади разрешение устранить Жиленкова, как явного провокатора. Только разговор, с глазу на глаз, между Боярским и Кромиади, выяснил положение и обнаружил полное единство их взглядов и целей. Боярский уверил Кромиади, в том, что Жиленков думает так же, как и они, но в виду того, что он не может полностью положиться на немцев как бывший комиссар, находясь все еще в опасности, не всегда говорит то, что думает на самом деле.

С передачей командования части Жиленкову и Боярскому, она была переведена в распоряжение Армии.

Новые командиры очень скоро убедились в высоком боевом духе части, которая своими действиями на фронте, против частей Красной Армии, быстро докажет, какие политические последствия вызовет ее боевое крещение. В начале ноября Жиленков и Боярский написали меморандум штабу немецкой армии, в котором они доказывали, что бригада в Осинторфе хочет сражаться только за освобождение России. Эта идея популярна и среди населения, о чем свидетельствуют многочисленные поступления добровольцев. Новому лозунгу Сталина — «защита отечества» — нужно противопоставить лозунг — «освобождение родины». Германия должна провозгласить освобождение народов России от коммунизма, создать национально-русское правительство и освободительную армию, которая выступит на фронте против Красной Армии. Появление русских частей на фронте будет разлагающе действовать на силы красных, особенно на партизан.

Тресков передал доклад Жиленкова и Боярского дальше

Глену и, выбрав благоприятный момент, рекомендовал Клуге послать русскую часть на фронт. Тресков надеялся, что благодаря военному и пропагандному успеху русской части, в котором он не сомневался, произойдет изменение официальной восточной политики.

В начале декабря часть была в полной боевой готовности. 16 декабря, когда на фронте спешно требовались свежие силы, Тресков предложил фельдмаршалу Клуге послать часть на фронт, однако, вместо того, чтобы отдать об этом приказ, Клуге отправился производить инспекцию в Оснторф. Смотр прошел вполне удовлетворительно, но после него, Клуге, чего никто не ожидал, приказал расформировать «Пробную часть» и по-батальонно придать ее немецким частям, переодев в немецкое обмундирование.

Все возражения Трескова, все его указания, что выполнение этого приказа вызовет самые тяжелые психологические потрясения, были безуспешны. Клуге знал установку Гитлера в этом вопросе и не хотел рисковать.

В конце концов, Герсдорф должен был поехать в Оснторф, чтобы осторожно довести до сведения Жиленкова и Боярского приказ Клуге и добиться их согласия на его выполнение.

Боярский сразу же вспыхнул и заявил, что скорее пойдет под расстрел, но никогда не станет ландскнехтом. Оба они с Жиленковым сейчас же написали обращение к Клуге, в котором подчеркивали, что бригада представляет остов будущей русской освободительной армии и будет сражаться только, как часть таковой. Германская армия должна относиться к ней, как к союзнику. По немецким понятиям — это был мятеж. В ту же ночь, обойдя Трескова и Герсдорфа, Клуге направил Жиленкову ультиматум: либо он выполнит приказ, либо должен считаться с разоружением части и военным судом. В этот момент, узнав об ультиматуме Клуге, начал действовать Тресков. Он добился того, чтобы Жиленков и Боярский были бы отозваны в Берлин, где оба они должны были быть освобождены официально из плена. За-

тем Тресков вызвал Жиленкова и Боярского к себе. Они явились только после того, как им был гарантирован свободный проезд. Тресков объяснил им, какие последствия для дела освобождения России, может иметь их неподчинение приказу Клуге, насколько этот случай будет использован защитниками официальной восточной политики и заверил их, что будет и дальше лично заботиться о части. После этого разговора, на следующий день, Боярский и Жиленков покинули РННА. Командование перешло к майору Рылю, произведенному в полковники, начальником штаба стал майор Безродный.

Положение в части продолжало оставаться крайне напряженным, а настроение людей угрожающим. Когда приказ о распределении части и переходе на немецкое обмундирование был объявлен — в ту же ночь 300 человек ушло к партизанам. Оставшиеся были назначены вести охранную службу и вести борьбу с партизанами в районе Бобруйск-Могилев. Это было концом РННА — первая попытка создания русской освободительной армии, благодаря близорукости немецких нацистских кругов, потерпела неудачу.

Жиленков и Боярский, пока, при Отделе Восточных Армий, были в безопасности. Поскольку можно было рассчитывать, что Клуге не будет принимать против них дальнейших мер, их отправили, как можно скорей, в Берлин, где Жиленков остался на Викториаштрассе, а Боярский был назначен руководителем пропагандного отдела на Северном фронте.

Отчет Жиленкова обо всем происшедшем, подтвердил мнение Власова о возможностях Освободительной борьбы и, в то же время, еще больше укрепил его опасения о позиции Гитлера, поскольку еще не было принято решения о Смоленской прокламации и позиция Рейхсминистерства для занятых областей продолжала оставаться неизвестной.

ПРОТИВ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ГИТЛЕРА

Восточное министерство продолжало упрямо отклонять настойчивые требования высшего военного командования о перемене официальной политики в занятых областях. В это же время, в штабы армий, действовавших на востоке, из различных частей, все чаще поступали донесения и доклады, указывающие на вредность и опасность проводимой политики.

При продвижении дальше на Кавказ и по Волге — готовность населения сотрудничать с немцами, казалась последним ошеломляющей. Доверие, с которым население встречало немцев, желание совместно бороться против сталинской власти было, безусловно, для немцев неожиданным. В этих, вкось занятых районах, почти не было партизан.

По инициативе офицера связи Южной Армии, полковника-лейтенанта фон Фрейтаг-Лорингхофена, были сразу же созданы казачьи части, укрепившие германский фронт, на необозримых просторах между Доном и Волгой. В Калмыцкой степи было создано 16 калмыцких батальонов, а вскоре были организованы: туркестанский, грузинский, армянский и северо-кавказский добровольные легионы.⁷⁾

(А. Далли, «Германское правление в России», стр. 263.)

В марте 1942 года, под немецкой властью находилось более 70 миллионов советских граждан. От такта и политической порядочности немецких военных и гражданских органов власти зависело — будет ли готовность этого населе-

⁷⁾ После отхода немцев эти народы жестоко расплатились за свое отношение к немцам. Калмыцкая советская республика была ликвидирована 27 декабря 1943 года.

Ликвидация народов Северного Кавказа была произведена в феврале 1944 года. Крымские татары, калмыки, чечено-ингуши, карачаевцы и балкары были сосланы в Сибирь, так же, как и полтора миллиона приволжских немцев.

ния к совместной борьбе против большевиков усиливаться, или их доверие — превратится в ненависть и враждебность. Понимание этого фактора привело к тому, что в армии образовался фронт, против абсурдных колониальных планов Гитлера и предписанных методов управления в занятых областях.

На основании сотен докладных записок, полученных от местных штабов — генералом фон Рокк и полковниками Геленом и Тресковым — был составлен документированный доклад высшему военному командованию. Еще радикальней был шаг, предпринятый главнокомандующими тылом армии. Зная, что помехой, по дороге к Гитлеру, является Кейтель, они попросили приема у министра занятых областей Альфреда Розенберга, который и состоялся в Берлине 18-го декабря 1942 года.

Первым выступил главнокомандующий Среднего тыла армии, генерал граф Шенкендорф, с беспощадной критикой условий, созданных грубейшей политикой рейхскомиссаров и мероприятиями СД-штабов. Выступавшие генералы указывали так же на все растущую опасность со стороны партизан, возникшую, как следствие этих мероприятий и на ненормальное положение, в котором очутились местные части добровольцев.⁸⁾

Как и многим высшим военным чинам, главнокомандующим тылами армии, не были известны все тонкости в различных восточнополитических установок Гитлера и Розенберга, но они ясно понимали, что в будущем Германия должна жить в дружбе с русским народом и что сейчас Гитлер делает все, чтобы совершенно испортить это будущее.

Шенкендорф потребовал, чтобы Розенберг доложил, наконец, Гитлеру всю правду о фактическом положении в за-

8) «Фремде Хеере Ост», Гелен; Настоятельные вопросы партизанской войны», 25. 11. 1942; Даллин, стр. 559. «Хеересгебит Митте», «Опыт управления страной и установка политических целей», 25. 12. 1942; А. Даллин, стр. 562.

клятых областях — он не мог допустить, что зная правду, Фюрер попрежнему будет поддерживать ту политику, которая приносит Германии только вред.

Розенберг услышал от генералов такие вещи, которые ему еще не доводилось слышать. Они произвели на него сильное впечатление. Кроме командующих тыловыми областями, при беседе присутствовали представители всех отделов генерального штаба и все присутствующие держались одного мнения.

Полковник-лейтенант Шмидт фон Альтенштадт доказывал, что без радикального изменения политики немцев, включение в немецкую армию более чем полумиллиона русских добровольцев, будет представлять серьезную опасность. К этому он добавил, что сейчас нет никаких сомнений в готовности населения бороться против сталинского режима, если только отказ, от существовавших до сих пор методов, будет проведен решительно.

Под давлением этих единогласных выступлений и тяжелой критики, Розенберг согласился сделать Гитлеру доклад о необходимости изменить восточную политику.

(Совещание происходило 18. 12. 1942 года, протокол совещания датирован 4. 1. 1943 года; А. Далин, стр. 163 и 560).

21 декабря 1942 года Розенберг направил Гитлеру меморандум, в котором изложил главные вопросы, стоявшие на совещании и просил разрешения сделать ему личный доклад. Вскоре после этого Гитлер принял Розенберга, но отделался своей обычной отговоркой, что генералам следует воевать, а не заниматься политикой.

Тем не менее, можно думать, что совещание 18. 12. 1942 года побудило Розенберга дать 12 января согласие на обнародование Смоленской прокламации. Но он настаивал на том, что текст этой прокламации ни в коем случае не должен быть известным по ту сторону фронта. Так как пропагандный отдел подготовил все до мелочей — акция по распространению Смоленской прокламации смогла начаться уже 13 ян-

варя Миллионы листовок сбрасывались над всеми линиями фронта. Частично, как было тайно запланировано и «по ошибке» — над занятыми областями.

Успех превзошел все ожидания в кругах Гелена и Гро-те.

Сперва поступили доклады с фронта. Все армии доносили о внезапном повышении числа перебежчиков, которые, все без исключения, требовали отправки в Освободительную Армию. Несколько позже, начали поступать сообщения из занятых областей. В них говорилось о «сильнейшем внимании и общем согласии», о том, что население ждет «дальнейших шагов в этом направлении». Все отмечали настоятельную необходимость того, чтобы Комитет Освобождения действительно начал бы свои функции, иначе «наша пропаганда потеряет всякое доверие».

Волна ожидания и возбуждения охватила население занятых областей. Если сомнения в искренности немцев, а часто и просто отчаяние от их политической слепоты, были присущи очень значительному числу людей — то теперь, всем казалось, что наконец то, чуть не в последнюю минуту, произошел резкий поворот.

Немцы, которые встречались с русскими, в занятых областях, имели с ними контакт, знают, что это было время надежд и нетерпения.

Русские добровольцы, включенные в немецкие части, требовали немедленного перевода их в Освободительную Армию. (Дневник автора):

«Теперь джин выпущен из бутылки и пусть они попробуют заглатывать его внутрь», — заметил Зыков и выразил этими словами не только надежды, но и некоторое злорадование власовских кругов.

В самом деле, день «Смоленской прокламации» может рассматриваться, как день зарождения русского Освободительного Движения, ибо тогда всем, кто готов был бороться против Сталина и его режима, была дана ясная программа,

в которой, в первый раз, было сказано не только прогнать чего надо бороться, но и чего следует добиваться.

Показательно и то, что эта прокламация, написанная в условиях гитлеровской диктатуры — была полностью демократическим документом.

Советская пропаганда встретила «Смоленскую прокламацию» полным молчанием, так же как она умалчивала и о существовании русских добровольцев в немецких частях. По всему фронту было приказано всем офицерам и солдатам немедленно сдавать политкомиссарам немецкие листовки — в противном случае, за их хранение или передачу дальше грозила смертная казнь.

Сталин хорошо понимал опасность, которую представляло для него Освободительное движение, поэтому он решился на далеко идущую перемену политического курса. Внезапно был объявлен призыв к народной борьбе в защиту отчества. Церкви, против которых до сих пор ожесточенно боролись — вдруг были открыты тем же правительством, которое расстреляло или сгноило в концлагерях тысячи священников. В армии были введены погоны, считавшиеся до тех пор презренными признаками буржуазной армии, были учреждены ордена имени старых народных героев — генералов Суворова и Кутузова, был распушен даже Коминтерн.

Почти четверть века, партия пыталась создать «нового советского» человека. Теперь оказалось, что эта попытка полностью провалилась. Сталин понимал, что призыв народа к борьбе за международный коммунизм не встречает никакой поддержки — поэтому он, на время забыв о коммунизме, начал кричать о родине.

Эта новая пропаганда большевиков, в результате горького разочарования в немцах, у многих встретила успех — люди начали верить, что под влиянием войны, большевизм может измениться.

В занятых немцами областях, партизаны распространя-

ли слухи, что на немецкой стороне нет ни Комисета, ни Власова, ни РОА, что все это только ловкий трюк немцев.

С каждым днем, который проходил без того чтобы население узнавало о действиях и успехах Освободительного Движения — подобные утверждения советской пропаганды встречались все с большим доверием — новые сомнения в чистоте немецких намерений все больше угнетали население.

Командующие немецкими армиями прекрасно понимали, что промедление, с организацией Освободительного Движения, чревато смертельной опасностью, поэтому они все решительней настаивали на поездке Власова в занятые области. Клуге и Шенкендорф заявили о своей готовности взять на себя ответственность за этот шаг, так как, по их мнению, нельзя было больше терять время. Они понимали, что выступление Власова будет решающим ударом против пропаганды большевиков и окажет не менее решающее значение для настроения населения и добровольческих отрядов.

Клуге, Шенкендорф, Мартин и Гроде отдавали себе ясный отчет насколько эта акция рискованна для них и, тем не менее, они готовили поездку Власова в область, находящуюся под управлением Средней армии.

Сам Власов долго не соглашался на такую поездку. До тех пор, пока комитет не был призван официально, до тех пор пока Освободительная армия не была создана, он не мог ничего обещать ни добровольцам, ни жителям занятых областей. После долгих разговоров и споров — было решено, что если успех Смоленской прокламации не сломил сопротивления в ставке Гитлера, то выступление Власова наглядно докажет ему отношение людей к идеям Освободительного Движения, после чего его нельзя будет больше пренебрегать.

Принимая во внимание значение Власова и его идеи — сейчас кажется невероятным, что самые незначительные мелочи доставляли его друзьям, не взвиря на то, что они принад-

скажи к высшему военному командованию, такие затруднения и отнимали столько сил и времени.

Так, например, несколько офицеров из пропагандного отдела, из собственного кармана, заплатили за костюм для Власова, потому что он не мог нигде показаться в том жалком виде, который приобрел за время плена.

Немецкой формы Власов не одел бы, советская — была неуместна, формы русской освободительной армии не существовало, так же как и самой армии. Поэтому форма Власова, которую он носил до конца своих дней, была плодом фантазии. Из отреза материала, который, после долгих трудов, достал Штрикфельдт, были сшиты черные брюки и темно-коричневый мундир, без знаков отличия и погон и такая же шинель с красными отворотами. Пришитые сперва серебряные пуговицы, капитан Петерсон, в Смоленске, отпорол, заменив их генеральскими, золотыми пуговицами.

С тех пор, как Власов не считался больше военнопленным, он жил в маленькой, бедно меблированной, комнате, второразрядного отеля «Руссисхе Хоф».

25 февраля 1943 года, в эту гостиницу, за ним приехали полковник-лейтенант Шубут, офицер связи Шенкендорф и капитан Петерсон, которого Власов знал по Лецену, чтобы начать эту знаменательную поездку.

Они отправились с Силезкого вокзала в Лецен, в спальном вагоне курьерского поезда, из Лецена ехали в Смоленск в поезде с отпустниками.

В Смоленске их встретили начальник пропагандной роты, майор Кост и его офицеры. На следующий день, Власов был чрезвычайно приветливо принят генералом фоч Шенкендорфом. Разговор о возможностях и необходимости политической борьбы с большевизмом велся совершенно открыто.

После визита к Шенкендорфу, Власов посетил собор, который при большевиках, был превращен в склад зерна, где беседовал с священником. Вечером состоялся парадный спектакль в театре. В антрактах, Власов, впервые после того, как

попал в плен, разговаривал со своими соотечественниками. Когда он вошел в зал, все присутствовавшие поднялись с мест. Власов был хорошим оратором. Его глубокий, звучный бас легко наполнял любое помещение. Он говорил просто, выбирал меткие сравнения и сразу установил контакт со своими слушателями. Как человек из народа, он знал, чем можно увлечь этих людей. К тому же, он обладал естественным, по существу, врожденным чувством достоинства.

От него исходила уверенность в своих силах и убеждениях.

Свою речь он начал кратким описанием своей карьеры в Красной армии, затем перешел к причинам, которые побудили его встать на путь борьбы против сталинской власти. Он говорил о целях Освободительного Движения, о том, что в результате борьбы возникает свободная Россия, в которой будет свободным каждый человек. Он подчеркнул, что свержение сталинского режима — дело прежде всего самих русских. Совершенно ясно он заявил, что национал-социализм в России не допустим. После победы, будет установлен такой государственный строй, который отвечает чаяниям всех народов России. Под конец, он обратился к присутствующим, с просьбой высказаться.

В ответ на это поднялся заместитель начальника Смоленского района — Никитин. Он заявил, что население ожидало от немцев много, а получило мало. С полной откровенностью он задал Власову вопрос, который тицетно задавали себе, с начала войны все русские: правда ли, что немцы собираются сделать из России колонию, а из русского народа — рабочий скот? Правы ли те, кто говорит, что лучше жить в плохом большевистском СССР, чем под немецким кнутом? Почему до сих пор никто не сказал, что будет с нашей родиной, после войны? Почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях? Почему добровольцы, которые сражаются вместе с немцами, против Сталина, находятся только под немецкой командой?

Это были вопросы, которых так боялся Власов. В от-

вет на них он мог только сказать, что уже одно его выступление в этом театре, доказывает, что немцы начинают понимать настроение и проблемы русских. Он сказал, что в начале войны, у немцев было впечатление, что большинство народа стоит за Сталина. Это недоверие привело к многим и тяжелым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются немцами. Бессмысленно думать, что можно обратить в рабство сто миллионов людей. Свергнуть большевизм, к сожалению, можно только с помощью немцев. Принять эту помощь — не измена — если большинство народа хочет освобождение России. В Смоленской прокламации ясно указаны пути для этого и цели. Чтобы он, Власов, мог выполнить свою задачу, для того чтобы он мог добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, ему нужны и доверие и помощь народа.

Бурные аплодисменты, покрывшие его слова, доказывали, как эти люди страдали от неизвестности и что значила для них надежда на освобождение России.

На следующий день, Власов посетил добровольческую часть и редакцию местной газеты, после чего он встретился с майором Димитрием Космовичем, белоруссом, прославившемся тем, что ему удалось в районе Брянска и Смоленска очистить большие области от партизан.

Космович, эмигрировал после революции и в Белграде примкнул к политической организации, борющейся за независимую Белоруссию. В начале войны, он вернулся на родину, чтобы, с помощью немцев, добиться осуществления своей цели.

В нем Власов впервые встретился с упорным сепаратизмом. Космович заявил, что он согласен на сотрудничество только в том случае, если Власов и Комитет Освобождения гарантирует Белоруссии независимость. Тщетны были убеждения Власова, что народ потом сам решит этот вопрос и что декларация о разделе России даст Сталину лишний козырь в руки — так они и расстались, ни до чего не договорившись, хотя оба были противниками большевизма.

Несмотря на это, встреча с Космовичем была ценной для Власова. Космович доказал ему, как в сущности легко мобилизовать население и чего можно было бы добиться, если бы не немцы, а сами русские управляли в занятых областях.

Когда Комович приехал в Смоленск, в обширных окрестных лесах орудовала партизанская бригада «Гришин». С ней было трудно бороться, потому что в Димидовских лесах, где не было определенной линии фронта, партизаны поддерживали связь с Красной армией. Партизаны забирали в деревнях скот и хлеб, притесняли население. Потеряв терпение, крестьяне в конце концов обратились в Смоленск с просьбой о защите.

Немецкий командующий и городской комендант, генерал Поль, поручил тогда Космовичу организацию самоохранны. Сперва начали охранять близлежащие деревни. В каждой из них вооружали по 100-150 человек захваченным советским оружием. Строили бункера и наладили сигнальную систему, чтобы поднимать тревогу в соседних частях при нападении партизан.

Но прежде всего Космовичу нужны были офицеры и унтер-офицеры, которые могли бы обучать крестьян. Из офицерского лагеря военнопленных было отобрано 60 человек. Среди них были кадровые офицеры, до полковника включительно. Они были противниками Сталина, но разочаровались и в немцах. Поэтому этот эксперимент был довольно рискованным, так как, с помощью партизан, они могли в любое время перейти фронт. Но фактически не было ни одного случая дезертирства.

Так вооружалась одна деревня за другой и становилась, таким образом, недоступной для партизан. С июня 1942 года народная милиция — официально она называлась службой опрядка (ОД — Орднунгсдикст) временно занимала лесные бункера в лесах около Демидова, представлявшие фактически фронтную линию.⁸⁾

⁸⁾ Предписание управления № 20 от 1. 12. 1942/30.

В самом Смоленске Космович организовал моторизованную часть, которую, в случае надобности, легко было перебросить в нужное место.

Общее число народной милиции в Смоленской области доходило до 3 000 человек, а во всей тыловой области Средней армии, до 100 000 человек. Они были разделены Космовичем, назначенным инспектором службы порядка, на батальоны чтобы впоследствии обеспечить быстрое включение их в ожидавшуюся всеми Освободительную армию.

Однако вскоре налаженная организация самообороны была запрещена высшим командованием: это было новым разочарованием не только для русских, но и большим ударом для командующего Смоленской областью, который, оказывая поддержку Космовичу, и без того превысил свои полномочия.

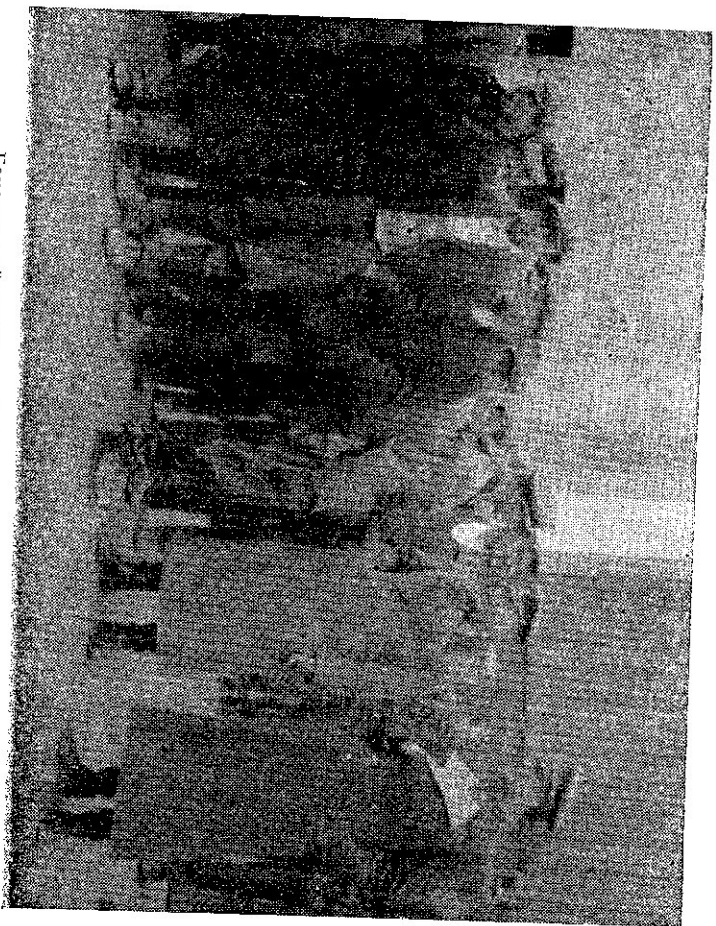
Поездка Власова длилась три недели. Он выступил в деревнях, в городах и в добровольческих частях. Везде его встречали восторженно, а его выступления вызывали подъем настроения, оживление почти уже угасших надежд.

Особенное впечатление оставило его посещение казачьего полка Кононова в Могилеве.

Десятки тысяч советских солдат перешли на сторону немцев в первый год войны, но они переходили в одиночку или небольшими группами. Переход целых частей, в виду утонченной слежки — был невозможен. Но Кононову, командиру 436 стрелкового полка 155-ой стрелковой дивизии, удалось перейти к немцам целым полком.

Кононов был майором Красной армии, кончившим Военную Академию, членом партии с 1927 года, участником войны с Финляндией, награжденным орденом Красного Знамени. Лично он, как и Власов, не подвергался преследованиям. Но он, с открытыми глазами, наблюдал террор Сталина, жертвами которого стали офицеры Красной армии, и знал настроения своего полка.

Когда, при отступлении, его полк составлял арьергард дивизии, он послал одного доверенного человека, через ли-

Генерал-лейтенант А. А. Власов, генерал-майор С. К.
Буняченко и полковник И. К. Сахаров.

нию фронта, с письмом, в котором предлагал переход своей части к немцам, при условии, что ему будет обеспечено участие в создании Освободительной Армии для свержения Сталина. Его предложение было немцами принято и требуемые гарантии были даны.

Тогда он вызвал к себе всех офицеров полка и заявил им, что он враг Сталина и решил вступить в борьбу против коммунизма, за освобождение России. Он переходит к немцам, чтобы принять участие в организации Освободительной армии. Кто пойдет вместе с ним — хорошо, кто не хочет — пусть остается. Это предложение было таким неслыханным для советских условий, что полковой комиссар Панченко, как рассказывал впоследствии, почувствовал, что у него поднимаются волосы на голове дыбом. Но оказалось, что — исключая некоторых комиссаров — все были готовы присоединиться к Кононову. Тогда он заявил о своем решении всему полку. Каждому была дана свобода решать — остаться в Красной армии, или следовать за ним. За ним пошли все.

22 августа 1941 года он, без всяких помех, привел весь полк к линии германского фронта.

Кононову посчастливилось: этим отрезком фронта командовал генерал граф Шенкендорф, один из злейших противников восточной политики Гитлера. Он обещал Кононову добиться у высшего командования разрешения на организацию русской Освободительной армии. Пока что он, собственной волей, разрешил организацию казачьего полка, хотя Шенкендорф прекрасно знал, что в данное время он ни в коем случае не получит на это разрешение высшего командования.

Кононов, сам донской казак, согласился, «пока», как он думал, организовать такую часть. Он не сомневался, что немецкое руководство вскоре убедится, как легко свергнуть Сталина с помощью русских.

Шенкендорф дал Кононову все полномочия действовать самостоятельно, назначив только офицером связи лейтенанта, впоследствии майора, графа Риттберга, быстро вошедшего

го в доверие Кононова и оставшегося при полке до самого конца войны.

Через неделю после перехода, Кононов посетил лагерь для военнопленных в Могилеве, выступил в нем с заявлением о своих целях и спросил, кто согласен добровольно вступить в первую часть Освободительной армии. Из пяти тысяч пленных, четыре тысячи выразили свое желание — из них Кононов выбрал 500 человек, среди них 400 казаков, а остальных успокоил обещанием в недалеком будущем взять в часть.

То же самое повторилось в лагерях Бобруйска, Орши, Смоленска, Пропойска и Гомеля.

19 сентября 1941 года, через месяц после перехода, был создан новый казачий полк с 77 офицерами и 1799 рядовыми. Часть своих старых солдат Кононов был вынужден отпустить, так как они не были казаками. Они были устроены в гражданском управлении или в полицейских частях для того чтобы их не вернули в лагеря для военнопленных. Тем не менее, около 40 процентов полка Кононова не были казаками.

Тем временем Шенкендорф обеспечил полк оружием и лично прочел солдатам, в строю, приказ Верховного командования, которым полк утверждался, как «120-й Донской Казачий полк». Знаменосцем полка стал казак Белоградов, проводивший 12 лет в сталинском концлагере, два брата и четыре сына которого были расстреляны чекистами.

Надежды Кононова на скорую организацию крупных соединений русских частей — не сбылись. Наоборот, 17 января 1943 года, ему было сообщено, что русские части разрешены только в составе батальона и поэтому его полк будет переименован в «600-й Донской казачий батальон», хотя в нем было уже ровно две тысячи человек, а в феврале присоединилась еще тысяча.

Была образована особая танковая часть, которая под наименованием 17-го казачьего танкового батальона, была подчинена 3-й немецкой армии и неоднократно участвовала

в боевых операциях. У Великих Лук 120 солдат батальона Кононова, переодетые в советскую форму, были переброшены по ту сторону фронта. Им удалось взять в плен трибунал с 5 судьями и 21 человеком охраны, освободить 41 красноармейца, приговоренных к смерти и захватить важные документы.

Посещение Власова вселило в батальон новые надежды. То, что немцы разрешили выступление Власова, считалось признаком наступившего понимания. Было решено включить казачьи части в Русскую Освободительную Армию, в создание которой так верил Кононов. Этой вере Кононов остался предан до конца — он всегда был противником сепаратистских стремлений.⁹⁾

В Бобруйске, следующим этапе поездки, местный отдел пропаганды предполагал устроить выступление Власова по радио. Однако, Министерством пропаганды это было запрещено, чтобы присутствию Власова не придать широкую огласку.

В Бобруйске Власов познакомился с жизнью крупного населенного района, находившегося под русским самоуправлением. Район лежал близко от фронта, в окрестностях Локотя, на восточном краю громадных лесов, начинающихся к югу от Брянска.

Немецкая армия проявила здесь гораздо больше понимания политической обстановки, чем гражданское управление. Эксперимент в Локоте, был одним из наиболее убедительных примеров того, что могло быть достигнуто, если бы решающими были не утопические планы нацистов, а разум и понимание обстановки военными.

Благодаря инициативе главнокомандующего 2-ой танковой армией, генерал-полковника Шмидта, не побоявшемуся принимать решения, без ведома ставки фюрера, между большинством населения и военным управлением возникла атмосфера доверия.

⁹⁾ Черкасов, «Генерал Кононов», Мельбурн, 1963 года.

У большинства населения настроение было антисоветским. После отступления Красной армии, крестьяне сразу же распустили колхозы. Вооружаясь, брошенным красноармейцами, оружием, они охраняли деревни от набегов партизан.

Такое положение оказало влияние и на красноармейцев, которые, после окружения у Брянска, тысячами бродили в лесах.

Многие разошлись по прилегающим деревням, где не хватало рабочих рук. Другие явились в немецкие части и были взяты подсобными рабочими или вступили в народную милицию.

Так в этой области возникло, против сталинского правительства, народное движение, еще прежде чем в ней появились первые немцы и установили свое управление.

Руководство в области Локотя сперва вел инженер Воскобойников — человек высокого духовного уровня с выдающимися ораторскими способностями. Ему удалось создать, в течении нескольких недель, русское самоуправление, а так же вооруженную самоохрану из пятисот бывших партизан. Таково было положение, которое нашла немецкая армия, загляывая область.

Генерал-полковник Шмидт признал Локоть, как автономный район, находящийся под русским самоуправлением. Вся исполнительная власть была передана русским, все немецкое управление было удалено, остался только небольшой немецкий связной штаб.

За это русские обязаны были следить за порядком в области, лежащей в тылу 2-ой танковой армии, очищать ее от партизан и аккуратно выполнять поставки продовольствия.

С течением времени область все увеличивалась, пока в нее не вошло 8 районов, с почти двумя миллионами жителей. Была организована русская бригада в составе 20 тысяч человек, которая боролась с партизанами и не допускала их в область, вплоть до самого отступления.

Эта бригада считала себя частью будущей Освободи-

тельной армии, а пока называла себя РОНА — Русская Освободительная Народная Армия.

Партизаны часто переходили в РОНА, даже из областей, лежащих на расстоянии больше ста километров от Локотя. Еще весной 1943 года в Локоть явился целый отряд из 80 человек, во главе с командиром и трупом убитого камиссара.

После того, как Воскобойников погиб в бою с партизанами, во главе района встал инженер Каминский, который был назначен генералом-полковником Шмидтом генералом бригады.

Под руководством Каминского, державшегося с чемцами с большим достоинством, область превратилась в пример того, чего немцы могли добиться в занятых областях, без всякого труда с их стороны. Появились: две больницы, с русскими врачами, несколько школ, начали работать свои фабрики, банк, театр, собственная газета. Было введено в области хорошо продуманное налоговое обложение. Немцы советовали организовать русскую национал-социалистическую партию, но этот совет не мог быть исполнен, так как русские не имели никакого понятия об идеях национал-социализма, а познакомившись с ним — узнали, что с них вполне достаточно и того, что больше четверти века они вынуждены были жить под диктатурой коммунизма.

Хотя Гиммлер не мог распоряжаться в областях, находящихся под военным управлением, генерал Шмидт пытался застраховаться от возможных неприятностей тем, что взял одного офицера связи Эс-Дс-командования, приданного армии. Этим офицером связи был оберштурмфюрер Георг Лолейт, балтиец, единственный член германского связного штаба, хорошо говоривший по русски.

Вследствии того, что в области была почти сразу восстановлена частная собственность — хозяйственная жизнь быстро расцвела. Жизненный уровень населения был значительно выше, чем в других местах, занятых немцами. Поставки продовольствия и сырья были образцовыми.

В конце 1942 года, Каминский передал генералу Шмидту меморандум, в котором были выдвинуты некоторые требования.

Требования Каминского, по существу, ничем не отличались от тех, которые содержались в сотнях докладных записок русских и немецких органов, адресованных высшему немецкому командованию. Каминский настаивал на немедленном провозглашении русского национального правительства, создании Освободительной Армии, под русским командованием, установления русского самоуправления во всех занятых областях, декларации полной гарантии независимости свободной России в границах 1938 года.

Генерал Шмидт лично выступил защитником этих требований перед своим начальством и..., в результате, был немедленно удален с восточного фронта.

Все эти события происходили меньше чем в ста километрах от линии фронта. Раздавались голоса выражавшие опасения, что РОНА может, в один прекрасный день перейти к красным. Но, однако, доказательством противного были неоднократные случаи превосходного поведения бригады в боевой обстановке: когда летом 1943 года, Красная армия, рывком прорвала немецкий фронт, — бригада была брошена в наступление у Димитровска. В течении двухдневных боев она отразила советское наступление и ни один человек из нее не перешел на советскую сторону.

Осенью 1943 года 4-й полк бригады Каминского должен был удержать город Севск, чтобы обеспечить общее немецкое наступление. После внезапного танкового прорыва, советские части взяли в окружение и уничтожили целиком весь полк. Приканчивались и раненные, а командир полка, был привязан к таеку и его протаскили по улицам города, пока он не умер.

Той же осенью немецкая армия окончательно отходила к Днепру — бригада, со всем оружием и своими семьями, отступала вместе с ней, общей сложностью больше 50 тысяч человек. Падение дисциплины и деморализация части на-

ступила тогда, когда все планы нацистского правительства стали вполне известны. 10)

10) Автор этой книги, с января 1942 года до осени 1943 года, должен был докладывать штабу 2-ой танковой армии, а впоследствии штабному 9-ой армии, о всех происшествиях в районе. Одновременно с этим, он должен был держать связь с русским самоуправлением. Эти доклады сохранились у него до сих пор. В Локоте у него был связной пункт, под руководством зондерфюрера Адама Грюнбаума. Об эксперименте в Локоте и о Каминском до сих пор опубликованы только скудные сведения. Каминского часто называют наемником немцев и гацистом. Он не был, в действительности, ни тем, ни другим. Как он, так и его соратники выступили против Стакина по убеждению. О национал-социализме ни Каминский, ни его соратники не имели ни малейшего представления. Каминский держался с кемцами с такой самоуверенностью, которую они часто считали наглостью.

На мнение о нем, в значительной степени, повлияли экспессы, допущенные некоторыми частями бригады, во время подавления Варшавского восстания. Их, разумеется, нельзя оправдать. Поведение этих частей, можно объяснить деморализацией, охватившей их в виду полного непонимания со стороны немцев и отчаянного положения, в котором части находились.

Настроение населения в районе Орел-Брянск, во время пребывания в нем автора, в общем соответствовало настроению в других занятых областях. Оно часто описывается сейчас неправильно — сознательно или по незнанию. Необычайная готовность населения идти с немцами против Сталина, например, игнорируется Александром Вертом в его книге «Россия в войне 1941-45» (издательство Дремер, Мюнхен 1966), где он пишет: «общим впечатлением было, что в победоносные дни 1941-42 г.г. за немцами следовало некоторое число русских авантюристов, тешившихся мыслью играть роль при германизации чисто русских территорий». О русских добровольцах Верт пишет: «немцы организовали из русских военнопленных добровольческую армию под командой Власова. Без сомнения, большая часть «добровольцев» последовала призыву немцев, только потому, что это было единственным спасением от голодной смерти». Автор не пишет о том факте, что, например, бойцы Кононовского полка или бригады Каминского или «хиви», при немецких дивизиях, вообще никогда в плену не были.

Посещение Власовым Локотя не было предусмотрено в программе поездки, потому что этот район не входит в область управления Шенкендорфа.

Кромиади, Космович, Кононов, Каминский — никто из них не мог бы ничего сделать если бы их не поддерживало так горячо население, а так же солдаты и офицеры их частей.

Поездка окончательно укрепила Власова в убеждении, что достаточно предоставления русским полной свободы действий, чтобы из готовности населения вести борьбу за освобождения своей родины от коммунизма — возникло могучее Освободительное Движение.

В конце поездки, Власов посетил добровольческие батальоны «Днепр», «Припять», «Березина» и «Волга», образовавшиеся из расформированной, по приказу Клуге — РННА. Для состава этих частей, похоронивших уже надежду на Освободительную армию и переставших верить в существование Власова — его приезд — был воскресением надежд. Хотя Власов ничего не обещал, а наоборот открыто говорил, что путь к свободе очень труден, но он звал их вперед и они верили, что этот человек способен привести их к этой трудной победе.¹¹⁾

Перед обратной поездкой Власов был принят генерал-фельдмаршалом фон Клуге. Клуге был значительно сдержанней, чем Шенкендорф, но откровенно говорил с Власовым об его целях и обещал ему, по возможности, поддерживать его.

Поездка Власова произвела сильное впечатление не только на население занятых областей и добровольческие части, но так же и на военные органы управления. Многим стало только теперь понятно, каким козырем в политической борьбе был Власов.

Так, генералфельдмаршал Кюхлер сказал, что миссия Власова обречена на провал, если немедленно не будет уста-

¹¹⁾ О выступлении Власова в батальоне «Волга» у автора имеется личный доклад полковника А. Дашкевича.

новлена ясная политика Германии по отношению к России. Генеральный комиссар Эстонии, Лицман писал в своем докладе, что должно быть сделано все, что бы укрепить искреннее сотрудничество антибольшевистски настроенного населения с немецкой армией, что ему, этому населению, надо сказать прямо, что оно может ожидать в будущем. Лицман был одним из тех идеалистов, которых тяжело разочаровал национал-социализм Гитлера. «Видит Бог, у моего отца и у меня были совсем другие идеалы, когда мы вступали в партию» — сказал он врачу Гимmlера — Керстену¹²⁾

Даже Геббельс писал в своем дневнике: «Власов просто так заморожен Восточным министерством. Приходится удивляться такому отсутствию политического чутья у наших берлинских центральных органов».

Служащие русского самоуправления тоже писали и посылали меморандумы, как например Аксенов, начальник Островского района, профессор Сохальский и начальник участка в Почепе, Павлов, который писал между прочим:

«Странно, что немецкое руководство усматривает опасность в организации русского национального правительства. Подобное правительство могло бы взять на себя самоуправление в занятых областях и создать армию, которая, плечом к плечу с немецкими солдатами, выступила бы для окончательного уничтожения большевизма. Русское правительство необходимо для того, что бы русский народ был убежден в том, что германская армия пришла не для того, чтобы завоевать страну, а чтобы освободить ее от большевизма. Нужно помнить, что русский народ, в большинстве, не хотел никакой войны с немцами, и что, в начале ее, целые части Красной армии прекращали борьбу, и со стороны немцев было только ошибкой так враждебно принимать пленных. Если бы русским солдатам можно было доказать, что они встре-

12) Феликс Керстен, «Череп и верность», издательство Меллих, Гамбург, 1953 год.

тят другое отношение, чем в начале войны, и если бы существовало русское правительство для защиты их — они переходили бы фронт, как и раньше». ¹³⁾

Когда Власов вернулся в Берлин, в середине марта, он написал доклад, в котором указывал, как, вследствие немецких промахов и ошибок, уже изменилось настроение населения, как распространяются опасения, что немцы не принесут никакого освобождения, а добиваются порабощения русских людей, как ловкая пропаганда Сталина усиливает эти опасения и что уже давно пора круто изменить всю восточную политику. Сегодня — это показала ему его поездка — еще возможно поднять большинство людей на борьбу против Сталина, а завтра, может быть, будет уже поздно.

Полковник-лейтенант Шубут, сопровождавший Власова во время поездки, тоже написал докладную записку, гадеясь, что она дойдет до Гитлера. Он настаивал, по существу, на тех же мероприятиях, как и Власов. Он прибавил слова: «Поездка генерала Власова, известие о которой быстро распространилось в городах и селах, рассматривается, как предвещение решительных событий».

Сейчас сильно возросла надежда на разрешение вопроса о будущем России. Среди добровольческих частей, вокруг Власова, созданы легенды, они видят в нем человека, способного вести их к лучшему будущему. Сейчас наступил последний момент для решительных действий. Последствия нового разочарования могут быть чрезвычайными».

В то время, как видные военные круги боролись за изменение восточной политики в духе Власова, Гиммлер в своем письме к Борману от четвертого марта 1943 года, жаловался ему на то, что армия хочет создать какой-то Русский комитет и Освободительную армию и запрашивал у него мнения по этому вопросу Гитлера.

Насколько оптимистичны были еще в то время офицер-

¹³⁾ Оригинал этого доклада от 11. 2. 1943 г. находится у автора.

Генерал-майор Федор Иванович Трухин

ские круги, которые стремились к изменению восточной политики, доказывает организация «Планового центра». В этом центре должны были быть собраны сторонники освободительного движения, чтобы создать кадры надежных работников. В нем должны были разработаны политические и экономические основы для борьбы против Сталина. Защитником этой новой попытки был опять Штрикфельдт, который все с большей тревогой следил за временем, проходящим впустую.

После переговоров с Геленом было получено, через Штауфенберга, разрешение собрать 1200 русских, для создания «Отдела восточной пропаганды особого назначения». Были отобраны люди из добровольческих частей, из лагерей военнопленных и рабочих лагерей. Внешне проект был замаскирован, как учебный лагерь пропагандистов, из избранных участников добровольческих частей.

В Дабендорфе, в 30 километрах от Берлина, Штрикфельдт нашел подходящее помещение. Как символ Освободительного движения над ним был поднят Андреевский флаг.

Хозяйственной и технической частью ведала небольшая группа немцев. Служебная и учебная часть находились всецело в ведении русских.

Сперва в Дабендорф перевели пленных из Особого лагеря на Викториаштрассе. Затем туда были привезены 35 человек из Вульхейде, где с октября 1941 года находился учебный лагерь для пропагандистов, подведомственный министерству пропаганды. Показательно, что Вульхейде, в отношении продовольствия, ничем не отличался от других лагерей для военнопленных. Таким образом, людей привлекали туда отнюдь не более сносное материальное положение.

Старший по чину сотрудник Ронпа, генерал Благовещенский, взял на себя сперва русское руководство лагерем в Дабендорфе, в то время, как Ронп проводил программу обучения. Официально он должен был следить за тем, чтобы обучение происходило в немецком духе, а на самом

деле и Ропп и другие немецкие офицеры занимались только тем, чтобы оградить лагерь извне от возможных неприятностей и что бы никто не мешал проводить обучение в том духе, которое единственно было возможно и полезно в то время.

Комендантом пропагандного отдела был Штрикфельдт, а его заместителем ротмистр фон Деллингсхаузен.

Дабендорф не был повторением эксперимента в Вульхейде. Это было новое начинание и новая попытка повлиять на восточную политику военного командования, при которой Министерство пропаганды намеренно игнорировалось.

Официально курсы пропагандистов в Дабендорфе открылись первого марта 1943 года. В первом выпуске принимали участие представители уже оформленных добровольческих частей на фронте. С их прибытием в Дабендорф, они официально оформлялись, как выпущенные из плена и приводились к присяге генералом Малышкиным. Форма на курсах была немецкая, со знаком РОА (Русская Освободительная Армия). Этот значек, в феврале 1943 года, был введен для всех русских добровольческих частей. В сущности, это была только психологическая мера, так как Освободительной армии, под русским командованием, не существовало.

Проект значка было поручено сделать русскому графику Родзевичу. Он представил сперва девять эскизов в национальных русских цветах: бело-синий-красный. Все они были посланы на утверждение Восточного Министерства. Розенберг лично перечеркнул их всех синим карандашом.

Власов с горечью сказал: «Я бы так и оставил: русский флаг перечеркнутый немцами, потому что они его боятся».

(А. Родзевич, «О значке РОА», МИД, стр. 174).

Тогда Малышкин предложил значек с Андреевским флагом и, действительно, эскиз с синим Андреевским крестом на белом фоне, был принят Розенбергом. Вероятно, он не знал, что флаг с Андреевским крестом был флагом русского военно-морского флота до революции.

Власов сразу же оценил возможности курсов в Дабен-

дорфе и пришел к заключению, что немцы начинают понимать требования политической ситуации. Что не только все русские, но и все немецкие офицеры и покровители этого начинания были бы немедленно арестованы, если бы его истинные цели стали бы известны в ставке Гитлера — этого Власов тогда еще не представлял.

В Дабендорфе Власов встретился с генерал-лейтенантом Федором Ивановичем Трухиным, которого Штрикфельдт, вместе с группой других пленных, вытащил из лагеря в Ву-страу для работы в Дабендорфе.

Федор Иванович Трухин был выдающимся и образованным человеком. За короткое время он стал самым близким соратником Власова. Он происходил из русской дворянской семьи и совсем молодым офицером примкнул к революции. По окончании Военной Академии, он быстро сделал карьеру. Когда у него открылись глаза на настоящее лицо советской власти — было уже поздно отступать, кроме того у Трухина всегда была мысль, что только сильная армия может, в какой то момент, свергнуть Сталина, поэтому армию надо было укреплять и воспитывать.

В начале войны он был начальником штаба Балтийского военного округа и летом 1941 года, раненный, попал в плен. В плену он сразу же заявил о том, что он противник Сталина. В лагере Вустрау НТС сразу же обратил на него особое внимание, вскоре его привлекли в руководящие круги этой организации.

Примкнуть к Власову и Освободительному движению для Трухина было более чем логично.

Трухин был очень популярен, несмотря на то, что он был сдержанным и молчаливым человеком, но он был доступен всем и его спокойная уверенность помогала другим переносить то напряженное, изматывающее нервы положение, которое всех угнетало.

Он, может быть, раньше всех понял истинные намерения германского руководства и потерял надежду на благополучный исход для участников Освободительного движения, но,

тем не менее, продолжал работать, ничем не выдавая своего понимания. Для него эта деятельность была вопросом чести и совести, что было характерно в военные годы для многих русских людей.

Первый курс в Дабендорфе был закончен 22 марта 1943 года, с чем Власов торжественно поздравил выпуск курсантов.

Зыковым, в Дабендорфе была создана редакция. Русская газета «Клич» больше не выходила, теперь выпускались газета «Заря» для военнопленных и «Доброволец» для частей добровольцев.

В первом номере, тиражем 600 тысяч экземпляров, была полностью опубликована Смоленская прокламация.

Впоследствии «Заря» выходила тиражем в 100-120 тысяч, а «Доброволец» — 40-60 тысяч экземпляров.

По показаниям военнопленных и перехваченным приказам стало известно, что советские власти строжайшие запреты всякие разговоры на тему «Русская Освободительная армия», и комиссарам было предписано особенно следить за листовками Власова. Насколько серьезно советское правительство относилось к акции Власова свидетельствует также и тот факт, что после первоначального молчания, длившегося месяцами, советские военные газеты стали называть Власова «тройкистом», сотрудником Тухачевского и шпионом, который еще до войны работал для немцев и японцев.

В то же время особое ударение делалось на козонпальные стремления и зверства немцев, но ни словом не упоминалось об Освободительном движении и русской армии.

После создания курсов в Дабендорфе у Власова появилась надежда, что защитники «восточной» политики поймут свои ошибки, что внесет изменения в существующее положение. Однако, время шло, а официального разрешения на активные действия все еще не было. Поэтому Власов отказался предпринять новую поездку в тыловую северную область, о чем его просили Гротс и Штринфельд. Главкомандующий генерал-фельдмаршал Кюхлер, после успеха Вла-

сова на среднем участке фронта настоятельно требовал его появления и на севере и брал на себя всю ответственность.

Власов возражал, что он снова появится с пустыми руками, что он все еще не может указать на положительное решение германского руководства, на действительно начало борьбы. В конце концов удалось его переубедить и преодолеть его обоснованные опасения теми соображениями, что успех его поездки будет большим козырем против ставки фюрера, все еще сопротивляющейся против организации Освободительного Движения.

19 апреля 1943 года Власов поехал второй раз в занятые немцами области. На этот раз его сопровождали ротмистр фон Деллингхаузен и адъютант Власова, капитан Антонов, перешедший фронт, под Сталинградом, после того, как он прочитал Смоленскую прокламацию.¹⁴⁾

В Риге — первый этап — Власов был тождественно принят тамошним отделом пропаганды, и несмотря на предостережение Гроте, ему было оказано исключительное внимание. Русская газета «Новый путь» называла его будущим освободителем России. («Новый путь», № 10, 1943.)

Посещение Власовым русской газеты «За Родину» описывает один из членов ее редакции.

У автора имеется описание В. Вербина, очевидца, этого посещения.

В редакции работало около 40 военнопленных, среди них профессора, художники, журналисты, учителя, а также бывшие офицеры. Настроение было плохим. Никто не верил больше в поворот немецкой политики, чему немало способствовало недостойное обращение немцев с членами редакции. Незадолго до прибытия Власова разыгрался особенно возмутительный инцидент: немецкий ефрейтер Кноп приказал всем работникам редакции явиться на разгрузку пропагандного ма-

¹⁴⁾ Подробности этой поездки сообщили автору в своих письмах: Э. Деллингхаузен, Р. Антонов, Герт Клейн и В. Штрикфельдт.

тернала. Художник Борис Завалов, выдающийся художник, окончивший Академию Художеств, опоздал на пять минут, заканчивая рисунок. Кноп набросился на него, избивая его дубинкой и ударами ноги. Это происшествие ясно показало всем, насколько бесправны были русские, как обращались их «союзники», — с ними, добровольно работавшими в антибольшевистской газете.

Некоторые члены редакции утверждали, что немцы выдают за Власова кого то другого, а сам Власов погиб под Волховом. Два бывших офицера 2-ой ударной армии знали Власова лично и поэтому могли установить он ли это или нет. Попятна была напряженность, с которой ожидала Власова вся редакция.

Власов произвел большое впечатление спокойной уверенностью своего выступления. Он рассказал о своем трудном пути, объяснил причины решения выступить против сталинской власти и указал на цели и возможности Освободительного движения.

Вслед за его выступлением посыпались вопросы — присутствующие хотели знать — разрешат ли немцы и когда разрешат русское освободительное движение. Власов ответил, что немцы, если они не хотят погибнуть, должны разрешить и притом, как можно скорей. Из всех вопросов, которые Власову были заданы, было ясно, что эта группа русских интеллигентов не сомневалась в возможности свергнуть Сталина, она сомневалась только в том, что немцы позволят Власову свободу действий.

По дороге в Псков, Власов посетил знаменитый Печерский монастырь.

Его принял игумен монастыря, рассказавший ему историю обители и показавший спасенные сокровища. Потом игумен задал ему вопрос, не слышал ли он о генерале, ставшем во главе Освободительного движения. Когда Власов назвал себя, игумен встал и низко поклонился ему. Потом он благословил Власова и пожелал ему успеха в его трудном деле.

В Пскове Власов пробыл с 24 апреля по 3 мая. Оттуда

Генерал-лейтенант А. А. Власов в Пскове — 1943 год.

он ездил в Маслогоспцу, Гдов, Плюсу, Лугу, Сиверскую и Волосово, где выступал перед русскими добровольцами и жителями этих мест. Тысячи народа стекалось, что бы увидеть и услышать его.

В Пскове состоялся официальный прием, на котором присутствовали представители всех немецких учреждений, русского самоуправления, духовенство и жители города.

В эти дни Власов посетил так же редакцию местной газеты, где ему были представлены члены, так называемой, «инициативной группы», образовавшейся еще зимой 1942 года, чтобы нести активную пропаганду за освобождение от сталинской власти. В эту группу входили редактор газеты Хроменко и известный в Пскове прекрасный оратор, впоследствии капитан РОА, Боженко.

Насколько Власов в глубине души был ожесточен и как он страдал от непонятного ему поведения немецкого руководства — показывает его разговор с переводчиком Гертом Касейбом в Плюсе.

Клейн, балтисец, прекрасно говоривший по русски, сопровождал Власова, после его приезда в Псков, по поручению Отдела управления тыла армии. Благодаря своим стараниям облегчить положение населения и открытой критике восточной политики, он быстро завоевал доверие Власова.

При этом разговоре, с глазу на глаз, Власов снял маску оптимизма, которую, ради пользы делу, он носил в те дни и, откровенно высказал свою озабоченность поведением немецкого руководства. Впечатления, вынесенные им за время поездки, еще более укрепили его уверенность, что создание большой и боеспособной русской армии вполне возможно. Уже один перевод добровольцев под его командование позволил бы иметь армию, превышающую полмиллиона солдат. Но немцы ему не доверяют. Офицеры, которых он знает, честно прилагают все усилия, чтобы помочь, но, очевидно, у них нет достаточного влияния.

Нужно немедленно создать русское правительство, официально заявить с самых верхов, что Германия хочет осво-

бождения России от большевиков, нужно передать РОА участия на восточном фронте и предоставить ей ведение пропаганды против сталинской власти. Успехи этих мероприятий, в самый короткий срок, достигнут гигантских размеров. Только таким путем еще можно избежать поражения Германии в этой войне, потому что такая страна, как Россия, не может быть завосвана только силой оружия. Только с помощью русских можно свергнуть Сталина. Для Германии нет другого пути, если она не хочет себя погубить. Пока еще громадные русские земли заняты немцами, — хотя и утешительно драгоценное время, еще не поздно. Но вся политика Гитлера ведет к тому, что Германия погибнет. И для него, Власова, и для его единомышленников, гибель тоже неизбежна. Они вступили на путь, который может привести Россию к освобождению и возврата с этого пути нет, они должны идти по нему до конца. Одна надежда остается еще на то, что немцев образумят неизбежные поражения на фронте — но тогда, может быть, будет уже поздно.

Кульминационным пунктом пребывания Власова в Пскове было его выступление в городском театре. Это было 30 апреля 1943 года. Билеты выдавались не только городскому населению, но также и в сельских районах. Зал, вмещающий две тысячи человек был переполнен за час до начала. Сотни людей ожидали Власова у здания театра. Когда он вошел в зал — ему устроили овацию.

Его речь произвела глубокое впечатление. Это говорил русский — русским, о русских делах. Гитлер не был упомянут ни одним словом, германский народ приветствовался, как равный союзник. Цель была недвухсмысленна и ясна: освобождение родины от большевизма, создание свободной демократической России. Все о чем говорил Власов было тем, на что надеялись все эти люди, за что они были готовы бороться.

Выступление Власова, полное национальных русских вопросов и целей, должно было, всем поборникам нацистских, колониальных теорий, показаться вызовом. Особым поводом их

возмущению были слова Власова, в штабе 18-ой армии, где он, под впечатлением сердечного приема, сказал, что надеется, в недалеком будущем, принимать немцев, как гостей, в Москве. Этот естественный и вежливый жест, был назван песьяханой наглостью. То, что этот славянин, осмеливается приглашать немцев, как гостей независимого русского правительства, принято было, как провокация.

Кейтель немедленно потребовал объяснений от Пропандного отдела, каким образом Власов, несмотря на приказ Гитлера, делает политические заявления, свидетельствующие о том, что у него появились необоснованные и недопустимые надежды. Кейтель приказал прислать ему точный текст речи Власова и грозил строгими мерами, если подтвердится, что Власов выступал, как «будущий русский вождь».

Слов Власова нельзя было скрыть, они были уже известны и о них надо было доложить.

На следующий день Кейтелем был издан приказ всем командующим армиями и корпусами, полностью ограждающий дух, царившей в ставке Гитлера. Приказ гласил:

«В виду неквалифицированных, бесстыдных высказываний военнопленного русского генерала Власова, во время поездки в Северную армию, происходившую без разрешения фюрера и без моего ведома, приказываю перевести русского генерала Власова немедленно, под особой охраной, в лагерь для военнопленных, который он не смеет покидать.

Фюрер не желает больше слышать имени Власова. Впредь оно может, если этого требуют обстоятельства, использоваться для чисто пропагандных целей, для проведения которых требуется имя, а не личность генерала Власова. Если же генерал Власов еще раз выступит где либо лично, то следует позаботиться о том чтобы он был передан тайной государственной полиции и обезврежен.¹⁵⁾

¹⁵⁾ Приказ цитируется в книге Торнвальда «Кого они хотят уничтожить», стр. 219)

Этот приказ был ударом для всех, кто поддерживал Власова и выступал за изменение восточной политики.

Гелену и Штауфенбергу с трудом удалось добиться того, чтобы Власов «под охраной» мог вернуться в Берлин. Штрикфельдту удалось спешно снять в Далеме, на Кибницвег, маленькую виллу. Туда Власов должен был быть доставлен, чтобы не пренебречь приказом Кейтеля.

Когда Власов, полный впечатлений после своей поездки и не зная ничего о нависшей над ним угрозе, вернулся 10-го мая в Берлин, его привезли прямо на Кибницвег. Там его встретил Малышкин. С ним и со своим адъютантом Антоновым, поваром и русской охраной, назначаемой лагерем в Дабендорфе, он должен был теперь жить.

В верхнем этаже помещались две спальни с ванной комнатой, внизу — кабинет и столовая. В подвальном этаже разместились повар и охрана.

По сравнению с его прежним жильем, эта квартира была просто роскошной и эта внезапная перемена условий жизни укрепила его надежды на будущее. О том, что его политически изолировали — Власов пока еще ничего не знал.

Вскоре после этого, Штрикфельдту удалось найти, в лице Сергея Фрелиха, надежного немецкого офицера связи, который поселился в вилле, в качестве «мужордома». Мать Фрелиха была русской и он свободно владел русским языком. Он вызвался добровольцем на этот пост и добился через ЭСА-штандартенфюрера Гиргензона назначения его на эту должность.

Тем временем военные круги, поддерживавшие Власова, не собирались без дальнейшей борьбы подчиняться приказу Кейтеля. 14-го мая состоялось совещание, в котором приняли участие граф Шенкендорф, фон Герсдорф, фон Тресков, Гелен, Шмидт и фон Альтенштадт. Было решено привлечь на свою сторону генерала Вандера и полковника Фрейтаг фон Лорнегхофена для устройства совещания между представителями Генерального Штаба и уполномоченными представителями Розенберга, чтобы подготовить совместное выступле-

ние перед Гитлером. Служебный путь к Гитлеру, через Кейтеля, был закрыт. Оставался теперь путь через Розенберга.

Розенберг, несмотря на многие возражения, согласился на совещание, и оно состоялось 25-го мая 1943 года в Мауэрвайде, резиденции генерального штаба армии. От министерства для занятых областей в нем принимали участие д-р Брейтигам, профессор фон Менде и д-р Кньюпфер. Генеральный штаб был представлен 20 офицерами, с генералами Вагнером, Хелльмихом и Геленом во главе. Перед Вагнером громоздилась гора меморандумов, жалоб и просьб от всех армий с требованием проведения, наконец, положительной восточной политики. Сверху лежало обращение, составленное фон Тресловым и подписанное генерал-фельдмаршалом фон Клуге. В нем еще раз суммировались все аргументы, и безпошадно доказывалось, что война будет проиграна, если в восточной политике не будет немедленно совершен поворот.

Точку зрения офицеров генерального штаба Шмидт фон Альтенштадт суммировал, под конец совещания словами: «Кого Бог хочет наказать, у того отнимает разум!»

Розенберг, после доклада Брейтигама, согласился сделать доклад Гитлеру.

ПРИГОВОР ГИТЛЕРА

Однако, Кейтель узнал о совещании, а также о критике его поведения офицерами генерального штаба. Стремясь, раз и навсегда, пресечь всякие попытки такого рода, он спровоцировал Гитлера на резкое выступление против Власова. Случай к этому представился 8-го июня 1943 года, при обсуждении положения на фронте. Стенограмма этого совещания имеется у Хельмута Хейбера, «Обсуждение положения в ставке фюрера», стр. 109.

Сперва Кейтель доложил, что в 13-ой листовке для рус-

ских перебежчиков, есть фраза, в которой им обещается возможность вступления в русскую Освободительную армию. Таких фраз следует избегать.

Гитлер сразу же ухватился за эти слова и произнес длинный монолог, о том, что вести пропаганду можно сколько угодно «при условии, что из нее не будет выведено никаких практических заключений, а главное, не будет создаваться тех нежелательных настроений, которые, к сожалению я заметил уже у некоторых... Я могу сказать, что мы никогда не создадим русской армии, это фантазия самого низкого сорта... Русские нам нужны только, как рабочие в Германии...»

Несмотря на Сталинград, несмотря на поражение на всех фронтах, Гитлер все еще настаивал на своих целях и не допускал и мысли о независимости России. То, что его цели, по сути вещей, вообще не могли быть осуществлены — он, очевидно, не понимал.

Кейтель коротко сообщил Розенбергу, что фюрер категорически запретил всякое дальнейшее вмешательство Власова в политику. Тем самым предполагаемый доклад Розенберга Гитлеру отменяется.

Этим приговором Гитлера попытке армии, добиться основного поворота германской политике на востоке, был нанесен тяжелый удар.

Большинство офицеров восточного фронта считали, что ни один разумный человек, познакомившись с вопросом, не может серьезно возразить против необходимости изменить политику ставки на востоке, но этим они доказали только то, насколько мало они знали мировоззрение Гитлера и дух национал-социализма.¹⁶⁾

16) Утверждение А. Даллина: «Никто не задавал себе, ни на мгновение, вопросов, возможно ли изменить положение» (стр. 582) в корне не верно. Русские, понимавшие это положение, конечно, лучше всех и немцы, поддерживавшие их, были убеждены, что решительный поворот восточной политики еще и в то время приведет к падению сталинской

Насколько резко нацистское руководство реагировало в то время на критику своей восточной политики, доказывает случай с Теодором Оберлендером.

22 июня, во вторую годовщину начала германско-советской войны, капитан Оберлендер, командующий кавказскими добровольческими частями, написал доклад по начальству, в котором была такая фраза: «Есть моменты в истории, которые не повторяются. Поколения потом могут надрываться, что бы добиться потерянного, но Провидение не дает им того, что недавно оно готово было просто подарить. Теперь должно решиться — будет ли большевизм побежден немцами, или же мы, в борьбе против тех сил, которые могли легко стать нашими союзниками, сами изойдем кровью».

Оберлендер отправил свой доклад во все высшие служебные учреждения, а также Кейтелю, Розенбергу и Гиммлеру, не подозревая, какие последствия навлекает этим на себя.

Уже неделю спустя он был уволен из армии, и только благодаря министру К. Х. Фракку его не посадили в концентрационный лагерь, а вместо этого позволили готовить к государственному экзамену находившегося в Праге раненых эс-эс офицеров. (К. Оберлендер, письмо к автору)

Кейтель и Гиммлер назвали доклад «коварной попыткой подчинить официальную линию, ясно и неопровержимо установленную фюрером 8-го июня».

В то время, как противники восточной политики в ар-

власти. Даллин, не имевший возможности изучить положение на месте, судит по сохранившимся документам, не принимая во внимание, что большинство докладов тогда писалось «эзоповским языком», скрывавшим мысли их авторов. Для многих немцев, понимавших тогдашнее положение, идеи и цели Власова и сотен тысяч его соотечественников значили гораздо больше, чем только военный или политический эпизод. Они видели в этом подлинную гарантию будущей Европы, ничего общего не имеющей с политической безграмотностью национал-социализма. После падения Сталина — падение Гитлера представлялось им прямым и логическим следствием.

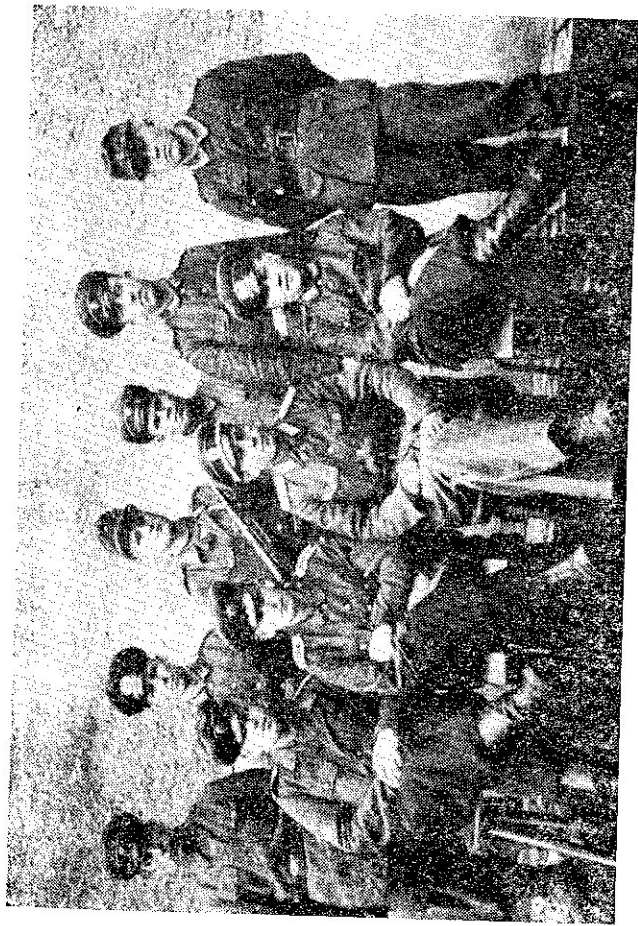
мин, должны были осознать, что приговор Гитлера пресекает все их планы, опубликование Смоленской декларации и выступления Власова сказались теперь полностью. Население и добровольческие части с нетерпением ожидали дальнейших шагов.

Только высшее командование армии знало об отрицательном решении Гитлера. От Власова его скрыли, так что он продолжал надеется на дальнейший успех. Журналистке Мелитте Видеманн, поддерживавшей его планы, Власов сказал, что теперь у него чистая совесть, так как он знает, что большинство народа думает и чувствует, как он сам. Этот путь правилен и им он дойдет до конца. (Мелитта Видеманн, письмо к автору).

Пребывание Власова на Киблицвег стало, постепенно, известно многим. Все чаще стали приходить посетители — отпустники, «остарбайтеры», старые эмигранты, немцы. Все многочисленней стали письма, так что Штрикфельдту пришлось устраивать особый номер «Фельдпост» и организовывать частную канцелярию Власова, которой ведал майор Кадугин.

Жизнь на Киблицвег проходила в ожидании решений, которые все еще не принимались. Власов мог выдержать эту жизнь только потому, что Штрикфельдт и его единомышленники — офицеры без устали пытались завязывать новые связи, которые могли оказаться полезными для дела и всемерно поддерживали у Власова веру в конечную победу разума, доказательством чего они приводили работу, для организации русского Освободительного движения, которая шла в Дабендорфе. Там, без ведома нацистских официальных учреждений, замаскированный опекающим его немецким персоналом, необычайно быстро развивался идеологический и политический центр движения.

Если первый курс был еще более или менее импровизированным, то 23-го марта 1943 года, со второго курса началось систематическое обучение, по твердо установленному плану. Число курсантов достигло уже тысячи человек.

Дабендорф — група пропагандистов РОА.

Значительный вклад в развитие Дабендорфа внесла группа, которая под руководством Трухнин, прибыла из лагеря Вустрау.

Трухнин замечал в качестве руководителя Благовещенского, и внес в Дабендорф новый дух, его динамичность заражала всех сотрудников.

Выдающейся личностью, наряду с Трухниным был Александр Николаевич Зайцев, взявший на себя, в качестве главного лектора, идеологическое обучение, и давший ясное и обоснованное представление о структуре будущей России. Зайцев, молодой талантливый ученый, попал в плен в 1941 году и в лагере Вустрау познакомился с представителями НТС, которые убедили его, что без организации трудно достигнуть поставленных целей — поэтому Зайцев решил примкнуть к рядам этого союза.

Его лекции отличались высоким уровнем и имели успех у слушателей, в особенности, благодаря подчеркнuto национальной точке зрения и открытой, иногда иронически-резкой, критике немецкой политики.

Предметы разделялись на три отдела:

1. История и структура Германии;
2. Критика советского режима;
3. Идеология Освободительного движения и контуры будущей России;

Для второй и третьей темы не было готовых текстов, лекции о Германии велись с помощью брошюры «Германия», выпущенной Министерством пропаганды. Эта брошюра сохранилась в архиве автора.

Изучение для видимости национал-социализма и Германии составляло якобы большую часть программы, но в действительности на это тратилось не больше десяти процентов времени. Предписанный текст тоже не всегда служил предметом изучения.

Национал-социализм для будущей России отвергался. Это было тем легче, что сам Гитлер заявил, что национал-соци-

низм не предмет для экспорта, и его «слишком жаль» для народов Востока.

Поэтому Зайцев указывал, что познакомиться с Германией необходимо, раз Германия сражается против советского правительства, а если бы на ее месте была Эфиопия, то надо было бы познакомиться с Эфиопией.

Резкая критика коммунизма вызывала сперва у многих курсантов кризис. До сих пор коммунизм был для них идеологией, которая, даже если и искажалась Сталиным, была основой их мышления. Теперь они очутились перед пустотой. Только после третьей части программы, они начали прозревать. Кончив курс, почти все курсанты становились убежденными сторонниками Освободительного Движения. Некоторые из них признавались, что они были засланы, как советские агенты, а теперь переходили на сторону Власова.

Пропагандируемой целью была национальная, свободная и демократическая, но не обязательно капиталистическая Россия. Честная дружба с германским народом, который отнюдь не отождествляется с национал-социализмом, также казалась вполне логичной, тем более, что в прошлом столетии, русская культура была тесно связана с германской. Многие немцы, с которыми они теперь близко сталкивались, были противниками гитлеровской власти и являлись друзьями русского народа, что они доказывали на деле: несчастьем и для немцев и для русских было то, что они не могли осуществить свои идеи при диктатуре Гитлера.

Когда немецкий флаг был поднят на высочайшей горе Кавказа, Эльбрусе, Зайцев сказал, что этот успех, которым так гордятся, гораздо значительнее для альпинизма, чем для военной стратегии. В одной лекции о будущем русском государстве он сказал: — «Свобода слова и печати является одной из основ правового государства. Она дает возможность проверять то, что происходит в стране. Она служит гарантией, что никакие темные махинации правителей или граждан не останутся без наказания. При действительной свободе слова и печати немыслим тоталитарный режим, при

котором приходят к власти авантюристы и во главе государства встает какой-нибудь провалившийся семинарист или сфрейтор».

Гестапо два раза собиралось арестовать Зайцева, и только с большим трудом удавалось это предотвратить.

Его обвинили сперва в том, что он осуждал уничтожение евреев, хвалил марксизм и выражал мнение, что немцы не могут выиграть войну без русских. На допросе Зайцев ловко защищался, говоря, что он просто говорил, что ликвидация евреев производит отрицательное впечатление на православных русских, что и отвечает действительности. Успехи марксизма в России он должен был упомянуть, потому что не может убедить своих слушателей, если будет отрицать и положительное, а что касается третьего пункта обвинения, то таково его убеждение. Ему удалось отделаться, выслушав поучение, что немцы не нуждаются в русских, чтобы победить, но позволяют им сражаться вместе. Еврейский вопрос не представлял, для большинства русских, никакой проблемы. Они привыкли к многонациональному государству. Там, где замечается антисемитизм, его появление объясняли тем, что слишком большой процент руководящих коммунистов в СССР — евреи.

Вторично Зайцеву грозил арест Гестапо из-за антинемецких высказываний и его членства в НТС. Вследствие очень ловкого маневра фон дер Роппа, сделанного им через офицера контр-разведки фон Клейста, и на этот раз удалось предотвратить худшее. (У автора имеется текст доклада фон дер Роппа.)

Тот факт, что такие взгляды, как у Зайцева, могли высказываться в Третьем Рейхе, без серьезных последствий, было возможно только потому, что немецкие офицеры связи отрицательно относились к официальной немецкой политике и стремились к честному союзу с будущей свободной Россией. Это относилось и к барону фон дер Роппу, немецкому руководителю курсов, и к его заместителям Рабокину и Керковилусу, комеданту лагеря капитану Петерсону, за-

местителю Штрикфельдта, барону Дедлингхаузену, офицеру контр-разведки барону Клейсту.

Все они больше занимались тем, чтобы защищать русских от Эс Де и Гестапо, чем разоблачать подрывную деятельность коммунистических агентов, что было их официальной обязанностью. Когда фон дер Ропп появился неожиданно, во время дискуссии, когда критиковались немецкие мероприятия, один из ее участников, крикнул: «Осторожно! Немецкий офицер!». Фон дер Ропп, в ответ на это, закрыл руками свои поганы и сказал: «Здесь нет немецкого офицера. Вы можете свободно говорить».

Как и другие офицеры, он знал, что подобные дискуссии происходили не из-за симпатий к коммунизму, а потому что русские все больше разочаровывались в немцах и чувствовали себя преданными ими. Выпущенная весной 1943 года, по поручению Гиммлера, брошюра «Унтерменш» играла при этом большую роль. В этой брошюре, между прочим, говорилось: «Унтерменш, биологически как будто бы совершенно одинаковое существо... является тем не менее совсем другим, ужасным созданием, приближающимся к человеку, с человекоподобными чертами лица, но в духовном отношении стоящим ниже, чем животное». Эта брошюра была, по поручению Гиммлера, выпущена типографией Главного управления Эс Эс. Автором ее был хауптштурмфюрер Кениг.

Понятное возмущение русских выражалось иногда довольно резко. Так, например, граф Ламсдорф явился в один из высших штабов Средней армии со словами: «Унтерменш капитан граф Ламсдорф!»

Когда один из денщиков Власова, нечаянно сильно хлопнул дверью, Власов обратился к присутствовавшему немецкому офицеру: «Извините, унтерменш!»

Дабендорф жил и развивался, как гнездо идей и представлений, противоречащих национал-социализму и планам Гитлера. Получилось, что под защитой немецкой армии, здесь созрели идеалы, которые, если бы о них проведала

ставка Гитлера, привели бы к неизбежному аресту не только всех русских, но и принимавших в этом участие немцев.

Дабендорф стал также колыбелью нового русского офицерского корпуса, который был там образован. Эти офицеры, когда они снова возвращались в свои части, были уже членами стройной политической организации. Постепенно возникло и нечто вроде тайной службы, постоянно осведомлявшей Власова и его сотрудников, обо всем происходящим на восточном фронте.

Дабендорф стал организационным центром Освободительного движения, которому в любой момент могли быть переданы существовавшие уже добровольческие части, русская служба самоохранны и самоуправления в занятых областях.

Свобода, с которой здесь обсуждались все вопросы, побуждала русских называть Дабендорф «свободной республикой».

Власов всегда был в курсе всех новостей в Дабендорфе, а Трухин и Зайцев обсуждали с ним все проблемы.

Первые 33 номера газет «Заря» и «Доброволец» вышли, фактически, без всякой цензуры. Зыков воспользовался этим и русский вопрос ставил во главу угла. Он подчеркивал, что русские — союзники, а не подчиненные немцев. Это не были уже немецкие газеты, издававшиеся для русских, а чисто русские газеты, писавшие о своих проблемах и целях.

Однако, это продолжалось долго. После 33-го номера все редакторы были вызваны к полковнику Мартину. Мартин сделал им выговор за то, что они преступили границы дозволенного. Зыков возразил: «Вы можете, разумеется, считать нас провокаторами и советскими агентами, и не верить нам, но может быть подумаете о том, почему мы постоянно боремся с вами по многим вопросам, хотя производим этим на вас неприятное впечатление. Если бы мы были агентами, то проще было бы поддакивать вам, и потихоньку проводить наши коварные цели». Зыков явно еще не понимал, что в глазах нацистов, идея о русском равноправии — была пре-

ступлением, равноценным деятельности советского шпиона. Мартин заявил, что он должен выполнить данные ему указания, приказ об аресте Зыкева уже имеется и ему приходится его как то аннулировать.

Теперь цензура была усилена. Требовалось проводить антисемитские и антизападные выпады. Контроль над газетами был передан зондерфюреру Вернеру Борману.

После разговора с Марином, русские обсудили вопрос, могут ли они, при данных условиях, продолжать работу. Зыков, обычно быстро принимавший решения, на этот раз был в нерешительности. Наконец, он решил работать дальше, считая, что есть еще один шанс на успех — военные события на фронтах, которые должны повлиять на решение русского вопроса.

Только эта надежда и поддерживала Власова. Но чем больше проходило времени, тем подавленное становилось его окружение, тем больше усиливалось отрицательное отношение к немцам. Насколько пессимистически оценивались перспективы русскими, очень ясно выразил Зыков: «Наши личные шансы я ставлю не очень высоко, хотя и верю в падение Сталина: 30 процентов за то, что немцы ликвидируют нас, 30 процентов за то, что мы попадем в руки Сталина, 30 — за то, что нас повесят англичане или американцы, несмотря на наше к ним уважение, и только 10 процентов я даю за то, что мы останемся живыми».

В эти дни Власов узнал об аресте и гибели своей жены. Каким образом он получил это известие, осталось неизвестным.

О настроениях, среди друзей Освободительного движения, писал Херре в своем дневнике от 28 июня: «Отказаться от надежды, что военное положение заставит все таки высшее руководство образумиться, значило бы сомневаться в существовании разума вообще. Наша задача теперь найти средства, чтобы не дать добровольцам с Востока снова стать ничем и поддерживать Власова и его круги, чтобы они не распались».

Хотя приговор Гитлера и запрещал всякую политическую деятельность среди русских, но все таки были приняты очень активные меры, что бы улучшить если не их политическое, то бытовое положение.

Так Штауффенбергу удалось провести, разработанный Фрейтаг-Лорингхофеном, служебный приказ № 5 000 о «добровольных помощниках немецкой армии». Некоторое время спустя, удалось упорядочить и облегчить положение членов семей добровольческих частей, что было оформлено предписанием № 8 000.

Генерал Хельмх, назначенный в декабре генералом восточных войск, назначил всех командиров своих войск советниками при командующих армиями.

В результате трудной статистической работы — военные части часто умалчивали о численности добровольных помощников — установлено, что в июне 1943 года имелось больше 600 000 добровольных помощников и 200 тысяч солдат в добровольческих частях. Это был значительный резерв, из которого, в любой момент, как только последовало бы разрешение, могла бы образоваться Освободительная армия.

На самом деле цифры эти занижены — так как в добровольческих частях служило не 200 тысяч, а больше 600 тысяч человек. Кроме того, нигде не отражено количество людей, находившихся в казачьих частях, украинских, белорусских, грузинских, армянских, калмыцких легионах. Таким образом, правильно утверждение Власова, что больше миллиона жителей России стояли уже под ружьем против Сталина.

Значительное улучшение положения этих людей, поставивших на карту свою жизнь в борьбе за свободу родины — было большим и полезным делом. В безотрадное время выматывающего ожидания — эти мелкие, но все таки ощутимые улучшения в положении добровольческих частей, вносили некоторую разрядку и создавали иллюзию, что ждать уже не долго и лед, наконец то, будет взломан.

Вследствии того, что Власов два раза ездил в прифрон-

товую полосу и имя его было широко известно, каждый день к нему поступали письма, доклады и жалобы от участников добровольческих частей и членов русских самоуправлений. Все спрашивали, когда же Освободительное Движение будет оформлено, а русская армия — создана? Многие русские приезжали в Берлин, чтобы повидать и поговорить с Власовым лично.

Один из таких приезжих, капитан Старицкий, эмигрировавший из России после революции, оставил образное описание своей встречи с Власовым и разговора с ним (журнал «Борьба», № 2, 1952 г.).

Власов сказал ему, что он не стремится, во чтобы то ни стало, удержать за собой руководство Освободительным Движением и командование Русской Армией. Решающие действия будут предприняты на территории России другими людьми, как только это будет возможно.

Судьба вырвала из под власти Сталина и предоставила ему возможность поднять народ на борьбу с коммунизмом, которую он должен использовать. Немцы, нравится это или нет, в настоящее время единственные, кто может дать оружие и поддержку. Решающим будет то, как скоро они позволят русским действовать. Он спросил Старицкого, как старого эмигранта знающего немцев и национал-социализм лучше, чем он — каково его мнение?

Старицкий ответил, что он не верит в изменение немецкой восточной политики, а если она и произойдет, как следствие поражения на фронте — то будет уже поздно. Услышав этот ответ — Власов, на минуту, потерял самообладание. Он ударил кулаком по столу и крикнул: «Это как раз то, о чем я думаю ночи напролет!» Но он сразу же овладел собой и спокойно продолжал: «Может быть, Сталин, действительно, победит — благодаря немецкой слепоте. Но я все равно должен идти по этому пути... Наши идеи будут жить дальше, когда мы погибнем, после нас, семя взойдет когда нибудь. То, что мы делаем не напрасно».

ДРУЖИНА ГИЛЬ-РАДИОНОВА

В этот период ожидания и беспокойства новую надежду внес Иванов, который после провала с РННА в Оснаторфе, начал продвигать свои планы в главном управлении государственной безопасности, так как считал, что у ЭСД имеется больше возможностей, чем у армии. И действительно, ему было предложено принять командование в русской бригаде, подчиненной ЭСД.

Иванов сразу же согласился и вызвал своих старых сотрудников — Кромиади, Сахарова и Ламсдорфа и, совместно с ними, поехал к Власову, что бы доложить ему о новых возможностях.

После некоторого раздумия, Власов посоветовал им заняться этой бригадой, так как это было проверкой — действительно ли ЭСД имеет новые полномочия от Гиммлера или от ставки Гитлера. Он поставил, однако, условие чтобы бригадой командовал Жиленков.

Бригада ЭСД находилась вблизи Пскова и называлась «Дружиной». Командовал ею в то время подполковник И. Г. Радионов, под псевдонимом — Гиль.

Дружина в то время была единственной крупной частью, под русским командованием, подчиненная ЭСД и единственной частью, за всю войну, которая была целиком выдача, впоследствии, своим же командиром в руки партизан.

Еще до войны ЭСД организовало собственную разведку, которая, под руководством адмирала Канариса, должна была конкурировать с военной.¹⁷⁾

Во время восточного похода ЭСД создало особую организацию, под названием «Цеппслин», чтобы независимо от военной разведки, так называемого «Абвер 1», засылать агентов в советский тыл.

¹⁷⁾ Х. Штейн, «История войск Эс-Эс», Дюссельдорф 1967 и Х. Хене, «Орден под черепом», Гютерсло 1967.

Резервом для таких агентов должна была служить «Дружина», а для проверки ее политических настроений, ее использовали в боях против партизан.

«Дружина» образовалась из группы, основанной зимой 1941/42 года, среди военнопленных лагеря Сувалки, для борьбы против большевиков, называвшей себя «Русским национальным союзом». Эта группа — примерно в размере одного батальона — была передана ЭСД и, под названием «Дружина», переведена летом 1943 года в Старый Быхов. Частью командовали несколько русских штабных офицеров, среди них генерал-майор Богданов, бывший командующий 47-ой стрелковой дивизией, полковник Радионов, подполковник Орлов, майор Юхнов, майор Андрусенко. Девизом «Дружины» было : «За Россию».

Несколько позднее возникла вторая «Дружина». Ядро ее, состоявшее из 135 человек, было организовано в декабре 1942 года в лагере «Сталаг 319» майором Блажевичем и капитанами Аделековым и Макаренко и переведено в Гайдод, около Люблина.

В марте 1943 года обе части были соединены под названием «Эс-Эс бригада «Дружина», и размещены в районе Глубокое, в Белоруссии. С войсками Эс-Эс у нее не было ничего общего.

Но уже в то время произошло несколько случаев, которые впоследствии способствовали политическому разложению части.

Весной 1943 года, группе из 50 человек, была устроена поездка в Берлин. Немецкая организованность и жизненный стандарт произвели на эту группу большое впечатление, но встречи с военнопленными в Ораниенбауме и с «остовцами» познакомили их также и с варварским обращением немцев с пленными и рабочими.

К этому прибавилось еще и то, что Гиль-Радионов, под влиянием Блажевича, создал вокруг себя группу лиц, которая терроризовала всю остальную часть. Блажевич, во время многочисленных поездок в Латвию, вошел в связь с со-

встской разведкой. Он явно стремился к тому, чтобы разложить часть. Гиль все больше и больше попадал под его влияние.

В мае 1943 года «Дружина», вместе с немецкими частями, приняла участие в крупной акции против партизан. Поведение ее не давало никаких поводов к критике. Перебесчиков не было.

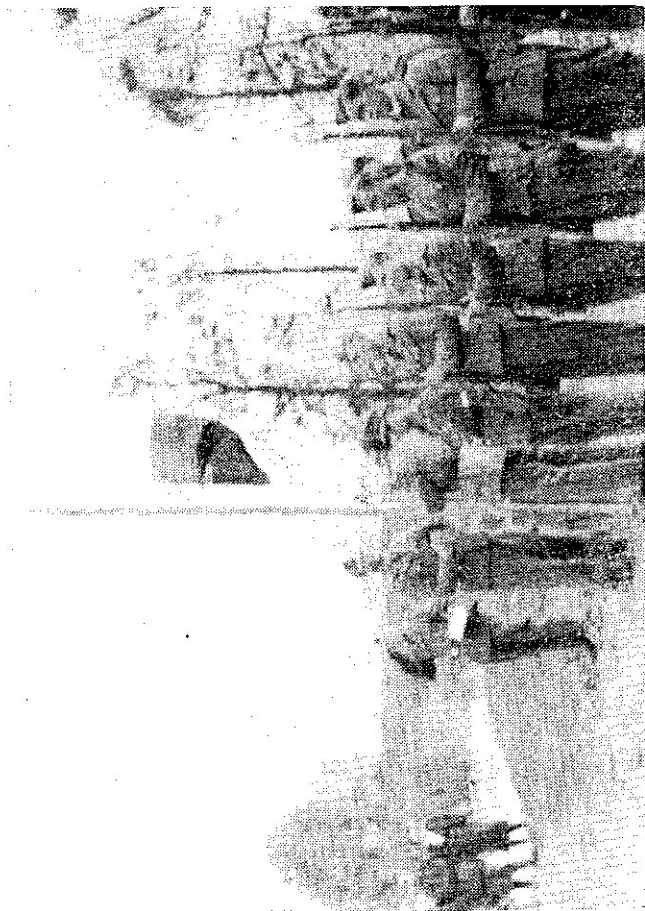
Благодаря притоку добровольцев часть выросла до 3-х тысяч человек, ее начали называть частью русской Освободительной армии.

Поведение лиц, окружавших Гиля, однако, оставляло желать лучшего. Они проводили время за выпивкой, картами — появились и женщины. Гиль все меньше заботился о своих обязанностях командира. Недовольство им у офицеров части все увеличивалось. Когда приехали Жиленков и Иванов — Гиль заявил, что Жиленкову он передаст только учебный отдел — около 300 человек, а всю часть — только тогда, когда будет организована Освободительная армия.

Местное управление ЭСД поддержало Гиля и передали Жиленкова и его группу в ведение Эс-Эс штурмбанфюрера Отто Крауса, который командовал в Пскове организацией «Цеппелин» и, выполняя совершенно другого рода задания, не имел ни времени, ни желания заниматься значительной русской частью. Под давлением своего начальства, которое надеясь, что в ближайшее время произойдут коренные изменения в этом вопросе, и для того, что бы окончательно не разочаровать русских добровольцев — Краус принял русскую группу.

Эта часть была названа «Первая гвардейская бригада РОА» и расположена в маленьком местечке Стремутка, километрах в 15 от Пскова. Эта была первая часть, которая поддерживала постоянный контакт с Власовым.

Бригада привлекла большое внимание всех кругов населения. Об Освободительной армии много говорили, но не все верили в возможность ее существования. Теперь — здесь, действительно, была одна из ее частей. Это позволяло ду-

Псков, Стремутка, подъем русского флага в гвардейской бригаде РОА.

мать, что и в других местах организованы части РОА, которые вскоре будут сведены в армию.

Солдаты бригады держали себя примерно. Контакт с окрестным населением был установлен сразу. Выводы посылались в деревни, помогать при уборке урожая, когда не хватало мужчин. В штаб поступали многочисленные благодарности:

22-го июня 1943 года, по случаю второй годовщины начала войны, в Пскове, был парад германских войск. К всеобщему удивлению, он был открыт ротой русской гвардейской бригады. Это было настолько необычайно, что сразу же выросла уверенность, что Освободительная армия действительно организуется.

Тем временем положение в «Дружине» все больше обострялось. Приезд Жиленкова усилил подозрения Гилья и его группы, что ЭСД хочет его сменить. Блажевич вошел в прямую связь с партизанами, а в начале августа партизанский отряд «Железняк» получил задание начать переговоры с Гилем. Чтобы не попасть самому под подозрение, Гиль послал к партизанам начальника своей разведки генерала-майора Богданова, ничего не знавшего о намерениях Блажевича и Гилья. Богданов категорически отклонил предложение о переходе и согласился только на то, что бригада не будет ничего предпринимать против партизан, в случае если они, со своей стороны, не будут тревожить население, немецкие части и самую бригаду. Переговоры окончились безрезультатно.

Тогда в контакт с партизанами вошел сам Гиль. Партизаны гарантировали ему амнистию, в случае если бригада с оружием в руках перейдет на советскую сторону и выдаст Богданова, а так же старого эмигранта графа Мирского. Гиль эти условия принял.

13 августа партизаны окружили «Дружину». Гиль поднял тревогу и со своими приспешниками застрелил тех офицеров и солдат, которые, как он считал, не пойдут на предательство. Так погиб генерал-майор Богданов, полковник

Орлов и все командиры полков, за исключением одного, прикинувшего к Гилю. Команда связи ЭСД была также уничтожена. Затем была занята станция Круглевщина и прервана железно-дорожная линия на Полоцк. Нападение на Глубокое не удалось. Остаток «Дружины» ушел с партизанами в леса.

Вскоре часть обманутых офицеров и солдат начали возвращаться в Глубокое. 30 оставшихся в живых офицеров, среди них майор Алелеков, Юхнов и Андрусенко, а также 500 человек рядовых перешли обратно.

Оставшаяся у партизан часть «Дружины» получила название «Первой антифашистской бригады». Гиль был награжден орденом Красной Звезды. В дальнейшем бригада, в многочисленных боях, в которых участвовали с противной стороны старые товарищи, понесла тяжелые потери. Остаток в 300 человек был окружен около станции Зябки, зимой 1943/44 года, и полностью уничтожен. Гиль был застрелен своими бывшими офицерами со словами: «собаке — собачья смерть».

Советское правительство признавало опасность, которую представляла русская Освободительная армия и всеми мерами пыталась помешать ее созданию. В случае с бригадой Гиля это ему удалось.

Почти 20 лет спустя «Военно-исторический журнал» писал: «Белорусские партизаны помешали фашистской Германии сделать бригаду Гиля-Радионова базой для русской Освободительной армии.¹⁸⁾

К концу августа стало ясно, что и у ЭСД возможностей помочь созданию Освободительной Армии нет. Все обещания помощи служили только для того, чтобы кайти подходящих людей для «Циппелина».

¹⁸⁾ «Военно-исторический журнал», № 10, стр. 37, 1962 год. — статья «Участие советских бойцов в партизанском движении Белоруссии». Об образовании и гибели «Дружины» сообщали: София Варшавская, «Относительно Дружины»: «С народом — за народ», № 5, 1965; граф Ламсдорф и О. Краус — в письмах к автору.

Краус, с самого начала не хотевший принимать участие в этой игре, просил о роспуске русской части Жиленкова, который, потеряв таким образом еще одну надежду, вернулся обратно в Берлин. Только Ламсдорф остался при «Первой гвардейской бригаде», которая продолжала, некоторое время, свое существование.

РУССКИЕ ДНИ В ПАРИЖЕ

Тем временем, Власов в Берлине встретился с русской эмиграцией, оставившей Россию после революции. В противоположность Зыкову и Жиленкову, которые не желали сближения с эмигрантами, опасаясь отрицательного впечатления на родине, Власов был готов к сотрудничеству с ними. Связи парижской русской эмиграции с западными державами могли быть, в дальнейшем, полезными для признания Освободительного Движения Западом.

Сперва большинство старых эмигрантов, главным образом старшего поколения, отрицательно относились к Власову — для них он был сотрудником Сталина и революционным выскочкой. Постепенно, идея Власова о воскрешении свободной, демократической России, все больше завоевывала новых сторонников. Много помог в этом сближении молодой руководитель Управления Делами Русской эмиграции во Франции — Юрий Сергеевич Жеребков, внук царского генерал-адъютанта Алексея Жеребкова.

Он познакомился с Власовым в феврале 1943 года, во время посещения Берлина, и сразу понял, что для русского дела открываются совершенно новые перспективы. Он стал всеми силами поддерживать Власова и много писал об Освободительном Движении в газете «Парижский Вестник», которую он издавал.

В начале июня он снова приехал в Берлин, чтобы при-

послать Власова приехать в Париж и выступить перед русскими эмигрантами. Власов согласился, но очень сомневался, что ему дадут разрешение на эту поездку.

Действительно, поездка Власова, после приказа Кейтеля, была бы смертным приговором не только для него, но и для всего дела. По настоянию Гроте и Штрикфельдта, Мартин дал разрешение Малышкину посетить Париж, после того, как Жеребков обеспечил согласие на это пропагандного отдела военного командования во Франции.

24 го июля 1943 года, в центре Парижа, в зале Ваграм, состоялось торжественное собрание. Зал мог поместить не больше 4-х тысяч человек, остальные две тысячи слушали трансляцию собрания в смежных залах. Присутствовали представители немецких и французских учреждений и находившиеся еще в Париже дипломатические миссии и представители международной печати.

Когда Малышкин поднялся на трибуну — собрание устроило ему длительную овацию. Он был первым представителем русского Освободительного Движения приехавшим в Париж для связи с эмигрантами. Тяжелые годы на чужбине, тоска по далекой родине, горечь унижений наносимых немцами — все это вылилось в бурной демонстрации, превосходившей все, что мог ждать Малышкин.

Под впечатлением встречи, Малышкин, всегда говоривший легко и свободно, не удержался от некоторых высказываний, которые были смертельно опасны не только лично для него, но и для всего Движения. Ведь только недавно Гитлер строжайше запретил всякую политическую деятельность Власова и его сотрудников в национально-русском духе.

Последствия не замедлили сказаться. На следующий же день Жеребкова вызвали к немецкому командующему. Ему сказали, что на собрании были сделаны заявления, недопустимые для немцев. Жеребкову грозили серьезные неприятности. Чтобы не подвергнуть Власова опасности, Жеребков и Малышкин «отредактировали» стенографический отчет.

Все антинемецкие высказывания были вычеркнуты или смягчены.¹⁹⁾

Жеребкову удалось добиться у шефа пропагандного отдела, полковника Шмидке, что текст выступления Малышкина был признан подлинным, несмотря на то, что донесения о враждебном немцам выступлении Малышкина, поступали с разных сторон.

Командующий полицией безопасности и ЭСД во Франции д-р Кнохен и немецкий генеральный консул д-р Квинринг, оба бывшие втайне противниками восточной политики Гитлера, после беседы с Жеребковым, послали положительные отчеты своему начальству в Берлин.

Малышкин, которого после его возвращения в Берлин, допрашивали в ЭСД, твердо держался версии официального отчета и тем самым предотвратил угрозу своего ареста. Однако, Жеребков получил приказ — не предпринимать больше никаких поездок и не выступать ни на каких собраниях.

¹⁹⁾ Исправленный текст речи Малышкина был напечатан 31. 7. 1943 года в «Парижском Вестнике», № 59.

В эмигрантской печати, как например «С народом — за народ», № 3, выражались сомнения, действительно ли Малышкиным были сделаны некоторые антисемитские выпады. Предполагалось, что они были внесены Жеребковым, чтобы смягчить реакцию немцев.

По данным Юрия Сергеевича Жеребкова, в письме к автору этой книги, это предположение не верно. Возможно, что Малышкин употребил антисемитские выражения, как маскировку. Уничтожение евреев национал-социалистами вызывало у Власова и у всех его сотрудников самое резкое отрицание.

Проходили дни, недели, месяцы — не принося никаких перемен. Все мучительней становилось сознание, что уходит драгоценное время. Однажды вечером за игрой в карты, Власов возмущенно сказал: «Я не понимаю этого! Я знаю Сталина, знаю его методы, знаю как к ним надо подходить, что надо делать — и я сижу здесь и играю в проферанс!»

Конечно, Власову было не легко понять, что происходит вокруг него, если даже его немецкие друзья, сами не могли разобраться в том, что творится в нацистских верхах. В Германии Власов видел диктатуру фашизма, казавшуюся ему не очень серьезной по сравнению с диктатурой коммунизма. Он знал многих влиятельных немецких сановников, но у каждого из них были самые противоречивые взгляды. Не было единой линии, не было никакой системы.

«Кровь и земля» — это же не идеология» — пренебрежительно заметил Власов.

Сталинская диктатура была построена на иных, непоколебимых, основах. Власов сам, как и каждый советский человек, живший при власти большевиков, прошел суровую школу, которая порой влияла на его образ мыслей и тогда, когда он полностью порвал с коммунизмом. Поэтому он думал, что в Германии есть крепкая идеологическая основа, есть «генеральная» линия, которой подчинены все члены нацистской партии. Что в Германии не было вообще никакой системы, что приказы Гитлера, хотя и исполнялись, но в основном, каждое влиятельное учреждение действовало самостоятельно и, часто, совершенно противоположно чем другое — этого Власов, вначале, даже не представлял.

Германская действительность очень медленно раскрывалась перед ним. Этому способствовали частные разговоры с Теодором Краузе, с которым его познакомил Штрикфельдт. Краузе, немец родившийся в Петербурге, в то время руко-

водил одним из отделов печати при главном командовании, для Власова он был очень интересным собеседником, с помощью которого он знакомился с Германией.

Узнавая лучше Германию у Власова, как впрочем и у многих русских, первоначальное уважение к немецкой организованности, достижениям, общему порядку, постепенно переходило в горькое разочарование.

Тяжелый удар готовился для Власова и его соратников.

В сентябре 1943 года произошло событие, которое угрожало разрушить все, что с таким трудом удалось добиться.

15 сентября генерала Хельмиха вызвали к Цейцлеру, который сказал ему, что несколько восточных батальонов перешли к противнику. Фюрер приказал разоружить все добровольческие части, на первых порах 80 тысяч человек и немедленно отправить их на угольные копи во Францию. Об исполнении приказа следует доложить в течении 48 часов.

Возражение Хельмиха, что ему ничего о переходе к противнику не известно, а наоборот, известно, что несмотря на тяжелые бои при отступлении, добровольческие части ведут себя образцово — Цейцлер отклонил. Гитлер отдал приказ — его надо выполнять. Ему надоело все время получать выговоры из за этих проклятых добровольцев.

В лихорадочной спешке штаб Хельмиха, бросился доставать сведения о действительном положении дела. Как выяснилось, у Штаба Северной армии не было никаких данных о неблагонадежности добровольцев. То же относилось и к Южной Армии. Там наоборот, несколько частей добровольцев особенно отличились в последних боях. Об неблагонадежности добровольцев, несмотря на чрезвычайно тяжелые бои во время отступления, не могли быть и речи. Очевидно, Гитлер, в своем бешенстве, вызванным неудачами на фронте, просто искал козла отпущения.

Хельмих попросил Херре поехать к Цейцлеру с подробным докладом. Выполнению безумного приказа надо, было во чтобы то ни стало, помешать.

Херре указал Цейцлеру на то, что разоружение 80 ты-

сын человек повлечет за собой катастрофические последствия, о которых, повидимому, в ставке Гитлера, не имеют ни малейшего представления. Разоружение будет воспринято русскими, как бесчестие. Посылка на работу в шахты — удлинительным наказанием. Они добровольно шли в бой и держали себя безукоризненно и мужественно.

Разоружение может привести именно к тому, в чем их сейчас незаслуженно обвиняют — к неблагонадежности. Кроме того, неизбежна и реакция со стороны шести миллионов «остарбайтеров».

Цейцлер, в конце концов, согласился с этими доводами, но заявил, что приказ Гитлера следует выполнять — «до крайней границы возможного».

Когда он услышал от Херре, что наибольшее число может быть не больше 3-5 тысяч человек и что при этом отбор будет очень затруднителен — Цейцлер вспыхнул: «Вы с ума сошли! Неужели Вы думаете, что фюрер пойдет на это?» Херре ответил, что фюрер должен будет согласиться, так как другой выход приведет к катастрофе. (Х. Херре, — «Дневник»).

Наконец, Цейцлер сказал, что еще раз доложит Гитлеру о положении вещей, но потребовал сперва списки частей, разоружение которых, по мнению Херре, не вызовет большого вреда.

Три дня спустя все было решено. Гитлер, хотя и упрямился, но согласился на разоружение указанных Хельмхофом частей. Казалось, что победил разум.

Но через несколько дней положение опять обострилось: из ставки Гитлера пришел приказ перевести добровольческие части на западный фронт.

То, что добровольцы шли сражаться за освобождение своей родины, что они не были наемниками, которым все равно против кого направить оружие — безрассудно игнорировалось. Чтобы избежать метяжа, надо было найти какое-то оправданное объяснение приказу, но об этом ставка Гитлера не думала.

В это же время один случай наглядно показал, насколько безосновательным был выбор пяти тысяч, подлежащих разоружению.

Струги-Красные, маленький городок на линии Луга-Гатчина, в котором был гарнизон из 70 немцев. На этот городок напал партизанский отряд, численностью в 600-700 человек. Положение гарнизона было безнадежным, половина была уже перебита, когда одному командиру взвода удалось пробиться к вокзалу, где стоял эшелон с разоруженными добровольцами. Командир взвода вооружил их, из находившегося вблизи вокзала военного склада, вместе с добровольцами зашел в тыл партизанам и они были разбиты наголову.²⁰⁾

Только немногие части добровольцев, подчиненные ЭС ЭС, не были переброшены на западный фронт, как например бригада Каминского, которая после отступления от Локотя, стояла в районе Лепеля, против партизан.

Одна казачья дивизия, которую удалось создать Штауфенбергу уже в конце апреля, была так же переведена не на западный фронт, а в Югославию, где она должна была вести бой против партизан. Ядро дивизии составлял полк Кононова из Могилева, полк полковника-лейтенанта Юнгульца, бывшего неоднократно на передовых линиях летом 1942 года в районе Мосдок-Ачикулак, а также одна часть из Полтавы, под командой подполковника фон Вольфа.

Переброшенные в Югославию части добровольцев были отданы под командование полковника, а впоследствии генерал-лейтенанта, фон Панвица, которому удалось очень скоро завоевать полное доверие казаков, так как он действительно был выдающимся офицером и редким, по своим душевным качествам, человеком.

После передачи, под его команду, добровольческие части через две недели были уже в Хорватии, на фронте.

²⁰⁾ Г. Клейн, переводчик при Отделе VII тыла Северной армии, письмо к автору)

В Югославии находилась и другая русская часть, «Русский стрелковый корпус», под командой генерала Штейфона, насчитывавший 15 000 человек. Корпус состоял исключительно из старых русских эмигрантов, явившихся добровольно для отправки на восточный фронт. Однако немцы разрешили им сражаться только в Сербии, против партизан Тито.

Казачи, до известной степени, находились на особом положении, так как Розенберг носился с идеей, после окончания войны, создать автономную область — «Казачию» и поэтому разрешил «Казачье Управление» под началом старого генерала Краснова. Десятки тысяч казаков, антибольшевиков, отступая вместе с немцами, и их семьи двигались громадным обозом на Запад. Самый большой обоз вел агамаи Сергей Павлов, который после отступления Красной армии, по собственной инициативе, организовал казачью часть и создал собрание представителей различных станиц в Новочеркаске. На этом собрании было решено предложить немцам создание большой казачьей армии.

В этот обоз, который после смерти Павлова, повел генерал Доманов, входило 15 000 человек, из них половина, способная носить оружие. После многомесячного похода, обоз был направлен в район Толмеццо, в Северной Италии.

В Мохово был организован запасной полк для казачьей дивизии фон Паннвица в составе 10-15 тысяч человек. Командовал им бывший царский генерал Шкуро, герой гражданской войны, впоследствии награжденный английским королем высоким британским орденом.

В конце сентября состоялась встреча Власова и Краснова. Краснов заявил о своей готовности сотрудничать с Власовым, но при условии, что казачьи части не будут находиться под его командованием. На этой точке зрения Краснов упорно стоял до конца, хотя большинство казаков выражало желание войти в Русскую Освободительную армию.²¹⁾

²¹⁾ О том, как держали себя казаки во время восточного похода и о казачьем корпусе Паннвица пишет Д. фон

Хотя перевод казаков в Югославию был проведен таким образом, что не было никаких инцидентов, в связи с уходом с восточного фронта, однако, скоро выяснилось, что русские части не были согласны, без возражений, выполнять приказы немцев. Они настойчиво требовали встречи с Власовым. Нужно было считаться с возможностью неповиновения.

При этом положении генерал-полковник Йодль, вспоминая о Власове, которого, по его словам, немецкое руководство охраняет «как сырое яйцо».

При создавшемся положении Власов мог доказать действительно ли его влияние и авторитет так велики, как об этом говорилось.

Генерал Йодль хотел, чтобы Власов обратился с открытым письмом к добровольцам, в котором он бы объяснил им, что перевод на западный фронт необходим.

Штрикфельдт сперва противился этому, так как считал невозможным предложить Власову еще и это. И без того Власова раздирало возмущение. Для него было окончательно ясно, что немцы не хотят создания РОА. Власов заявил, что он хочет чтобы его немедленно отправили обратно в лагерь для военнопленных, где он будет с рядовыми солдатами делить их судьбу.

Штрикфельдту понадобилось много времени, чтобы успокоить Власова. Он доказывал ему, что при неуравновешенном характере Гитлера, любое новое происшествие, повлечет за собой всеобщее разоружение всех добровольческих частей. А так, по крайней мере, будет сохранены имеющиеся части, которые, при все ухудшающемся положении немцев на фронте, в конце концов, может быть будут переданы полностью под русское командование.

Фон Гротте написал черновик открытого письма, в кото-

Кальбен — «К истории XV казачьего корпуса», Е. Керн. «Генерал фон Паннвиц и его казаки», К. Черкасов, «Генерал Кононов», Х. Штекель, «Зарождение казачества».

ром перевод частей объяснялся, как временная мера, обусловленная тяжелым положением на западном фронте, с тем чтобы спокойно подготовить организацию Освободительной армии. Было очень спорным вопросом согласится ли Йодль на такую редакцию. Но случилось неожиданное — Йодль согласился.

Это согласие значительно улучшило настроение Власова. Он считал, что если Йодль разрешил такой текст открытого письма, то тем самым он санкционировал сообщение об организации Освободительной Армии. То, что один из высших военных чинов Германии, мог сознательно пойти на нечестный поступок — Власов, несмотря на весь горький опыт, не считал возможным. Немецкие офицеры, в окружении Власова, поддерживали в нем эту уверенность. Они считали, что должны сделать все чтобы сохранить Власова и военный потенциал русских добровольцев для все еще возможных боевых действий на восточном фронте.

Штрикфельдт обратился за разрешением поездки Власова к добровольческим частям. Но Йодль отказал. На полях письма он написал: «Нет. Цель достигнута «открытым письмом». Не имею намерения повторить ошибку покровителей Дабендорфа. Это — враждебное немцам гнездо. Его надо распустить».

Антинацистских настроений в Дабендорфе не было, но антинацистские были явно. После всего, что случилось других настроений и не могло быть — это была нормальная реакция на поведение ставки Гитлера.

Анализируя создавшееся положение, несмотря на то, что Власов несколько раз был близок к тому чтобы бросить все, в долгих разговорах с Трухиним, Малышкиным, Жиленковым и Зыковым, он пришел к решению, что ради спасения добровольцев, военнопленных и «остовцев» — они должны продолжать борьбу дальше. Возросли возможности устранить трудности и добиться облегчения положения этих людей. Дабендорф стал играть все большую роль. Курсанты — выпускники сообщали из лагерей военнопленных и «остарбайтеров»

мельчайшие подробности их положения. Если не всегда можно было устранить полностью все недостатки, со с помощью Штрикфельдта и Гроте их, во всяком случае, можно было смягчить: часто поступали из лагерей сообщения каких улучшений и перемен удалось добиться.

Резкий отказ от совместной работы с нечестным немецким союзником, поставил бы под угрозу не только все, достигнутое до сих пор, но означал бы и полный крах надежд на признание Освободительного движения. Как ни удивительно, но русское Освободительное движение, против воли германского руководства, и несмотря на все пропятствия, стало фактом. Ядро составляли выпускники Дабендорфа, 7 бывших советских генералов, 60 полковников, несколько тысяч офицеров, ученых, инженеров, и представителей других профессий. Их политические взгляды могли быть различными, но все они хотели освободить Россию от сталинской власти.

В это время в Дабендорфе печатались памятная книжка для солдат РОА, в которой были следующие фразы:

«РОА, в первую очередь, является русской национальной армией.

Главной целью ее борьбы является свержение коммунистической власти в России и создание свободного, национального русского государства.

РОА, стремясь освободить народы России от сталинского режима, не собирается восстанавливать дореволюционные порядки. Она стремится к построению новой России на новых демократических принципах.

РОА является не только орудием борьбы против большевиков, но и политической силой, частью Освободительного Движения Народов России».²²⁾

Власов и его сторонники начали рассчитывать также на возможное падение Гитлера. Многие говорили о такой возможности.

²²⁾ «Воин РОА — этика, облик, поведение», издательство пропагандной школы РОА, 1944 год — в архиве автора.

Обсуждалось также и возможность того, что Гитлер, под давлением неудач на фронте, предоставит Власову свободу действий, а потом, после свержения Сталина, снова начнет проводить свои планы колонизации России. Было ясно, что в таком случае конфликт с Германией неизбежен, но при этом можно будет рассчитывать на поддержку западных держав. Если они помогают коммунистам в борьбе против Гитлера, то уж, во всяком случае, Россию некоммунистическую они, несомненно, будут поддерживать.

В напряженной работе, по улучшению положения военнопленных в лагерях, проходило время и успехи, которые были ощутимы, несколько смягчали нестерпимую тяжесть ожидания. Вот чего удалось добиться:

Для добровольцев было создано 20 новых лазаретов. Было организовано русское сестричество с собственной формой и собственными школами. Были разрешены дома для отпускников, дома для инвалидов, лагеря для переобучения, библиотеки, и дано право на награждение добровольцев Железным Крестом. При всех крупных военных частях были русские пропагандные части, в которых часто участвовали и женщины. Генерал Кестринг немало способствовал этим успехам. С 1-го января 1944 года он заместил генерала Хельмха, как командира добровольческих частей. Кестринг вырос в Москве, говорил на русском языке и служил в Москве военным атташе. Он видел все ошибки гитлеровской восточной политики и всемерно способствовал всему, что могло укрепить и поддержать национальные стремления русских.

С течением времени мысль о необходимости создания русского Освободительного движения становилась все популярней среди немцев. Все больше количество людей находило дорогу к Власову и не было недостатка в стараниях помочь, чем только было можно.

Всегда желанным гостем на Киблицег был полковник Фрейтаг фон Лорингхофен, давший Власову новую надежду намеками, что в ближайшем будущем многие должны измениться. Он мог разговаривать с Власовым без переводчика

и поэтому говорил с ним совершенно откровенно. Что он хотел сказать этими намеками, стало ясно, когда 20-го июля, после неудавшегося покушения на Гитлера, он покончил с собой.

Несмотря на все посещения и выражения симпатий со всех сторон — бессмысленное ожидание подтачивало энергию Власова. Перед посторонними он скрывал свое беспокойство. Он все еще производил впечатление спокойного и выдержанного человека и на людей влияло его природное обаяние которым щедро наградила его Бог.

В компании друзей он был приветливым и веселым, но все чаще эта веселость сменялась безнадежностью, сознанием того, что уже «слишком поздно». Посетив как то известную журналистку Видеман, он сказал ее русской прислуге: «Когда вернешься домой, Надя, расскажи друзьям, что мы хотели добра нашему народу».

Весной 1944 года в Берлине неожиданно появилась Мария Воронова. Власов неоднократно пытался разыскать ее. Теперь она нашла в Риге Фрелиха, проводившего там свой отпуск, который помог ей добраться в Берлин. Приехав, она по старой памяти, взялась вести скромное хозяйство Власова. О том, где она была до сих пор — она говорила очень неохотно.

Через несколько дней, после своего приезда, она призналась Власову, что получила задание от советских партизан в Лигве, добраться до него для того чтобы отравить.

Этой же весной около Власова появилось два новых человека, ставших его верными сотрудниками — полковник Меандров и полковник Мальцев.

Меандров был спокойным, волевым человеком и большим русским патриотом. Мальцев — импульсивным, горячим и блестящим оратором. В 1938 году он был командующим воздушным флотом в Средней Азии, после расстрела Тухачевского, провел два года в тюрьме, во время войны был освобожден и попал в плен, когда немецкие войска заняли Крым. С разгрома немецкого командующего воздушным

флотом, он организовал отряд русских летчиков доставлявших пропагандный материал в советский тыл. С момента пленения, его не оставляли два его офицера, Антолевский и Бычков, оба «герои Советского Союза» и ярые враги Сталина.

Вскоре после возвращения Вороновой, Власов посетил генерал Шкуро. Они говорили о переходе казачьих частей Панивица под команду Власова, как только будет разрешена Освободительная армия. Оба были согласны с тем, что командование казаками никак не может быть поручено бывшему царскому генералу, так как этот факт дает советской пропаганде возможность утверждать, что Освободительное Движение добивается восстановления монархии.

Шкуро, как и большинство казаков, считал «Казакينو» Розенберга скверным анекдотом.

С помощью Шкуро, Власов восстановил связь с Кононовым, которого не видел со времени своего посещения Могилева.

Узнал Власов также все подробности положения в Белоруссии, где в начале 1944 года, в Минске было разрешено учреждение Белорусской Рады, президентом которой был избран профессор Островский.

Рада выпустила призыв об организации собственной армии и хотя, едва ли можно теперь, ожидать победы немцев, но более 30-ти тысяч добровольцев откликнулись на этот призыв. Белорусская Рада тоже надеялась на поддержку запада, после падения национал-социализма. Считалось возможным, что армия, поддерживаемая населением занятых областей, свергнет Гитлера и вместе с западными державами выступит против другого диктатора — Сталина.

Наконец начали поступать сведения о положении добровольческих батальонов, которые в январе были переброшены во Францию. Власову не разрешали их посетить, как он этого не добивался. Разрешили ехать Жиленкову с Фредлихом. Они установили, что положение частей было более, чем неблагоприятно. Большинство немецких офицеров связи, так же как и полковые командиры, которым батальоны подчиня-

лись, никогда не имели дела с добровольцами и никогда не были на восточном фронте. Соответственно этому было и полное непонимание сложности вопроса и причин присылки этих частей на западный фронт.

Благодаря обещаниям командира добровольческих частей, при командующем Западной армией, майора Ханзена, можно было надеяться, что положение русских будет улучшено, но пока что, оно оставалось трудным. Только надежда, что дело все таки дойдет до создания русской армии еще сдерживало людей.

В июне на Киблицег приехал Казанцев. От него Власов узнал важные новости из занятых областей, а также и об обстановке в различных немецких учреждениях, где работали члены НТС.

Положение НТС, в это время, было критическим. С зимы 1942/43 года Союз начал критику немецкой политики на востоке. Гестапо подозрительно смотрело на связи НТС с немцами, противниками этой политики. Несколько членов НТС было уже уволено из немецких учреждений без всяких объяснений. Через Поремского, который работал в Восточном министерстве, НТС выяснило, что арест большинства членов союза уже предreshен и их увольнения объясняются тем, что начальство не хочет, что бы арестам подвергались их сотрудники.

Вскоре после этого многие члены НТС попали в немецкие тюрьмы и казеты. На свободе остались те, членство которых в НТС осталось неизвестным Гестапо. Казанцев просил Власова вступить за арестованных, но возможности Власова были невелики. Кроме того, он не мог подвергать опасности своих людей и поставить под угрозу собственные планы, которые, к удивлению, получили вдруг поддержку с той стороны, о которой Власов и его друзья не могли даже думать — со стороны войск Эс-Эс и Гиммлера.

Войска Эс-Эс, а также подведомственная Гиммлеру служба государственной безопасности, к началу 1944 года фактически внутренне раздирались противоречиями. Внешне они

вынуждены были проводить приказы и подчиняться линии национал-социалистической политики. В то же время все больше число командующего состава Эс-Эс, побывавшего на восточном фронте, было противниками официальной линии, так как на собственном опыте они убедились в ее бессмысленности. К ним принадлежал руководитель иностранной разведки Шелленберг, руководитель внутренней разведки Олендорф, бывший резким критиком методов райхскомиссара на Украине, Коха, вызвавших, как он говорил, возмущение населения и принесших столько вреда, сколько не мог принести и злейший враг. К ним же примыкал и штурмбаннфюрер д-р Бухарт, в конце 1943 года, получивший задание заняться политической разведкой среди восточных народов. Бухарт был балтийцем, говорил на русском языке и, на различных постах в Средней армии, имевший возможность наблюдать результаты политической линии Гитлера. Уже тогда он указывал, что имя Власова для перебежчиков, военнопленных и гражданского населения значит гораздо больше, чем это хотят видеть на верхах.

Когда Бухарт принял новый пост, Олендорф уверил его, что он сможет, соблюдая, конечно, некоторую осторожность, прокладывать новые пути и влиять в области восточной политики. Кроме того, он мог привлекать для работы своих балтийских земляков. Так как, почти во всех немецких учреждениях на востоке, работали балтийцы, которые были незаменимы благодаря знанию русского языка, а многие из них знали Бухарта — то вокруг него скоро образовался круг единомышленников, считавших, что радикальное изменение восточной политики необходимо.

Прямыми противниками всех национальных русских стремлений были партийное руководство, во главе с Борманом, тайная полиция, Розенберг и поддерживаемые им сепаратистские национальные группы, которые всякую поддержку Власову считали «предательством по отношению к немцам».

Гиммлер тоже был врагом России, но именно с ним, мож-

но было пытаться что то изменить. Хотя внешне он тоже безоговорочно выступал за восточную концепцию Гитлера, то, в тоже время, именно он помог созданию эстонских, латышских, кавказских Эс-Эс частей, что указывало на некоторые колебания его в разумности восточной политики. Его неустойчивый и вздорный характер допускал возможность влияния на него со стороны. Так например, одно время он совершенно серьезно дал задание различным учреждениям проверить вопрос — целесообразно ли, после окончания войны, поселить казаков в вооруженных крепостях, как заградительную стену между Европой и Азией. Однако, удалось убедить его, что этот план — не целесообразен. Так же, когда весной 1943 года, он высказал намерение, при новом наступлении немецких войск в России, начать ликвидацию православия, которое питает и укрепляет русский национализм и перевести всех русских в буддизм, что, по его мнению, немедленно их «пацифицирует» — эти планы были им оставлены, после нескольких разговоров с ним его сотрудников, доказывавших, что подобная попытка даст как раз противоположные результаты.

Новые возможности влияния на Гиммлера появились, когда он потребовал говорящего на русском языке офицера СД и Бухардт рекомендовал ему своего земляка, штурмбаннфюрера фон Радецкий. Через него Гиммлеру стали поступать многочисленные доклады, убедительно доказывающие, что положение на востоке требует немедленных перемен.

Но и Гестапо чувствовало, что какие то новые веяния появились в кругу русских. Со всех сторон доносили, что русские стали держаться с большой уверенностью и участились антинемецкие высказывания. Так как материала, чтобы сломить защиту Власова армией, было все же недостаточно, то Гестапо решило выступить против Власова, используя идеологический фактор. Из СД были затребованы все данные о Власове, но Бухардт посоветовал Олендорфу не передавать ничего Гестапо, поскольку эти данные не полицейской, а разведческой деятельности СД.

Наконец, через фон Радеcki Гиммлеру был доставлен обширный, хорошо документированный доклад, в котором необходимость срочного изменения в области восточной политики обосновывались следующим образом:

1. — Более 700 тысяч человек, стоящих под ружьем в рядах немецкой армии в качестве добровольцев, могут только тогда оставаться лояльными, по отношению к Германии, если перед ними будут поставлены такие политические цели, за которые они будут бороться. Победа в этой войне Германии — цель совершенно для них не притягательная — они должны знать, что эта победа принесет России.
2. — Пропагандные акции, на которых наставляет Гиммлер, только тогда принесут успех, если в них будут указаны цели, нужные русским.
3. — Миллионы «остарбайтеров», которые заняты в оборонной промышленности, и работа которых так сейчас важна и необходима для Германии, должны быть поставлены в иные условия. Принудительные меры, которыми до сих пор пользуются, все более приносят отрицательный результат. Для этих людей также необходимо знать, что их ждет в будущем, иначе эти миллионы очень скоро могут стать не помощью, а помехой в хозяйстве страны.

В заключении доклада, предлагалось принять, пока без всяких обязательств, Власова и выслушать его предложения.

В данном случае не лишено интереса то обстоятельство, что именно балтийцы были тем фактором, которые если и не привели Гиммлера к решению вопроса, то, во всяком случае, подготовили для этого решения почву. Сам Гиммлер метал громы и молнии против балтийцев, так как еще 4-го октября 1943 года, выступая в Бреславле перед группенфюрерами, он говорил об: «этих выходцах из балтийских провинций, которые маскируются честным мундиром нашей

армии и повсюду распространяют нечестные мысли, что Россию можно победить только с помощью самих русских».²³⁾

В противоположность широко распространенному мнению, что балтийцы ненавидят русских, именно они, почти без исключения, отвергали восточную политику и выступали за честный союз с русским народом и национальной Россией. Они были противниками коммунизма, но не русского народа, с которым их связывало многое. Это относится и к участникам сопротивления фон Фрейтаг-Лорингхофену, и фон Ренне, как и к национал-социалистам Кребсеру и Бухардту и к множеству балтийских переводчиков в офицерском чине, влияние которых в занятых областях не в малой степени способствовало тому, чтобы смягчить последствия национал-социалистической политики или парализовать их. Розенберг и небольшой круг вокруг него были исключением. Утверждение, что балтийцы в сильной степени повлияли на восточную концепцию национал-социализма²⁴⁾ является поэтому совершенно неправильным обобщением.

Однако, решающий поворот в пользу Власова был достигнут не через СД, а с помощью одного лица — штандартенфюрера Гунтера Д'Алкен.

Д'Алкен принадлежал к той группе молодых немецких интеллигентов, которые уже в 1933 году видели в национал-социализме единственную силу, способную бороться с коммунизмом. Большой идеалист, он совсем еще молодым, пережил захват власти национал-социалистами — в то время Д'Алкenu было всего 23 года. Через несколько лет он был главным редактором издания Эс-Эс «Дас шварце Корпус».

В начале похода на восток он был командиром батальона военных корреспондентов и, в качестве такового, полу-

²³⁾ Ф. Бухардт, «Отношение к русскому вопросу национал-социалистического правительства», (стр. 97).

²⁴⁾ Вальтер З. Лакер: «Германия и Россия», Берлин 1965; Х. фон Римша: «Во всем виноваты балтийцы!»; Макс Х. Бем: «Альфред Розенберг — личность и проблемы»; и «Балтийские влияния на начало национал-социализма».

чал от Гиммлера полную поддержку. Впоследствии этот батальон был увеличен до размера полка и получил имя Эс-Эс-стандарта «Курт Эггерс». Журналисты и пропагандисты различных национальностей служили и работали в нем.

Д'Алкен стал самым молодым штандартфюрером войск Эс-Эс — ему было 34 года. Как он, так и его сотрудники, работали, но в то же время наблюдали и думали. Они не были кадровыми военными и это было решающим для появления у них весьма критических настроений. Масштабы Гитлеровских амбиций стали им ясны гораздо раньше чем многим другим и они считали себя вправе критиковать бездарность и коррупцию партийных сатрапов. Когда фон Гроте посетил однажды полк, по служебному делу, то был удивлен тем беспощадным отношением к «золотым фазанам», которое он в нем встретил. («Золотой фазан» — прозвище партийных работников за их желто-коричневую форму).

Фон Гроте сперва подумал, что его провоцируют, но потом он убедился, что эти люди хотели «лучшего» национал-социализма, среди них все больше укреплялась мысль: дайте нам только вернуться домой!

Для Д'Алкена имело большое психологическое влияние и многочисленные допросы военнопленных, близкие контакты с русскими в занятых областях, разговоры с командирами войск Эс-Эс, которые понимали роковую преступность официальной политики — все это способствовало тому, что перед ним открылись новые горизонты.

Не малое впечатление оказывали на него высказывания окружающих. Уже в 1941 году, фюрер одного из корпусов Эс-Эс, Биттрих, заявил: «то, что размазывает здесь Хейнрих, это все ерунда! Если мы здесь не переучимся, как следует — будет плохо». Генералы Клюгер, Хауссер и Штейнер тоже не молчали. Штейнер назвал Гиммлера дураком в присутствии 15 высших офицеров. В июне 1943 года граф фон Шуленберг сказал Штейнеру: «Мы должны будем ухлопать Гитлера, прежде, чем он окончательно погубит Германию» — и Штейнер ничего ему не возразил и не донес на него.

Все эти офицеры не испытывали никакого уважения к Гиммлеру, но и не имели на него никакого влияния. Поэтому Д'Алкен, о котором было известно, что Гиммлер к нему благоволил, стал человеком, которому они доверяли свои заботы и опасения. Он начал представлять Гиммлеру доклады, в которых утверждалось, что многое на местах обстоит совершенно иначе, чем это представляет себе высшее руководство. В этом отношении Д'Алкен мог позволить себе больше, чем другие, потому что Гиммлер не только питал к нему симпатию, но и хвастался его докладами перед Гитлером. Д'Алкен использовал это.

В июне 1943 года, примерно в то время, когда Гитлер запретил армии всякое политическое использование Власова и Освободительного Движения, Д'Алкен, ничего об этом не знавший, решился сказать Гиммлеру о чем думают руководители Эс-Эс, что он узнал на собственном опыте и что, по существу, сводилось к тому, что восточная политика неизбежно толкает русских в объятия большевизма и победа Германии в этой войне могла быть достигнута только радикальной переменой этой политики. Гиммлер, в ответ на это, резко запретил критику установок национал-социализма.

В ноябре 1943 года Д'Алкен начал, в районе расположения войск генерала Штейнера, крупную пропагандную акцию, названную «Зимняя сказка». Он провел тысячи допросов, вывел из них заключение и снова в докладе Гиммлеру подчеркнул насколько отрицательно действуют на русских колониальные планы Гитлера. Д'Алкен решительно настаивал, что успех военных операций возможен только при изменении политики на востоке и привлечении Власова и Освободительного движения. Другого пути он не видел.

На этот раз Гиммлер отнесся к этому докладу не так отрицательно, как раньше, но имени Власова он не хотел слышать. В остальном, он, к удивлению, предоставил Д'Алкenu свободу действий. Пусть он найдет себе других генералов.

Д'Алкен сразу же поехал в Берлин к фон Гроде сооб-

шить о новом положении дел и просил назвать других лиц, кроме Власова, которые могли бы принять участие в его акции. Большого в данный момент сделать нельзя.

Гроте предложил Зыкова и Жиленкова, предупредив, что Зыков — выдающийся человек, но находится под явным наблюдением Гестапо, поскольку подозревают, что он еврей, а кроме того он марксист.

Д'Алкену это не казалось страшным — для него решающими были деловые качества человека. Уже на следующий день, в квартире Д'Алкена, на Ванзее, состоялась беседа, в которой приняли участие Зыков, Жиленков, Штрикфельдт и фон Деллингхаузен.

Зыков сразу подчеркнул, что он — русский националист, резко раскритиковал совершенные немцами ошибки и поставил условием, своего участия в акции, полную самостоятельность при выработке пропагандных мер.

Д'Алкен ответил, что он знает сколько возможностей было упущено до сих пор, знает, как обращались с русскими. Он не может обещать — удастся ли ему добиться решительного изменения в этом вопросе, но он дает слово, что честно постарается сделать все, чтобы изменить существующее положение и считает, что предстоящая акция дает для этого все возможности.

Русские, на которых произвела впечатление откровенность Д'Алкена, после переговоров с Власовым, дали согласие. Нужно было сделать еще одну попытку — может быть Эс-Эс добьется того, чего не могла добиться армия.

Акция должна была начаться через день. Но вдруг произошел случай, ясно показывающий, насколько бесправны были даже те русские, которые находились под защитой армии и к каким средствам одно фашистское учреждение прибегало против другого. Когда Д'Алкен собрался уезжать со своей группой, выяснилось, что не хватает Зыкова. Накануне вечером он бесследно исчез.

Зыков был на подозрении не только у Гестапо. У него были

враги и в Дабендорфе. Опасались, что его политическая установка — он был марксистом, хотя и был против Сталина — могла повредить движению. Власова неоднократно просили его удалить. Власов отказался — он не разделял политические взгляды Зыкова, но ценил его выдающийся ум и патриотизм.

Зыков был глубоко разочарован немцами и не скрывал этого. Дело часто доходило до споров. В особенности он восставал против того, что даже упоминание о национальной России было под запретом. Дело заходило настолько, что например, в статье по поводу годовщины смерти Пушкина не было разрешено ни разу упомянуть слово «Россия».

Зыков жил с женой в Кальберге, в 30 километрах от Берлина. Их маленькая квартирка была оазисом духовной жизни. У них часто собирались друзья, велись литературные и политические споры, читались литературные произведения.

За день до отъезда у него был его адъютант и ближайший помощник, Ножин. Когда они сидели за ужином, Зыкова вызвали к телефону, который находился в нескольких метрах в булочной. Ножин отправился с ним, и оба не вернулись.

В 5 часов утра жена Зыкова вызвала по телефону ротмистра фон Деллингхаузена, который сразу же обратился в Гестапо. Но там явно не торопились — нет бензина, поэтому в течение дня кто-нибудь поедет посздом в Кальберг. Деллингхаузен сам, на своем автомобиле, заехал за сотрудником Гестапо и повез его на место происшествия. Расследование дало очень мало. Жители видели Зыкова и Ножина, возбужденно разговаривающих с тремя мужчинами, после чего все сели в автомобиль и уехали.

Поиски Зыкова не принесли никаких результатов. Он исчез. Несколько месяцев спустя один из гестаповцев наметнул Деллингхаузену, что Гестапо было замешано в это дело. Куда отвезли Зыкова и Ножина и как они кончили свою жизнь — осталось невыясненным.

Д'Алкен вынужден был ехать на фронт без Зыкова. Руководство русской группой принял Жиленков.

Акция началась в конце июня, под названием «Скорпион — Ост». Д'Алкен распределил своих сотрудников по дивизиям. Его штаб-квартира находилась в Сумны Воды, недалеко от Львова. Линия пропаганды была выработана, в основном, Жиленковым, но когда Д'Алкен предложил, чтобы он встал во главе движения, Жиленков отклонил это предложение, сославшись на то, что, как бывший партийный работник ВКПб, он не имеет той притягательной силы, как Власов.

Когда 11-го июля началась летнее советское наступление против немецкой Южной Армии, которая сразу вынуждена была отступить, к Д'Алкenu пришел ночью один из его сотрудников, Крец, умоляя его лететь к Гиммлеру и настоятельно объяснить ему, что теперь успех немцев зависит только от честного договора с Власовым и его немедленного выступления — все иное приведет немцев к гибели.²⁵⁾

Д'Алкен, которого обуревали те же мысли, решил, не раздумывая, лететь к Гиммлеру, который в это время находился в Зальцбурге.

Гиммлер принял его сухо. Только на следующий день, по дороге в Восточную Пруссию, у него нашлось время для разговора с Д'Алкеном, который с беспощадной откровенностью описал положение дел.

Больше часа Д'Алкен пытался переубедить Гиммлера. Было очевидно, что Рейхсфюрер Эс-Эс не хочет выдвигать Власова, из-за установки Гитлера и вследствие своего собственного пренебрежительного отношения к нему. Наконец он уступил. «Я знаю вас давно», — сказал он Д'Алкenu в конце разговора — «Я не подозреваю вас в руссофильстве, как этих балтийцев и некоторых армейских типов. Установите, Бог с вами, контакт с Власовым и доложите мне».

В тот же вечер Д'Алкен вылетел на фронт, захватил Жиленкова и 15-го июля вернулся в Берлин.

²⁵⁾ Роберт Крец, письмо к автору.

Через сутки он разговаривал с Власовым. Власов был сдержан, но говорил откровенно и с большим достоинством, которое imponировало Д'Алкену — Власов сказал, что потерял уже надежду встретится с разумным немцем на руководящем посту, но если Гиммлер действительно может и хочет помочь в создании Русской Освободительной армии, то может быть сейчас еще может произойти решающий поворот.

Власов потребовал передачи всех добровольческих частей под его командование, подчинение ему всех национальных комитетов, изменение положения военнопленных и «остарбайтеров», под его контролем и создание политического и идеологического русского Центра, который сможет провозгласить о планах и целях Освободительного Движения всему миру.

На Д'Алкана Власов и его слова произвели впечатление. Он обещал ему сделать, со своей стороны, все возможное.

17 июля Д'Алкен сделал Гиммлеру подробный доклад. Гиммлер сказал, что он уже переговаривал по этому вопросу с Гитлером и ожидает Власова 21-го июля в своей главной квартире, при чем тут же добавил, что думает произвести Власова в маршалы. Д'Алкен, не решаясь сказать, что Власов не примет это производство, нашел доводы, что с пропагандной точки зрения было бы неблагоприятно дать повышение Власову с немецкой стороны — эти доводы убедили Гиммлера. Тем не менее самая его мысль доказывает насколько он не понимал сущности всего дела и его значения.

Вернувшись в Берлин, Д'Алкен уведомил Власова о разговоре с Гиммлером и попросил его быть готовым к встрече 21-го июля.

Власов убедился, что Д'Алкен поступает решительно и честно. Несмотря на нестерпимое чувство унижения, которое он испытывал при одной мысли о встрече с Гиммлером — он согласен был с ним разговаривать. Если Гиммлер действительно может помочь в создании РОА и Освободитель-

ного движения — то значит, думая о спасении России — эту помощь надо принять.

Только объединение всех национальных русских сил в мощное Освободительное движение и создание русской освободительной армии могло доказать миру, что это действуют не изменники родины, а политические борцы против советского правительства, никогда не бывшего законно избранным русским народом.

С лихорадочной быстротой начали подготавливать материалы для разговора с Гиммлером, как внезапно, накануне этого дня, пришла телеграмма, в которой встреча откладывалась, с тем, что в ближайшие дни, будет сообщен новый срок.

В тот же вечер стало известно о неудавшемся покушении на Гитлера. Стало известно, что в заговоре принимали участие генерал Вагнер, фон Штауфенберг, Шмидт фон Алтенштадт, фон Ренне, фон Тресков и фон Фрейтаг-Лорингхофен — все большие друзья Власова и его идеи. У многих возникли опасения, что Гестапо воспользуется случаем и обвинит и Власова и его сотрудников в связи с заговорщиками. Эти опасения не оправдались. Наоборот, руководитель Главного Управления Эс-Эс, обергруппенфюрер Бергер, пригласил Власова к себе на ужин.

С правдом 20-го июля все надежды на свержение Гитлера потеряли почву. Теперь армия становилась бессильной. Оставался только Гиммлер, который, под гнетом обстоятельств, казалось был готов сделать то, что не удалось армии. С такими мыслями Власов отправился к Бергеру.

Случайно в тот же день к Бергеру, по служебным делам, прилетел из Дании, оберфюрер Эдхард Крегер. По окончании делового разговора, Бергер спросил его не может ли он быть вечером переводчиком при разговоре с Власовым, так как армейским переводчиком Бергер не доверяет Крегер сразу же согласился, тем более, что уже в начале восточного похода он считал, что для победы над Советским Сою-

зом есть только один путь — совместно с русским народом идти против Сталина.

Вечером Бергер передал Власову, как подарок, книгу «Цусима» Франка Тиса, не отдавая себе, видимо, отчета в бестактности этого поступка. Власов поблагодарил и коварно ответил, что Цусимский бой был, несомненно, неблагоприятным сражением для России, но он пьет за то, чтобы будущие сражения немецких войск были бы более благоприятны для Германии, чем бой за Цусиму для России. Затем Власов сказал Бергеру, что он готов к серьезной борьбе против сталинской власти, но ни в коем случае не позволит больше пользоваться его именем, только как пропагандной фигурой.

Власов произвел на Бергера большое впечатление, а Крегер настоятельно советовал ему сделать Гиммлеру положительный доклад и сделать все, что бы помочь организации русской армии. На тот случай, если Гиммлер согласится, он просил передать ему организационную часть этого дела.

На следующее утро Бергер доложил Гиммлеру о своем впечатлении от встречи с Власовым и получил распоряжение приступить к организации новой акции, поручив ее руководство Крегеру, который больше не вернулся в Копенгаген, а сразу же принялся за подбор людей для своего штаба.

Крегер настаивал, чтобы Бергер просил Гиммлера поскорей принять Власова, с тем чтобы на этой встрече были оформлены обязующие обе стороны соглашения. В том же духе старался и Шелленберг.

Известие о новых возможностях Власова удивительно быстро разнеслось по Берлину и теперь представители разных славянских народов, в первую очередь болгары, чехи и сербы, искали с ним встречи. Хотя все они были против национал-социализма, но в то же время были заинтересованы и в падении Сталина, от которого не ждали ничего хорошего, в случае его победы.

Как раз в это же время, финский маршал Маннергейм, полуофициально сообщил, через одного из своих генералов,

что предполагаемый сепаратный мир с Советским Союзом является следствием его разочарования в германской восточной политике. Он хотя и финский патриот, но, как бывший русский гвардейский офицер, связан с русским народом. Свое окончательное решение он ставит в зависимость от того, примет ли хоть, теперь германское правительство радикальное изменение своей восточной политики.

Это заявление Маннергейма имело очень большое значение для решения вопроса о создании Освободительного движения — Гиммлер серьезно задумался над словами Маннергейма.

В начале сентября 1944 года, из Франции вернулся Жиленков, ездивший туда, чтобы выяснить судьбу добровольческих частей, втянутых в водоворот немецкого отступления, под натиском англо-американских сил.

Нельзя было установить, как велики потери. Американцы сообщили о 20-ти тысячах русских военнопленных. Перебежчиков к американцам быть не могло, так как чеумелая пропаганда союзников, обещавшая перебежчикам немедленную отправку на родину — то есть, как раз то, чего они больше всего боялись — должна была больше всего этому препятствовать.

ДОГОВОР С ДЬЯВОЛОМ

9-го сентября последовала давно ожидавшееся сообщение — Гиммлер назначил встречу с Власовым на 16-ое сентября.

15-го сентября в 20 часов Власов выехал из Берлина со Штеттинского вокзала обыкновенным курьерским поездом. Его сопровождали Д'Алкен, Штрикфельдт и Элих, руководитель внутренней разведки 111 Отдела. В Познани к ним присоединился Крегер, вызванный из своего краткосрочного отпуска.

По дороге Д'Алкен еще раз обсудил с Власовым главные пункты разговора с Гиммлером. Он указал, что после 20-го июля Гиммлер стал главнокомандующим запасной армией и, благодаря этому, имеет полную власть и право организации новых войск в большом масштабе, и что он теперь имеет достаточный авторитет, чтобы добиться коренного изменения восточной политики. Д'Алкен посоветовал Власову указать на совершенные до сих пор ошибки, на упущенные возможности, и сделать конкретные предложения на ближайшее будущее. Он был заинтересован также и в том, чтобы Власов, которого он описывал Гиммлеру, как выдающуюся личность, произвел на Гиммлера впечатление. Он был убежден, что успех этой встречи повлечет за собой исторический поворот, который решающим образом повлияет на исход войны.

Власов явно чувствовал искренность Д'Алкена и считал его союзником в предстоящей борьбе.

В 9 часов утра они прибыли в главную квартиру Гиммлера. В 10 часов начались переговоры. Штрикфельдт, по желанию Гиммлера, не принимал в них участия. Он считался руссофилом и ненадежным в националсоциалистическом смысле. Присутствовали: Власов, Д'Алкен, Элих и Крегер, бывший переводчиком.

Гиммлер начал разговор с заявления: он осведомлен о прошлом, деятельности и планах Власова. Он сожалеет, что это совещание происходит так поздно, но не думает, что оно слишком запоздало. Подобные решения требуют времени для проверки. Он знает ошибки, совершенные с немецкой стороны и просит Власова говорить откровенно. Власов должен понять, что встреча была отложена в результате затруднений, которые возникли в связи с 20-ым июлем.

Власов ответил, что он все понимает и считает, что встреча между ним и Гиммлером, самым сильным человеком в германском военном руководстве и русским генералом, первым разбившим в этой войне немецкую армию — сама по себе символична. Он кратко объяснил, почему, любя свою родину, он является противником Сталина. Несмотря на все

военные успехи за последнее время, большевистская система обречена на гибель, если будет поражена в самое слабое место. Для этого требуется создание русского Освободительного движения, которое могло бы выступить совместно с немцами, на основе абсолютного равноправия. Он будет рад узнать принципиальную установку Гиммлера по этому вопросу, в особенности его оценку труда «Дер Унтерменши».

Гиммлер ловко увернулся от ответа. Обе стороны должны остерегаться обобщений.

В брошюре дан тип нового советского человека, которого хотят создать большевики и который угрожает России, так же как и Германии. Что под этим не подразумевается весь русский народ, доказывает это совещание. Унтерменши имеются в любом народе, но только в Советском Союзе они стоят у власти, в то время, как в Германии — они сидят в концлагерях.

В дальнейшем разговоре, Власов, между прочим, сказал, что если бы Германия не начала войну в 1941 году, то Сталин в начале 1942 года предпринял бы наступление на юго-восток Европы, в направлении Румынии, Болгарии, Дарданелл. Основой этого плана была ленинская доктрина о капиталистических войнах. Согласно ее, Советский Союз, должен был напасть на ту страну которая в этой войне имела перевес. Такой страной была Германия. Сталин не ожидал нападения со стороны Гитлера. Оно обрушилось на страну, в момент крупной перегруппировки советских войск. Этим, отчасти, объясняются первоначальные успехи немцев. Отдавая должное замечательным боевым качествам немецких солдат, он должен все таки сказать, что война, так как она велась немцами, не могла быть выиграна. Советский Союз нельзя победить только оружием, его можно легко разгромить политическими целями. Сталин как раз больше всего опасался, что немцы применяют именно эти средства. Он совершенно явно выразил свое удивление и удовлетворение тем, что немцы не использовали самое страшное оружие, которое было в их руках. Если бы немцы пришли не как за-

восватори, а как освобоодителн, то сталннская власть была бы давно свергнута. Но он убежден, что еше н сегодня можно мобнлнзовать русскнй народ протнв Стална, еслн вместо немцев, в освобооднтельную пропаганду которнх нкто больше не вернт, вперед пойдет русская армня, с целью освобоодення Росснн от большевнзма.

Поэтому — неотложная органнзация такой армнн — его самое спешное требованне.

Вестн эту армню вперед — он нмеет право, потому, что он не какой нбудь нзнвестный эмнгрант, нчего за собой не нмеющнй, а однн из генералов Красной армнн, однн из спаснтелей Москвы, нмя которого знает каодый солдат н каодый офнцер. Он не перебежал к немцам, а попал з плен, в безвыходном положеннн. Убежденный в том, что сталннское правленне — несчастье для Росснн, он заявил о своей готовннстн, вместе с немцами, свергнуть это правленне.

Он твердо продолоает счнтать, что освобооденне Росснн означае так же спасенне Германнн.

Не сморгнув н глазом, Гнммлер выслушал вешн, которне раннше вызвали бы у него взрыв возмущення. Ссылка Власова на его победу под Москвой, на полнтнческне ошнбкн немцев, на невозможность победнт военннми срдствами Россню, н, наконец, утвероженне, что только освобооденне Росснн от сталннской власти может еше спасти Германню, — были утвероженннми, которнх нкто еше не осмелнвался говорнт Гнммлеру в такой резкой форме. Все, что Власов сказал могло служнт доказательством его уверенннстн в своих силах н его внутренней самостоятельннстн. Насколько песснмнстнчно должен был Гнммлер оценнвать в этот момент положение Германнн, еслн он без возраоженнй выслушал этн заявленнн!

Вместо этого Гнммлер спроснл Власова, как он оценнвает военное положение Советского Союза.

Власов объясннл, что советскнй строй, как всякая другая заостеневшая система, нмеет много слабостей н очень чувствнтельна к непредвнденным событннм. Выступленне на

фронте русских национальных сил в этот момент Сталин не ожидает. В Германии имеется свыше миллиона русских, которых можно поставить под ружье. Если объединить только все добровольческие части и, одновременно, заключить союз, на основе равноправия, между германским и временным национальным русским правительством — это может означать поворот.

Гиммлер указал на трудность вооружения, особенно тяжелыми орудиями, а так же на последствия отрыва с фронта уже сражавшихся русских частей, поскольку у немцев не хватает своих сил. Однако, он обещал создание одного корпуса немедленно, а затем и следующих частей. Он говорил уже с Гитлером и Йоделем. Власов может считать себя главнокомандующим русской Освободительной армией, у него есть право назначать офицеров до чина полковника, по собственному усмотрению. Для назначения на высшие посты он должен представить свои кандидатуры армейскому управлению.

У Власова имелись очень точные данные о составе русских добровольческих частей и он еще раз настаивал на выводе их всех из немецких соединений и передачу под его командование. Только таким образом можно добиться успеха. Кроме того, он потребовал передачу всех опекаемых Розенбергом сепаратистских группировок в его ведение. Об окончательном устройстве России, после войны, решат ее народы, а поддержка сепаратистских тенденций немцами дает Сталину большие преимущества в политической борьбе.

Для решения всех вопросов организации Русской армии должно быть одно авторитетное немецкое учреждение, которое могло бы быстро и оперативно принимать решения.

Затем вопрос коснулся русских рабочих в Германии, в которых Власов видел большой резерв сил для армии. Гиммлер высказал опасения, что эти рабочие не могут быть освобождены от работы, без того чтобы оборонная промышленность не понесла ущерба. Он признает, что, к сожалению, они все еще находятся в очень плохих условиях и по-

ка вопрос об их освобождении от труда будет решаться. Власову будет предоставлено право улучшения их жизненных условий, увеличения пайка, снятия значков «Ост» и многое другое. Гиммлер закончил разговор заверением, что он не видит затруднений все затронутые вопросы решить в скором времени.

Гиммлер утвердил Крегера, как политического уполномоченного, в ведении которого будет координация всех вопросов. В отношении всех хозяйственных вопросов Крегер будет связан с главным управлением Эс-Эс. Все вопросы, связанные с идеологическими основами ведения войны, будут вестись совместно с Д'Алкиным.

После встречи с Власовым, Гиммлер имел короткий разговор с Д'Алкиным и Элихом. Он явно был под впечатлением и признался, что Власов — крупная личность. Но все таки он русский и нужно смотреть в оба. Он просил Д'Алкена именно об этом и тот должен немедленно доложить ему о всяком неожиданном повороте дела.²⁶⁾

После встречи с Гиммлером, Власов был настроен оптимистически, так же как и все его сотрудники, тем более, что немцы, которым была поручена организация русской армии, сразу же энергично приступили к делу.

К сожалению, из строя вышел Д'Алкен, который в начале ноября 1944 года тужело заболел и приступил к исполнению своих обязанностей только в феврале следующего года. Этой болезнью была парализована большая энергия человека, который имел большое влияние на Гиммлера и с искренним энтузиазмом относился к делу.

Оглядываясь назад, оптимизм Д'Алкена не трудно понять — в то время производство оружия в Германии шло

²⁶ О встрече Власова с Гиммлером Д'Алкен писал уже в 1947 году, так как он придавал этой встрече большое значение и ожидал от нее решительного поворота военных действий, по его воспоминаниям, по всей вероятности, точны. Его данные подтверждаются во всех пунктах Э. Крегером и Х. Элихом, в их письмах к автору.

ночным ходом. На основании своего знания психологической ситуации на советской стороне, Д'Алкен был уверен, что можно ожидать решительных изменений на фронте, после вступления в действие большой армии под командой Власова. Но если бы даже он и не заболел, то все равно, при существовавшем положении, даже он не мог бы помочь принятию действительно радикальных мер.

Приступив к работе, Бухардт добился организации связного штаба с Власовым, в котором принимали участие все учреждения, связанные с организацией русской армии. Вновь образованный штаб — «Зондеркомmando Ост» — занимал самостоятельное положение и был близко связан с штабом Крегера. Руководство «Зондеркомmando Ост» было поручено Бухардту, несмотря на то, что Шелленберг и Олендорф претендовали на этот пост.²⁷⁾

Назначение Бухардта имело большое значение для окружения Власова, потому что, чем больше затягивалось дело организации армии, русские начинали думать, что и на этот раз Гиммлер ведет нечестную игру — это вызывало все более резкую антинемецкую критику. Бухардт, зная о ней — ее покрывал и о ней умалчивал.

С другой стороны, совместная работа между Бухардтом и Крегером, давними друзьями, смотревшими на восточную политику Третьего Райха с одинаковой точки зрения — протекала так гладко, как это никогда нельзя было бы ждать при назначении на этот пост другого человека.

Крегер всеми силами старался, как можно скорей, и как можно лучше наладить организацию, но его положение было весьма трудным. Долгое время, несмотря на данные Гиммлером обещание, невозможно было добиться принципиальных решений, чего Власов не мог понять. Крегеру вменялось часто в вину многое в чем он фактически не был виноват. По складу своего характера и своим понятиям военной этики, Крегер не мог рассказать Власову о всех своих за-

27) Ф. Бухардт, письмо к автору.

труднениях, с которыми он постоянно встречался в немецких учреждениях. Только в самые последние дни, Власов по-нял Крегера и вполне убедился в его честности.

Фактически, несмотря на согласие Гиммлера — никто не знал насколько об этом осведомлен Гитлер и как скоро произойдет коренное изменение восточной политики. Следствием этого была общая неуверенность, которая так затрудняла Крегеру работу. Кроме того, начался все возрастающий хаос в нацистском руководстве. Один начальник отменял приказы другого. Наблюдалась и глубокая апатия военной и гражданской бюрократии, неспособной справиться с вещами, которые не укладывались в привычную схему.

В восточной Пруссии Кох запретил какое либо упоминание о Власове и его армии и требовал разоружения всех добровольческих частей, находящихся на территории Пруссии.

Розенберг, все еще державшийся за свою политику разделения России и считавший, что только ему может быть изведомствована акция Власова, вызвал к себе Крегера и, упрекнув его во вмешательстве не в свою область, пожаловался на него Гиммлеру и Борманну.

Насколько несерьезна была перемена отношения Гиммлера к делу Власова, показывает его досада, с которой он реагировал на жалобу Розенберга. Вызвав Бухардта, он заявил:

— «Если дело Власова с самого начала причиняет столько неприятностей, то брошу к черту всю эту затею».²⁸⁾

Крегер добился от Гиммлера того, что организующаяся армия Власова будет снабжаться всем необходимым немецкой армией, а не Эс-Эс, правильно понимая, что в политическом и пропагандном отношении для Освободительного Движения Эс-Эс будет не только не полезен, а вреден.

То, что Гиммлер согласился с этим — было более, чем удивительно, так как он, как и все руководящие нацисты, после 20 июля, больше чем когда либо, не доверяли армии

²⁸⁾ Ф. Бухардт, письмо к автору.

— «У армии не было доброй воли» — заявил Гиммлер 3 го августа на собрании гауляйтеров в Познани.

Для того чтобы согласовать целый ряд вопросов, Гиммлер вызвал к себе генерала Кестринга. У Гиммлера не было никакого понятия о численности добровольцев и когда Кестринг сказал, что их не менее 800-900 тысяч человек, он был ошеломлен. «Это же страшно!» — воскликнул Гиммлер. Вместо того чтобы видеть в этом готовность русских, вместе с немцами, бороться с большевиками — Гиммлер испугался.

Чтобы убедиться точно, насколько Гитлер вообще был в курсе этого дела, Кестринг предложил передать все, рас-сеянные по немецким соединениям, добровольческие части Власову.

Реакция была более чем показательной: Йодль заявил, что он и не подумает собственными руками организовывать своих же палачей. Кейтель сказал, что он не пошевелит и пальцем для Власова, за которого его уже не раз ругал Гитлер.

С таким невежеством и полным непониманием значения Освободительной Русской армии — говорили в момент, когда война еще могла закончиться для Германии не так, как это произошло на самом деле!

В Дабендорфе, где после встречи Власова с Гиммлером, еще верили в то, что немцы, наконец то, поняли в чем их спасение, началась организация Комитета Освобождения Народов России — КОНР.

Сперва были основаны четыре главных отдела:

Организационный — под руководством Малышкина,

Гражданский — в ведении которого должны были быть все вопросы связанные с военнопленными и русскими, работавшими в Германии — под руководством генерала Закутного,

Пропагандный — под руководством Жиленкова и

Главный Штаб вооруженных сил КОНРа — под руководством Трухина и его заместителя Боярского.

Для первых дивизий и офицерской школы были назначены офицеры.

Как политическая основа Движения был намечен Манифест, в котором должны были быть объявлены цели Освободительного Движения. Манифест должен был быть провозглашен в Праге, так как такой акт мог состояться только на славянской земле.

Текст Манифеста составлялся с большой тщательностью. Проект был написан бывшим сотрудником Зыкова — Козальчуком, вместе с Зайцевым и Нарейкисом.

Затем текст был согласован с Власовым и его ближайшими сотрудниками и передан соответствующим немецким учреждениям. Розенберга при этом обошли.

Политическое значение было понятно всем. В тексте должно было говориться о том, что нужно было сказать, но в такой форме, которая не давала бы противникам никакого прямого повода к нападкам. Манифест, несмотря на то, что он написан в стране, где властвовала диктатура фашизма — является демократическим документом: в нем содержались демократические требования, установки и цели. К ним относились: свержение советского режима и осуществление революционных целей февраля 1917 года, преданных советской властью; заключение почетного мира с Германией, чем исключалась политика колониализма и захвата верховной власти; принятие германской вооруженной помощи на условиях, которые не затрагивали русской части и самостоятельности; обвинительный приговор всякой насильственной власти и всякого подавления других народов. Манифест был направлен только против советской власти. Национал-социализм не упоминался ни единым словом.

Гиммлер прислал проект обратно с примечанием, что он слишком длинен. Кроме того, он не находит ясной постановки в еврейском вопросе и в вопросе о западных державах.

Крегер просил Гиммлера оставить текст таким, как он есть, потому что русские должны знать, как лучше всего психологически подойти к своим людям. Власов категориче-

ски отказался внести антиеврейский параграф. Чтобы не поставить Манифест под угрозу, была, однако, выбрана формулировка, при которой была упомянута борьба не только против Сталина, но и против союзных с ним западных держав. Эта редакция была передана Гитлеру представителем министерства иностранных дел, Зонненлейтнером.

Провозглашение Манифеста в Праге было, в конце концов, разрешено, но «в малом масштабе», с тем, чтобы только обергруппенфюрер Лорец, как представитель правительства, принял участие в этой церемонии.

Тем временем, первоначальный оптимизм Власова снова сменился разочарованием, так как, практически, из обещаний Гиммлера о создании армии, пока выполнялась немного. С середины сентября начала формироваться только одна дивизия. Передача добровольческих частей — задерживалась.

Нельзя было добиться и совместной работы с представителями национальностей и передачи 162-ой турецкой дивизии, украинской дивизии и казачьего корпуса. Опираясь на Розенберга, представители национальностей отказывались подчиняться Власову. Свою установку они оправдывали тем, что борются за независимость и самостоятельность своих народов, а Власов является воплощением русского империализма.

Власов считал эту установку эгоистической и близорукой, тем более, что в Манифесте гарантировались «равенство всех народов России, право на национальное развитие, самоопределение вплоть до государственной самостоятельности», но это решение предоставлялось самим народам, только после падения советского режима.

— Сталина нельзя победить растопыренными пальцами, а только сжатым кулаком — говорил Власов.

Эта крайняя и далекая от действительности националистическая политика не разделялась массой добровольцев и оstarбайтеров. Они видели в КОНР свое естественное и самое действительное представительство. Этот взгляд выражался

в коллективных письмах КОНРу и подтверждался докладами ЭСД о настроениях оstarбайтеров.

Особые трения происходили в отношениях с западно-украинскими представителями из бывшей польской Галиции, население которое в большинстве католики, в противоположность православным восточным украинцам.

Галичане были гораздо более фанатичными националистами, чем жившие в Советском Союзе восточные украинцы. Не зная условий жизни под диктатурой большевиков и основываясь только на данных ее пропаганды, они считали, что население Советского Союза в восторге от Сталина и боялись того, что работая с Власовым не приобретут симпатий русского народа, но зато потеряют хорошие отношения со всеми не русскими народами. Это полностью отвечало взглядам Розенберга. С его поддержкой они всячески пытались мешать делу Власова.

Олендорф и Шелленберг своим влиянием пытались сгладить эти трения. С их помощью дело дошло до встречи между Власовым и одним из самых активных представителей народов Кавказа — Кедией. Однако, никакого соглашения достигнуто быть не могло, наоборот, Кедия заявил: «Сталин впереди для меня лучше чем Власов сзади» ²⁹⁾

От дальнейших встреч такого порядка, как совершенно бесплодных — Власов отказался.

В середине октября 1944 года Штрикфельдт простился с Власовым. С тех пор, как связной штаб, под начальством Крегера, начал действовать, Штрикфельдт не был больше желательным советником и сотрудником Власова. Прощание было для обоих нелегким. В течение двух лет Штрикфельдт тесно работал с Власовым и их деловые отношения давно превратились в дружеские. Покидая Власова, Штрикфельдт ясно сознавал, что Власова ожидают еще более горькие разочарования, так как он не верил в то, что обещания Гиммлера будут выполнены. Он советовал Власову, после провоз-

²⁹⁾ Э. Крeгeр, письмо к автору.

глашения Манифеста, в виде протеста против новых нечестных поступков немецкого руководства, отстранится. Такой шаг, о котором узнают все, разоблачит окончательно национал-социалистическую восточную политику. Власов не мог согласиться сразу, не подумав, с таким предложением. Переговоров со своими русскими друзьями, он отклонил предложение Штрикфельдта. Он не мог оставить тех, кто больше чем когда либо надеется на него. Кроме того, он опасался отрицательных последствий такого шага на положении русских рабочих в Германии и добровольцев.

ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ

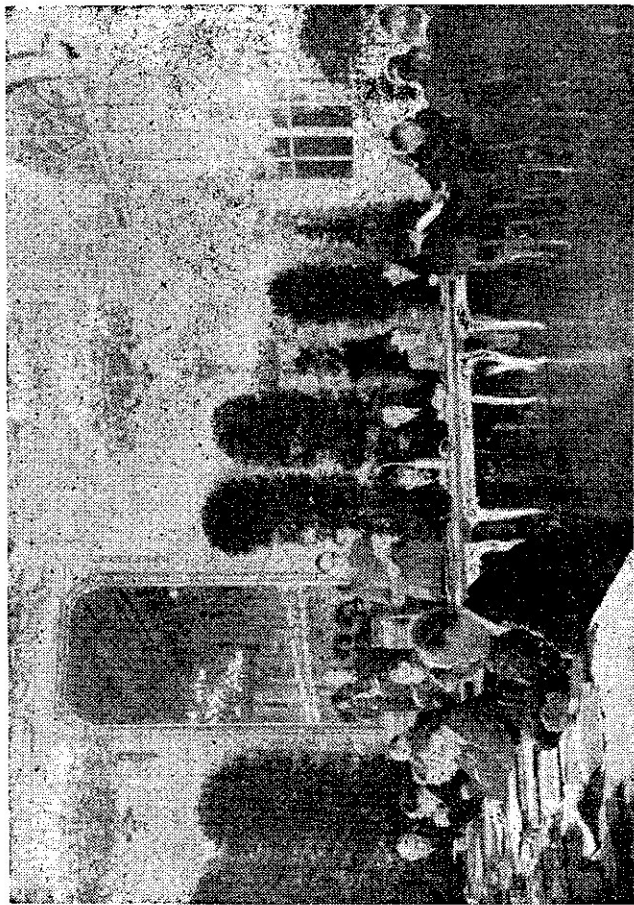
Вскоре после этого был установлен срок для провозглашения Пражского Манифеста — 14 ноября 1944 года.

Подготовка государственного акта с немецкой стороны была поручена д-ру Курцу.

С русской стороны в Прагу 11 ноября отправились полковник Меандров, майор Чекалов и Жеребков, чтобы выработать программу во всех подробностях.

Особый поезд с членами КОНРа, самыми важными сотрудниками Власова, почетными гостями и журналистами прибыл в Прагу 13 ноября в 23,00 часа. Власов и члены КОНРа переночевали в вагоне, поставленном на запасной путь. В 8 часов утра вагон был доставлен на вокзал.

Затем все пошло по церемониалу, который оказывался только при встречах главы правительства. «Унтерменши» стали, внезапно, уважаемыми союзниками. На вокзале Власова приветствовал командующий военным округом, генерал Туссен. Был выставлен почетный германский караул. Затем последовал прием у министра Франка в Чернинском дворце, обед, данный Франком небольшому кругу русских и немецких офицеров — все было хорошо организовано и производило впечатление. Для русских это было поздним триумфом.

Генерал-лейтенант А. А. Власов читает Манифест — Прага, 14 ноября 1944 года

В перерывах, в отеле Алькрон, где остановился Власов со своими приближенными, состоялась первая встреча Власова с генералом Кестрингом. Крегеру стоило немалых трудов уговорить Власова согласиться на этот разговор. Фактически Кестринг ничего не сделал против Власова, но в то время, когда тот не был официально еще признан, не принимал его. Кроме того, он был противником передачи национальных частей под команду Власова.

Эта встреча прошла без всяких последствий и очень холодно.

В 15 часов в знаменитом испанском зале Градчине состоялось торжественное провозглашение Манифеста. Присутствовали высшие офицеры армии, делегаты учреждений Рейха, представители союзных с Германией государств, а также некоторых нейтральных стран, кроме того представители Богемско-Моравского протектората и печати. Многие, всего только несколько месяцев тому назад отклонявшие всякое общение с «унтерменшами», теперь стремились попасть на это торжество и принять в нем участие.

Когда Власов в сопровождении министра Франка, и представителя правительства, Лоренц, вошел в зал, все присутствующие поднялись с мест. Акт был открыт кратким словом профессора Руднева, как старейшего члена КОНРа, передавшего затем председательствование Власову.

Франк, от имени города Праги и министерства, приветствовал Власова и членов Комитета, а от имени правительства Германии выступил Лоренц, назвавший Власова «другом и союзником в борьбе против большевизма».

Власов кратко поблагодарил всех и приступил к чтению Манифеста.

После того как им была прочтена преамбула, с критикой советского строя и обзором развития стремлений к свободе в России, он возвысил голос, чтобы провозгласить, с таким трудом завоеванную, программу Освободительного движения.

М А Н И Ф Е С Т

КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма, во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационала, во главе с кликой Сталина, мечтающей о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственными историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевания чужих земель. Под защитой демократии они понимают казильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы, после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимы жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов России право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу

убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе, сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами свои трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право творить на благо народа и пытаются насилем, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна мира не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и немущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России стоявшая бесчисленных

жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреп-

лению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных постановлений для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и представление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительно права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12 Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу

за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынуждению.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободных народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вольного Війска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в **объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков.** Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину и большевизму силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас

единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. **Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе.** Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы! Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

(Подписи):

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ; генерал лейтенант А. Власов.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА: генерал-лейтенант Ф. Абрамов; деятель Г. Алексеев; профессор С. Андреев; проф. Г. Ануфриев; генерал-лейтенант Е. Балабик; общественный деятель Шамба Балинов; проф. Ф. Богатырчук; артист С. Болховский; полковник В. Боярский; рабочий К. Гордиенко; подпоручик А. Джалалов; генерал-лейтенант Г. Жиленков; генерал-майор Д. Закутный; капитан Д. Зяблицкий; обществ. деятель Ю. Жеребков; полковник Буняченко; полковник М. Меандров; доцент А. Зайцев; проф. А. Карпинский; проф. Н. Ковалев; журналист А. Лисовский; генерал-майор В. Малышкин; фельдфебель И. Мамедов; проф. И. Москвитин; литератор Ю. Музыченко; рабочий Н. Подлазник; проф. С. Руднев; унтер-офицер Г. Саакян; доцент Е. Тензоров; генерал-майор Ф. Трухин; А. Цагол; крестьянин Х. Цымбал; капитан И. Чачух; врач Ибрагим Чулик; обществ. деятель Ф. Шлиппе; Ф. Якушевская.

КАНДИДАТЫ: поручик В. Дубовец; рабочий В. Егоров; журналист А. Казанцев; инженер П. Кумин; обществ. деятель Д. Левицкий; рабочий Я. Родный; инженер П. Семенов; проф. Л. Смирнов; проф. В. Стальмаков; проф. В. Татарinov; майор И. Тельников; солдат А. Щеглов.

(Фамилии некоторых Членов и Кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности).

Манифест заканчивался призывом к борьбе против диктатуры Сталина. В этом документе ни одним словом не был упомянут Гитлер и национал-социализм. То, что Манифест был демократическим документом не удивительно, потому что он был символом веры людей, слишком хорошо знав-

инх диктатуру Сталина. Удивительно было только то, что им удалось провести такую формулировку. Может быть, это объясняется желанием некоторых высших работников вац-соц. партии создать себе до какой то степени переставку на случай столкновения между Советским Союзом и западными державами, на которое они надеялись.

Еще более недвусмысленными были старания Власова и его сторонников в отношении того, что будет «потом». До сих пор им не разрешалось открыто провозглашать цели их Движения. До тех пор, пока Манифест не был провозглашен, неосведомленная заграница должна была считать их изменниками. Таким образом, это был акт, могущий дать Освободительному движению его историческое оправдание и доказать, что оно преследует свои собственные цели, в противоположность «квислингам» других стран, которые хотели перенять националсоциалистический строй.

После торжественного акта, Франк дал в Градлинах баккет для 50-ти приглашенных гостей. Настроение у русских было хорошее. Они достигли важного этапа. Произносились тосты, а затем Власов поднялся и помянул добрым словом своего друга Штрик Штрикфельдта, который присутствовал на акте.

Около 23 часов все отправились в клуб, где был предложен ужин всем остальным гостям.

В 2 часа ночи Власов с членами КОНР-а уехал на вокзал, где к поезду в Берлин был прицеплен особый вагон. Остальные гости покинули Прагу на следующее утро.

16-го ноября вышел первый номер нового органа КОНРа — «Воля народа», с текстом Манифеста, большим тиражом. Одновременно с этим сбрасывались листовки с текстом Манифеста над советской территорией.

17-го ноября Власов посетил школу в Дабендорфе — центр, который, несмотря на все помехи национал-социалистического руководства, дал ему возможность организации Освободительного движения.

18-го ноября в большом зале «Дома Европы» в Берли-

Прага. 14 ноября 1944 года.

не состоялся торжественный акт, на котором присутствовало полторы тысячи человек, главным образом делегации из лагерей рабочих и военнопленных. В большой речи Власов оповестил о целях Освободительного движения, и огласил Манифест.

Особенное впечатление произвела речь священника Книсилева, подчеркнувшего демократические принципы Манифеста, и выступление лейтенанта Димитриева, закончившего восклицанием: «Мы не наемники немцев и не собираемся стать ими; мы сражаемся за независимую Россию без большевизма и угнетателей!» Продолжительные овации покрыли его речь. Многие из присутствующих плакали. В речах было выражению долго подавлявшееся признание национальной свободы и вместе с тем протест против методов националсоциалистического руководства. Это были минуты надежды и подлинного ПОДЪЕМА.

В заключение был пропет гимн «Коль славен».

19-го ноября состоялся торжественный молебен о победе бойцов за освобождение в православном соборе в Берлине, отслуженный главой православной церкви за границей митрополитом Анастасием, в сослужении митрополита Берлинского и Германского, Серафима.

Затем Власов принял митрополита Анастасия в Далеми для многочасовой беседы. Власов подошел, как принято, при встрече, под благословение Владыки. Этот жест выражал его отношение к православной церкви, которую он глубоко уважал и ценил.

20-го ноября на собраниях, военнопленные и все работавшие в Германии, были осведомлены пропагандистами РОА об организации КОНРа и провозглашении Манифеста.

В последующие дни поступило 470 коллективных телеграмм различных рабочих групп и тысячи отдельных писем, в которых общей сложности 300 000 человек просили о зачислении их в РОА. Одновременно поступали денежные по-

жертвоваания, драгоценности, даже обручальные кольца на создание армии.³⁰⁾

Сотни тысяч примкнули к Освободительному движению в тот момент, когда падение Третьего Рейха уже можно было предвидеть, и оно было только вопросом времени.

Не следует, однако, называть Пражский Манифест и провозглашение КОНРа «фарсом и пустым звуком», не смотря на неискренность немецкого руководства. Для русских освобождение от сталинского режима было целью, за достижение которой они готовы были приеести любые жертвы — вплоть до собственных жизней. Они снова чувствовали себя в смертельной опасности перед все более близкой угрозой победы Сталина. У них была потребность сплотиться, как можно тесней. Теперь у них было свое представительство — КОНР, своя армия, которые могли защитить их от произвола немцев. Они верили, что западные демократии поймут политический характер их борьбы за свободу и считали, что запад стал союзником Сталина только по соображениям целесообразности в момент опасности Гитлеровского нападения. Этот союз должен рухнуть, как только падет Третий Рейх и сталинские стремления к мировой коммунистической революции станут явными.

Это доверие к западным державам может казаться сегодня наивным, но и вера многих, гораздо лучше осведомленных, представителей западных держав в «доброе дядю Джо» кажется сегодня тоже более чем наивной.

После провозглашения Манифеста ослабла мучительная напряженность Власова за последние недели — до последней минуты он опасался срыва.

Немецкой журналистике Мелите Видеман он сказал: «Теперь это произошло и никто не может этого изменить. Если

³⁰⁾ К. Кромиади, Э. Делингхаузер, Ф. Трухин, «Вооруженные силы Освободительного Движения», «Воля народа» № 2, 18. 11. 1942 года.

судьба уготовила нам смерть — мы умрем, но семена истины лежат в земле, они взойдут и дадут свои плоды». 31)

Власов непомерно устал от долгой борьбы с непониманием немцев. Ему осталось добиться создания большой русской армии, которая могла бы выполнить свою задачу — свергнуть власть Сталина.

Для того чтобы бросить РОА на фронт, в последней стадии войны, конец которой, как он предполагал, произойдет осенью 1945 года, в штабе Власова обсуждалось два плана: или прорыв фронта, к украинской повстанческой армии, или соединение с казачьим корпусом, Русским корпусом и частями Михайловича в Югославии.

После того, как в конце сентября 1944 года, благодаря вмешательству Розенберга, вожди украинских националистов Бандера и Мельник, были освобождены из заключения, генерал Власов вошел с ними в контакт и предложил сотрудничество с УПА (Українська повстанська армія). Бандера заявил, что после такого долгого заключения он не компетентен и намеревается действовать только по соглашению с «Верховным освободительным советом», образовавшимся, как политический орган на территории УПА.

Вследствие политики гнета, проводимой немцами на Украине УПА начала бороться против них, а теперь, после того, как Красная армия отвоевала Украину, продолжала сражаться и против советской власти.

Части, разбитой в июле 1944 года, под Бродами, Эс-Эс Галицийской дивизии, послужили ей подкреплением.

Германская армия начала помогать УПА оружием. Чтобы выяснить положение, командир фронтовой разведки капитан Витцель, выступавший под псевдонимом «Кири», перелез через линию фронта к УПА и установил, что она обладает значительной боевой силой.

Украинцам удалось переправить через линию фронта одного представителя «Освободительного совета». Под именем

31) Мелита Видсмак, письмо к автору.

Орлова он вел переговоры с немецким командованием. Орлов был очень самоуверен и заявил, что крупные украинские области, за исключением городов и главных путей сообщения, находятся в руках УПА, которая, между прочим, после разгрома немцев, ожидает поддержки от западных союзников.

К сотрудничеству с Власовым УПА готова была только при условии, что он признает «Освободительный Совет», как представительство будущей, независимой Украины.

Власов отклонил признание независимости и указал на пункт Манифеста, которым решалось будущее народов России. Тем не менее, серьезно обсуждалась возможность, после создания первых трех дивизий РОА, прорыва советского фронта, совместно с Казачьим Корпусом, корпусом Штейфона, Второй украинской дивизией и воздушными силами Мальцева — всего 100 тысяч человек. В этом случае предвиделась возможность перехода на сторону РОА крупных частей Красной Армии.

Когда в середине января, Красная армия дошла до Одера, этот план был отброшен, и обсуждалась только возможность бросить все силы в Югославию. Вместе с Казачьим корпусом, корпусом Штейфона и частями Драго Михайловича надо было помешать установлению в Югославии коммунистической власти Тито.

После краха Третьего Рейха надеялись на поддержку западных союзников. Никто не мог себе представить, чтобы Англия, где жил в изгнании король Петр, отдаст Югославию на произвол коммунизма.

События заключительной стадии войны помешали осуществлению и этого плана.

В Дабендорфе и Берлине, после Пражского манифеста, царил лихорадочная деятельность. Штаб-квартира Власова стала новым политическим центром, в котором, независимо от политики Третьего Рейха, а отчасти и против нее, строились планы и вырабатывались действия.

Поток посетителей не прерывался. Приходили немцы,

урские, иностранцы, из-за любопытства, симпатии или в ожидании, что создастся что-то новое, что может иметь политическое значение. Приходили журналисты, местные и иностранные, испанские дипломаты, представители Апостольской нунции. Пришел генеральный директор Дрезденского банка, профессор Мейер, предложивший Власову миллионный кредит. Приходили неофициальные представители болгар, сербов, словаков, венгров, румын, балтийских государств. Все они заявляли, что Пражский манифест — это политическая программа, которую и они могут одобрить.

Было совершенно ясно, какое отношение встретит не-большевистская Россия у всех этих народов.

Чтобы подчеркнуть внешне-политическое значение Власова, Кребер устроил поездку Жиленкову, как представителю Власова, в Пресбург, где тот должен был прочесть доклад о РОА в Немецко-словацком обществе. Это посещение стало сенсацией дня. Президент Тисо принял гостя в торжественной аудиенции. Его приглашали к себе министры, осыпали его подарками и обменивались с ним братскими славянскими поцелуями.

Официально Словакия считалась суверенной страной, фактически же она, после неудавшегося восстания в августе 1944 года находилась в полной зависимости от Райха. Тем более показательны были вопросы, задававшиеся Жиленкову, и та откровенность, с которой он отвечал на них.

На одном из приемов, устроенном для иностранных журналистов в Пресбурге задавались следующие вопросы:

— Как относится КОНР к западным державам?

Ответ: РОА будет сражаться только против советской власти. Она не считает западные державы своими противниками. Части на западном фронте еще не переданы под команду Власова.

— Как относится КОНР к еврейскому вопросу?

Ответ: КОНР будет поступать исключительно согласно требованиям русских условий жизни. В России не существует

никакого особого «еврейского вопроса», который требовал бы разрешения.

— Вследствие каких причин Жиленков, видный коммунист, перешел на сторону немцев?

Ответ: Он никогда не переходил на сторону немцев, а вместе со многими другими единомышленниками поднял борьбу против режима не-свободы в России. В качестве бывшего крупного партийного работника он знает лучше других об ошибках правления Сталина.³¹⁾

После этой поездки Гиммлер приказал Креберу прекратить внешнеполитические контакты Власова. Разрешения, на предполагавшийся в феврале 1945 года пан-славянский съезд в Пресбурге, который должен был состояться под председательством Власова, дано не было.

В то время как Власов старался ускорить создание дивизий и добиться перехода под его команду Казачьего корпуса и других боеспособных частей, среди официальных немецких органов попрежнему шла борьба. Розенберг все время старался подорвать акцию Власова. Гестапо предостерегало об опасности, что КОНР перейдет на сторону западных держав, а Тауберт, заведующий Восточным отделом в министерстве пропаганды, собрал в одном докладе возражения всех противников КОНРа: «Движение Власова по существу не считает себя связанным на жизнь и смерть с Германией. В нем проявляются сильные англофильские симпатии и возникают мысли о возможной перемене курса. Движение Власова — не национал-социалистическое. Важно также, что оно не стремится к борьбе против еврейства, что еврейский вопрос, как таковой, им вообще не признается».³²⁾

В борьбе за новую восточную концепцию победили в конце концов сторонники Власова. Розенберг был отстранен. Тем не менее, он пытался еще — за несколько месяцев до

³¹⁾ Ф. Бухардт, стр. 294; (Бухардт сопровождал Жиленкова).

³²⁾ В. Тауберт: «Деятельность в германско-советской войне», декабрь 1944, стр. 665.

разгрома — провести свои старые тезисы. Он обвинял Власова в «стремлениях к перевороту» и в «подготовке великорусской диктатуры с помощью неизвестных подставных лиц»; если КОНР заявляет, что борьба против сталинизма должна вестись под единым командованием, то «Власовский комитет делает вид, что не замечает того обстоятельства, что подобное единство может быть обеспечено только германским верховным командованием»; образование национальных отделов в КОНР он называл просто «намеренной провокацией»; Эс-Эс он упрекал в том, что они санкционировали роковой курс, не осведомив его об этом. У него самого нет никакой возможности дойти до фюрера, а если никто не покажет фюреру ясной картины, то после германской победы и назначения Власова русским правителем «наши дети через тридцать лет окажутся перед централизованной мощью» и все это потому, что «некоторые органы не смогли понять хода вещей».

Когда представителем Министерства внешних дел для связи с КОНРОм стал Хильгер, Розенберг заподозрил его в «пробольшевистских» симпатиях и не постеснялся опуститься до уровня подлого доноса, утверждая, что Хильгер дружит с одним из злейших врагов немцев, Эмилем Людвиг-Корном, которого он даже посещал в Швейцарии. «Я не верю — закончил он — что именно Хильгер тот человек, который может заниматься восточными проблемами в национал-социалистическом государстве». ³³⁾

Власов узнавал только о незначительной части этих трений между отдельными группами стоящими у власти. Он не хотел иметь никакого дела ни с Розенбергом, ни с его, как он называл, «колониальным министерством».

³³⁾ Розенберг в письме к Риббентропу, 20 января 1945 года, А. Даллин, стр. 667.

ПЕРВАЯ ДИВИЗИЯ

Если в конце концов, в сравнительно короткое время, удалось организовать две дивизии, то в значительной части Власов обязан этим энергии полковника Херре, которого Кестринг затребовал из Италии, где тот командовал 232-ой пехотной дивизией.

Херре прибыл 8 ноября в Берлин и явился в Потсдаме к Кестрингу. Он нашел его сильно постаревшим и пессимистически настроенным. И он знал, что «слишком поздно», но все же хотел сделать все возможное для создания русской армии, хотя бы для того, как он говорил, «чтобы спасти каким-нибудь образом эти силы для будущего, лежащего по ту сторону нашей победы». ³⁴⁾

Херре составил в Берлине маленький штаб, который был ему нужен, и вспомнил при этом о тех офицерах, которые были уже знакомы с русскими проблемами. Своим первым помощником он назначил майора Кейлинга, получившего незадолго до того в качестве командира русской 621-ой артиллерийской батареи Рыцарский крест.

Первая и вторая дивизии — официальное название «600-ая и 650-ая пехотные дивизии (русские)» должны были собираться на войсковом учебном поле в Мюнсिंगене и Хойберге в Рауен Альб и в Вюртемберге.

Армия предоставила однако только остатки разбитых добровольческих частей. Полноценные и зарекомендовавшие себя части были, якобы, совершенно необходимы армии. Ядро первой дивизии составили две крупные части: остатки

³⁴⁾ Х. Херре, Дневник.

³⁵⁾ О создании дивизий сравн. Херре, «Военный дневник»; В. Артемьев, командир 2-го полка первой дивизии: «Первая Власовская дивизия». Эта написанная в 1946 году и не опубликованная рукопись находится у автора.

разбитой во Франции белорусской дивизии и 5.000 человек бригады Каминского.

При включении белоруссов никаких затруднений не было. Гораздо большую проблему представляло включение частей Каминского. РОНА была составлена в свое время из крестьян, не прошедших вообще никакого военного обучения, и из солдат и офицеров Красной армии, которые после боев, в мешке у Брянска, пошли в бригаду Каминского, чтобы избежать плена. Недостаток в высшем командном составе был пополнен просто производством в высшие чины.

В борьбе против партизан ЭТОГО БЫЛО ДОСТАТОЧНО, но теперь, испытательная комиссия РОА установила, что только немногие из офицеров получили образование, соответствующее их чину. Преемник Каминского, «полковник» Белай был в Красной армии только старшим лейтенантом. По этой причине в РОА была принята только часть офицеров.

Настроение у частей Каминского было подавленным. После расстрела Каминского они видели себя преданными со всех сторон и надеялись найти защиту в РОА.

После отступления из Локотя бригада прошла длинный путь отрезвления и разочарования. Если в родной и автономной области Локоть, РОНА была более или менее самостоятельна, то в Лепеле ее люди познакомились с унижительным к ним отношением немецких управлений, с теорией об унтерменшах, с условиями в лагерях для рабочих и военнопленных. Возростали сомнения и деморализованность. Учитель из русских немцев, работавший переводчиком, застрелился, заявив перед этим, что ему стыдно быть немцем. Капитан Турлаков, тоже застрелился, познакомившись в Германии с условиями жизни в лагерях для рабочих и военнопленных.

Положение в РОНА было особенно сложным еще потому что те бойцы, которые были жителями Локотя, захватили свои семьи. Заботиться таким образом надо было больше, чем о 50.000 человек.

При таких обстоятельствах Каминский принял предло-

жение одного из высших руководителей Эс-Эс фон Готтберга — перейти в ведение ЭсЭс. Он надеялся таким путем получить лучшее снабжение для семей и лучшее вооружение и обмундирование для солдат.

Гиммлер принял Каминского, наградив его Железным Крестом первой степени и назначил его штандарт-фюрером ЭсЭс. Теперь его бригада получила новое название: «29-ая дивизия войск ЭсЭс, (русская)».

Когда летом 1944 года пришлось сдать Лембель, часть семейных отказалась идти вместе с немцами. Тем не менее отступление было начато с 15.000 солдат и 20.000 гражданских жителей.

План оставить гражданское население в Венгрии провалился, и бригада застряла в Верхней Силезии. Там Каминский получил приказ принять участие в подавлении Варшавского восстания. Он сперва отказался, так же, как и раньше, когда наотрез отказал Готтбергу сражаться против польских партизан. Он борется против большевизма, а не против поляков, заявил он. Но если ему удалось провести это с Готтенбергом, то тут пришлось уступить, после того, как Гиммлер, лично прислал ему телеграмму: «Ожидаю в этом деле вашей помощи».

Чтобы не разъединять семейных людей, были выбраны холостяки, большей частью молодые люди, и отправлены в Варшаву, как усиленный полк, в количестве 1.700 человек, под командой майора Фролова. Так как они все носили советскую форму, то их снабдили желтыми повязками на рукавах. Им было совершенно ясно предоставлено право грабить: Варшава, по приказу Гитлера, должна была быть стерта с лица земли.

Полк находился в действии с 5 по 26 августа. Каминский сам провел 10 дней в Варшаве и не только не запрещал своим людям грабежи, но даже поощрял их, так как хотел иметь какое-то обеспечение для своей части и особенно для ее семейств. Это оказалось для него роковым. Полк был отозван. После резкого разговора Каминский был арестован,

по приказу обергруппенфюрера Бах-Зелевского, в Лодзи, предан военному суду и расстрелян. Расстрел считался «тайным государственным делом» и о нем было сообщено только немногим лицам.

Никто не решался сообщить бригаде правду. Стали распространять слух, что Каминский убит польскими партизанами по дороге в Венгрию. Поскольку офицеры Каминского не удовлетворялись этим объяснением и требовали расследования смерти Каминского — им строго на строго было приказано отправиться к месту назначения их в Верхнюю Силезию. Но прибытии туда, бригада была переформирована.

Семьи, находившиеся в лагере, и большая часть семейных были распределены, как рабочие, в имения в Померании.

Ровно 5.000 человек зарегистрировались в первую Власовскую дивизию ³⁶⁾.

Штаб первой дивизии собрался 12 ноября в Мюнхенге-не. Власов назначил ее командиром полковника Сергея Кузьмича Буначенко, произведя его в генерал-майоры. Буначенко, человек лет 40, сын украинского крестьянина, сделал большую карьеру. Будучи с 1919 года членом партии, он был уже в 1939 году командиром одной из дальневосточных дивизий во Владивостоке и, последнее время, в штабе Тимошенко. В начале войны он перешел к немцам и принял командование одной из добровольных частей сперва на Восточном фронте, потом во Франции. Он был убежденным врагом сталинизма и националсоциализма; человек сильной воли, прямолинейный, резкий, иногда грубый, но знающий свое дело.

Начальником его штаба был подполковник Николаев, офицер генерального штаба Красной армии, способный, ин-

³⁶⁾ Ф. Бухардт, стр. 113, Э. Ф. Крайхальс: «Варшавское восстание», из-во Фюр Вервесен, Франкфурт 1962.

тедливентный и гибкий человек, пускавший в ход дипломатию там, где Буняченко взрывался.

Большая часть офицеров была из Дабендорфа, где уже давно велись списки подходящих офицеров во всех русских частях.

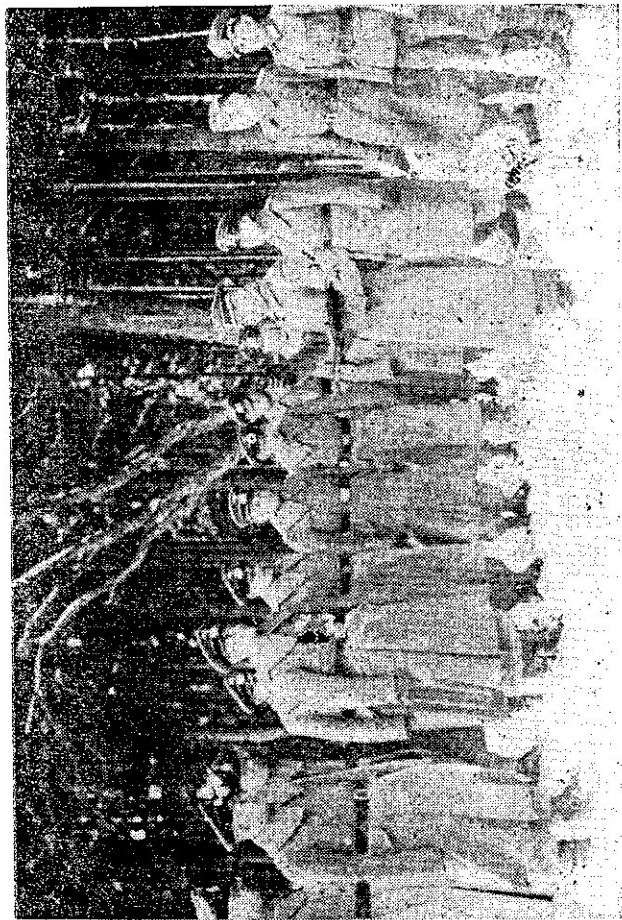
Полковыми командирами были подполковники: Архипов, Артемьев, Александров и Жуковский. Из-за командира разведки, майора Костенко, бывшего раньше в бригаде Каминского, дело дошло до разногласий между Херре, считавшего его неподходящим и Буняченко, настаивавшим на его назначении. Херре еще не привык к тому, что теперь русские были сами ответственны за РОА и он не имел больше над ними власти. Для русских же было удовлетворением, что после того, как им годами приходилось плясать по немецкой указке, возражение Херре оставалось без последствий.

В течение следующих недель Буняченко показал, на что он способен. Он ввел железную дисциплину в этой пестрой толпе, которая охотно и безропотно подчинялась.

Буняченко осыпал Херре упреками, если чтонибудь было не в порядке, если не поступало вооружение и оборудование. Он всегда подозревал, что проводочки и недостатки создаются намеренно, что ему не доверяют и в сущности хотят помешать созданию дивизии.

Херре работал до изнеможения, чтобы преодолеть все помехи. Когда, в начале февраля, дивизия была готова, а вторая дивизия формировалась уже в соседнем Хейберге, ему казалось это просто чудом. Командиром второй дивизии назначался подковник Зверев.

Зверев, сын рабочего, был способным офицером, выдвинувшимся уже во время Финской войны в дивизионные командиры. В начале второй мировой войны его дивизия была разбита, а сам он ранен. Ему удалось однако, сняв форму, снова пробиться к Красной армии. Там его сразу же арестовали, обвинили в шпионаже, и после допросов, длившихся многие месяцы, разжаловали в майоры и отпра-

Мушкетер — рота I Дивизии РОА.

визии в Среднюю Азию. Только в 1942 году его снова назначили командиром дивизии на фронт. В марте 1943 года он попал в германский плен, когда его дивизия была окружена под Харьковом.

Вместе с тысячью других офицеров он был сперва интернирован около Днепронетровска. Сразу же начались политические дискуссии о власовском движении, о котором стало известно в начале года, благодаря сброшенным листовкам. Советские офицеры могли говорить свободно только попавши в плен. Оказалось, что большинство из них приветствовало бы падение Сталина. 780 офицеров подписали петицию, в которой просили принять их в Освободительную армию. Первым подписался Зверев.

После этого группа была послана в Лимбург. Восемь офицеров отправились в Дабендорф, остальные остались в лагере.

По желанию Гимmlера, принявшего 24 января верховное командование над армией «Висла», в первых числах февраля русский противотанковый отряд РОА должен был доказать, что русские готовы сражаться.

Ни Власов, ни Буняченко не были обрадованы этим заданием. Они были заинтересованы в том, чтобы как можно скорее организовать и обучить сильную армию. Но, в конце концов, из добровольцев первой дивизии и пропагандной роты был составлен отряд, численностью в 150 человек, под командой Сахарова и Ламсдорфа, который Власов отпустил на фронт.

Отряд выступил против советского передового укрепления у Нейловина, а затем в Померании, сражался с большим мужеством и взял много пленных.

Сахаров и Ламсдорф остались вместе с прибывшим из Дании русским полком и переняли у немцев участок фронта. Противотанковый отряд вернулся в Мюнхен.

За это время Власову и КОНР удалось, несмотря на все затруднения, многого достичь. Положение русских рабочих в Германии улучшилось, в лагерях были доверенные люди

КОНРа, которые смогли улучшить условия. В начале января Гиммлер лакоически приказал: тот, кто будет огненные битъ русских, отправится в концлагеря! Но полное равноправие с немецкими рабочими было достигнуто только 1-го марта 1945 года.

Чтобы установить точное число военнопленных и «остарбейтеров», КОНР связался с заведующим статистическим отделом Главного штаба армии, полковником Пассовым. Тот назвал 6-7 миллионов остарбейтеров, но только 1,2 миллиона военнопленных, хотя общее число военнопленных и перебежчиков составляло почти 6 миллионов. Разницу в цифрах он объяснял тем, что сперва цифры были завышены, почти один миллион был принят в армию, как «хиви» и добровольцы, несколько сот тысяч были из плена освобождены, сотни тысяч убежали из лагерей, а остальные погибли в лагерях, большинство в первую же зиму.³⁷⁾

17-го января 1945 г. министерство иностранных дел подписало с КОНР-ом финансовое соглашение, по которому германский Райх предоставляет КОНРу неограниченный, и не связанный никакими условиями, беспроцентный кредит, который должен был быть уплачен после освобождения России.

Тем самым КОНР был признан с германской стороны, по международному праву, представителем Освободительного движения. Это было первым письменным договором между КОНРом и Райхом.

С германской стороны, в составлении и подписании договора, принимали участие гос. секретарь фон Стеекграхт (от министерства иностранных дел), а также фон Типпельскирх, Дорнберг и Ханке, а с русской — Власов, Малышкин, профессор Андреев — заведующий финансовым отделом КОНРа, его заместитель фон Шлиппе и Жеребков, офи-

³⁷⁾ «Борьба»: «Борьба за права остарбейтеров», ч 14, 1045, стр. 25.

чер связи КОНРа с министерством иностранных дел ³⁸⁾). Во время последовавшего банкета в отделе «Адлон» Стеенграхту было передано сообщение о новом наступлении Красной армии на Висле.

Наступление советских войск еще раз остановилось на Одере, но было уже ясно, что германская армия не продержится до осени. Тем более интенсивно Власов и его офицеры работали над созданием тех немногих дивизий, которые могли быть еще вооружены.

28-го января верховное командование над РОА было передано Власову и КОНРу. Тем самым РОА не подчинялась больше германскому командованию.

Через несколько дней после этого, главный штаб, под начальством Трухина и Боярского, был переведен в Хейберг, где вторая дивизия достигла уже назначенного числа в 15.000 человек, но еще не была полностью вооружена. Начальником штаба дивизии был назначен полковник Нерянин.

2-го февраля 1945 года, по рекомендации генерала воздушных войск Ашенбреннера, в ведении которого находилась русская воздушная часть, под командой Мальцева, Власов вместе с Мальцевым и Кребером был принят Герингом в Каринхалле.

Ашенбреннер, бывший раньше атташе воздушного флота в Москве, сделал все от него зависящее, чтобы привести русскую летную часть в боевую готовность. Теперь Геринг должен был дать разрешение на передачу ее Власову. Геринг разрешение на передачу дал без возражений.

В те же дни Кребер встретился в Берлине с Панивицем. Казачий корпус не только храбро сражался против партизан Тито, но выступил 26 декабря у Питомаки против Красной армии, разбил советское передовое укрепление и взял большое количество пленных. Кребер говорил о соединении Казачьего корпуса с РОА и переходе его под верховное ко-

³⁸⁾ Ю. Жеребков, «неопубликованное письмо».

мандование Власова. Панивиц оставался командиром корпуса. Панивиц подтвердил, что казаки хотят соединиться с РОА, а он лично ничего против не имеет.

До этого однако дело не дошло, потому что запротестовали Розенберг и Краснов, а Гиммлер еще колебался.³⁹⁾

6-го февраля штабквартира КОНРа была перенесена в Карлсбад, вследствие все более угрожающего положения. Прием в Карлсбаде не был слишком дружеским. Конрад Хеллейн, гаулейтер Судетин, резко протестовал: ни Власова, ни вообще русских в своей области он не желал видеть.

Он заявил Бухардту, что если Власов в течение нескольких часов не покинет отель «Ричмонд», «которого жаль для русских», то он выгонит его из Судетин войсками фолькштурма.⁴⁰⁾

Хотя эти угрозы никто не принял всерьез и КОНР продолжал оставаться в Карлсбаде, но подобное отношение было характерным для всех партийных учреждений.

Опасения Борманна, что Гиммлер добьется радикального изменения восточной политики, привели к тому, что в январе 1945 года он предложил Гитлеру создать в Партийной Канцелярии пост уполномоченного по восточным вопросам. Директивам этого уполномоченного должны были подчиняться все государственные и партийные учреждения. На этот пост Борманн рекомендовал ближайшего соратника Коха, Даргеля, яростного поборника политики порабощения России и противника Власова. Однако, совместными усилиями Гиммлера, Риббентропа и, в данном случае, даже Розенберга, боявшегося за судьбу своего министерства — этот план не был приведен в исполнение.

В середине февраля Херре и Буняченко добились, казалось бы, невозможного: первая дивизия была полностью вооружена и обучена.

16 го февраля, на торжественном параде, принятом ге-

³⁹⁾ Э. Крегер, письмо к автору.

⁴⁰⁾ Ф. Бухардт, стр. 304.

нералом Кестерингом, она была передана Власову. Когда Бунияченко доложил о прибытии дивизии на парад, Власов был явно взволнован. По сравнению с тем, что могло бы быть — он добился немногого, но все таки это была русская, хорошо вооруженная дивизия, находившаяся только под его командованием, которую нельзя было больше использовать в немецких интересах.

После парада все русские офицеры собрались, со своими немецкими гостями, в бараке казино. Власов выступил с речью, в которой указал на все затруднения, мешавшие до сих пор созданию Освободительной армии. Он сказал, что обо всем, что пришлось пережить русским, он и его соратники постараются забыть, во имя цели, которая стоит перед ними — свержения большевизма. Но впредь, никакие унижения и оскорбления русских допущены не будут.

Власов заключил свою речь словами: «Зная освобождения будет водружено когда-нибудь на родине, если не нами, то нашими братьями. Многие из нас не доживут до этого дня, но он придет».

В этих словах впервые прозвучал пессимизм, бушевавший русских гораздо сильнее, чем немцев, которые не могли себе представить, что западные державы выддут Сталину сотни тысяч его противников, что Румыния, Болгария, Венгрия, Чехословакия, Югославия и Польша, за свободу которой западные державы объявили войну Гитлеру, будут преданы коммунизму — но русские знали Сталина.

После того как Власов инспектировал в Хейберге вторую дивизию, он вернулся в Карлсбад, где 27 февраля произошло заседание КОНРа. Власов сообщил на нем об успехах противотанковой части и передачу первой дивизии под его команду.

После него поднялся Форостивки, бывший во время немецкой оккупации киевским городским головой, и обратился к Крегеру и остальным немцам.

«Мне нечего терять — заявил он — я кандидат в смертники. Мое имя стоит в списке тех, кто осужден советскими

Штаб Русской Освободительной Армии
— Кромияди, Власов, Фредих, Сибочов и Мельников

властями на расстрел, за сотрудничество с немцами. Поэтому я спокойно могу сказать правду. Я лично послал 45.000 наших лучших юношей и девушек на работу в Германию, из которых 60 процентов отправились добровольно, потому что я считал, что они своей работой будут служить нашему делу, борьбе против большевизма. Но что вы с ними сделали? Вы превратили их в бесправных рабов и даже теперь не хотите оказать им справедливости. Мы принимали вас, как освободителей. Вы нас обманули. Три года мы ждали, надеялись, что Ваш разум победит. Теперь уже поздно — и для вас и для нас. 41)

Крегер молчал. Он должен был нести ответственность со всеми за то, чего он лично не делал. Катастрофу, нависшую уже грозной тенью, предотвратить было нельзя.

Вскоре после этого Власов посетил летную часть Мальцева в Нейерне, которая теперь была в его ведении.

Ее численность выросла до 4 000 человек. Она состояла из истребителей, легких бомбардировщиков, зенитного полка, батальона парашютистов и учебного отдела, со школой летчиков, в Егере.

НА ОДЕРСКОМ ФРОНТЕ

Когда Власов вернулся в Карлсбад, он нашел приказ Гиммлера для первой дивизии и сразу отправился в Мюнхен.

Там царило бодрое настроение. Дивизия была полностью вооружена и снабжена всем необходимым. Солдаты верили, что они больше не игрушка в руках немцев и подчинены теперь только Власову.

Тем более возмущился Буняченко, когда 2 марта 1945

41) М. Катаев, стр. 11; Э. Крегер, письмо к автору.

года Херре принес ему приказ примкнуть к Армии «Висла», бывшей с 24 января под командой Гиммлера. Это было нарушением соглашения, предусматривавшего, что дивизия может быть использована на фронте только с согласия Власова. Положение в то время на фронте могло привести только к бессмысленному уничтожению дивизии.

Буняченко отказался выполнить приказ. Он вызвал к себе старших командиров. Возмущенно обсуждались различные планы, даже возможность силой достать оружие, вооружить вторую дивизию и отправиться к швейцарской границе, чтобы войти в связь с союзниками.

Был организован штабной батальон, вооруженный автоматами и противотанковыми средствами, чтобы обеспечить безопасность штабу.

Херре считали правды, искренним другом, но что он мог сделать против приказа Гиммлера?

Русские не знали, что именно Херре, сделавший все, что в его силах, для создания дивизии, был инициатором этого приказа. Не посоветовавшись предварительно с Власовым или Буняченко, он все время настаивал перед Кестрингом, чтобы первая дивизия была послана на фронт, потому что считал, что как только дивизия докажет свою боеспособность, это ускорит организацию других дивизий РОА. Кестринг посоветовал ему обратиться непосредственно к Гиммлеру.

Херре изложил Гиммлеру, что он стремится к успешной фронтовой операции, которая не представляла бы особой опасности составу дивизии.

Гиммлер заявил, правда, что надежность русских уже доказана успешными боями противотанковых частей, но потом согласился.

Таким образом, инициатива Херре привела к цепи драматических последствий.

Власов успокоил, наконец, своих офицеров, и поставил на вид, что отказ может повлечь за собой репрессивные меры против «остарбайтеров». Он добился того, что дивизия

пойдет не к Штеттину, а к Коттбусу. Было решено также, что дивизия пройдет до Нюрнберга походным порядком, потому что железнодорожная линия через Ульм все время подвергалась бомбардировкам.

Во время похода начались неизбежные встречи с военнопленными и «остарбайтерами», которые часто, как добровольцы, примыкали к дивизии, численность которой быстро увеличилась таким образом до 3 тысяч человек. Добровольцы насних обмундировывались и зачислялись в резервные части. Под конец, пришлось многим отказывать, чтобы не поставить дисциплину дивизии под угрозу.

19-го марта 1945 года дивизия прибыла на товарную станцию Нюрнберга, а 26 марта последние части были собраны на полигоне Либерозе.

Когда немецкий офицер связи с Буняченко, майор Швенninger, вошел в связь с штабом германской армии, он узнал, что за несколько дней до того Гиммлер ушел с поста верховного командующего.

Его приемник, генерал-полковник Хейнрихи, на котором лежала вся тяжесть предстоящего советского наступления, которое могло начаться в любой день, предложил Буняченко ликвидацию советского предмостного укрепления Эрленхоф, южнее Франкфурта на Одере, которое уже тщетно пытался взять немецкий юнкерский полк.

Буняченко опасался, что дивизии будет намерено дано невыполнимое задание. Он больше всего интересовался численностью противника и все время запрашивал, когда ожидается наступление. Его угнетала мысль, что дивизия будет бессмысленно принесена в жертву.

Власов обещал приехать в дивизию перед началом операции и настоять на ее походе на юг.

25 марта он принял в Карлсбаде Жеребкова, сообщившего ему о своих попытках связаться с западными державами.

После возвращения из Парижа, Жеребков предоставил себя в распоряжение Власова и КОНРа и был назначен руководителем Отдела связи с государственными учреждениями

ями, который подчинялся Организационному Отделу, подчиненному Малышкину. Хорошо владевший языками Жеребков, кроме того, принял на себя представительство КОНРа при Министерстве Иностранных дел и начал предпринимать попытки наладить связь с западными державами, чтобы по возможности, выяснить вопрос, что будет «затом».

Его попытки до сих пор остались без успеха. Письма, которые он послал в декабре 1944 года, через шведского военного атташе в Берлине, Густаву Нобелю и жене американского посла в Мадриде, Нормана Эрмора, урожденной русской княжне Кудашевой — остались без ответа.

Связаться с западными державами казалось Жеребкову необходимым для того, чтобы объяснить им политические цели Освободительного Движения, которое поддерживают миллионы русских людей, и избежать возможной выдачи Сталину.

В таком же смысле Жеребков писал председателю Международного Красного Креста д-ру Буркхардту, прося его о получении визы в Швейцарию, чтобы он мог лично с ним переговорить и связаться с дипломатическими представительствами западных держав в Берне.

Не получив ответа от д-ра Буркхардта, Жеребков посетил швейцарского поверенного в делах в Берлине, который сказал ему, что он не может рассчитывать на получение визы в Швейцарию, так как выдача ее антикоммунисту может неблагоприятно отозваться на дальнейших дипломатических отношениях с Советским Союзом. Он посоветовал попробовать перейти швейцарскую границу без визы и даже дал сопроводительное письмо, в котором сообщалось, что прошение о визе подано, но она еще не получена.⁴²⁾

28-го марта 1945 года состоялось последнее заседание КОНРаа. Оно прошло уже под знаком предстоящего падения Германии. Было решено оттянуть все силы РОА в райо-

⁴²⁾ Текст этого письма от 25 февраля 1945 года находится в архиве автора.

не Иннсбрука, войти в связь с Казачьим корпусом и, в зависимости от положения вещей, или сдать западным державам, или продолжать борьбу в Югославии.

На следующий день Власов поехал с Крегером в Берлин, чтобы добиться скорейшего отхода первой дивизии с фрон-та на Одере.

В Берлине находился только остаток команды КОНРа под начальством полковника Кромиади и вновь назначенного начальника разведки, подполковника Тензорова. Команда была занята эвакуацией русских семей из Вюртемберга.

31-го марта Власов принял делегацию Казачьего корпуса во главе с Кононовым и полковником Кулаковым, которым было поручено передать КОНРу и германскому правительству декларацию съезда делегатов казачьих частей.⁴³⁾

На этом съезде, состоявшемся 29 марта в Веровитнице, генерал-лейтенант фон Паньвиц был избран походным атаманом казачьих частей, а полковник Кононов — начальником штаба.

На съезде было единогласно решено всем казачьим частям перейти под команду Власова, как верховного командующего всеми войсками КОНРа, и сместить бывшее до того Казачье управление генерала Краснова, не желавшего этого перехода. Это постановление имело практическое значение только для Казачьего корпуса генерала фон Паньвица. Ясно подчеркивалось, в пику Розенбергу, что казаки составляют часть русского народа.

Постановление о переходе под команду генерала Власова не было ни в какой степени направлено против Паньвица, глубоко уважаемого всеми казаками, который должен был сохранить свой командный пост. Однако, Гиммлер дал свое согласие на этот переход только 28-го апреля.

Власов договорился с Кононовым, что тот примет командование всеми казачьими частями, при капитуляции нем-

⁴³⁾ Текст этой декларации был опубликован в «Казачьем вестнике» от 24 апреля 1945.

цев, и произвел его, с подтверждением Гудериана, в генерал-майоры.

9-го апреля Власов с Кононовым и Кребером поехали на фронт на Одере, где его принял сперва для продолжительного разговора генерал Хейнрихи. На вопрос последнего, почему он в такое время еще хочет сражаться, Власов заявил, что Гиммлеру желательна была посылка его дивизии на фронт, как предпосылка для создания дальнейших частей РОА. Вообще же, он самым позорным образом обманут немецким руководством, которое само виновато в предстоящем разгроме.

Вслед за этим Власов обсудил с генералом Буссе план операций. Местность была исключительно неблагоприятна для нападения, тем более, что из-за наводнения атака была возможна только на одном отрезке берега, шириною в сто метров. Задание можно было выполнить только при поддержке тяжелой артиллерии, чтобы вывести из строя советские позиции на восточном берегу. Но артиллерии не было, так же как и не было самолетов.

При таких условиях Власов считал операцию бессмысленной и хотел приказать дивизии отступление на юг. понадобилась вся сила убеждения Крегера, опасавшегося реакции Гиммлера, чтобы добиться согласия Власова на операцию. ⁴⁴⁾

Власов настоял на том, что перед операцией он покинет дивизию. Он хотел этим выразить свой протест и не быть на месте, если дело дойдет до конфликта с немецким верховным командующим.

Он долго совещался с глазу на глаз с Буначенко. Потом позвал к себе полковых командиров и заявил им, что операция нужна, безразлично, удастся ли она и имеет ли смысл. Отказ мог бы помешать созданию РОА.

О чем он совещался с Буначенко, — известно не было, но можно предполагать, что он приказал ему, после прова-

⁴⁴⁾ Э. Крегер, письмо к автору.

ла наступления, уйти с фронта и отправиться походом на юг. ⁴⁵⁾

11-го апреля, за день до атаки, Власов уехал в Берлин с Бергером, 12-го Власов был снова в Карлсбаде.

16-го Власов отправился в Прагу. Его сопровождал Фрелих, который должен был войти в связь с национальными чешскими группами сопротивления.

Наряду с остальными возможностями обсуждался план защищать против советских войск, так называемый, Богемский котел, совместно с не-коммунистически настроенными чехами, пока американцы не займут Богемию. Этот план исходил из предпосылки, что между Советским Союзом и западными державами неизбежно должен произойти конфликт.

Через русских эмигрантов Фрелиху удалось войти в связь с чешским генералом Клечанда, бывшим с Колчаком в Сибири во время гражданской войны и знавшего коммунистические методы по собственному опыту. Он сказал, что чехи будут приветствовать советские войска, потому что с ними вернется Бенеш. Глаза раскроются у них потом, а теперь ничего нельзя сделать. Он сам не может оставить свой пост, потому что командует подпольной армией Праги и окрестностей.

Для Власова Клечанда не видел никакого спасения. Он был в Риме, когда немцы заняли Чехословакию, и умолял западные державы спасти хотя бы 20.000 чешских офицеров, которые понадобятся им впоследствии, но те не проявили никакого интереса. И для Власова они не шевельнут и пальцем. Так же, как они тогда не верили в войну с Гитлером, так и теперь не будут верить в конфликт с Советским Союзом. Они ничему не научились. ⁴⁶⁾

17-го Власов принял в пражском отеле «Алькрон» Кромняди и Тензорова, прибывших с остатками части из Берли-

⁴⁵⁾ Хельмут Швенигер убежден, что Буняченко поступал впоследствии по приказу Власова; письмо к автору

⁴⁶⁾ С. Фрелих, письмо к автору. После захвата власти коммунистами в 1948 году Клечанда покончил с собой.

на, после того, как им удалось эвакуировать все русские семьи, находившиеся под угрозой. С ними приехал Жеребков, привезший письмо профессора Буркхардта, в котором тот сообщал, что вопрос о невыдаче представляет затруднения, так как Освободительное движение возникло с помощью Третьего Райха. Позиция для переговоров улучшилась бы, если бы Власов ходатайствовал перед Гиммлером, чтобы при окончательной катастрофе, не были бы перебиты заключенные в концлагерях. Жеребков сразу же сказал представителю Международного Красного Креста, что он ручается, что Власов сделает все возможное, чтобы добиться этого.

С Жеребковым уговорились, что он на следующий день получит все полномочия для поездки в Швейцарию. Но на следующий день Власов уехал.

Жеребков вступил в переговоры с профессорами Эйблем и Рашхофером, предложившими, чтобы Власов обратился по Пражскому радио 25 апреля, с призывом к народам всех государств, представители которых собрались в Сан-Франциско, в связи с созданием Организации Объединенных Наций. Можно было предполагать, что не только мировое общественное мнение, но и руководящие деятели, в результате советской пропаганды, не имеют никакого понятия о подлинных целях и значении Освободительного движения.

Власов должен был изложить политическую программу КОНРа и объяснить причины совместной работы с немцами. От имени миллионов русских он должен был выступить с протестом против принятия Советского Союза в ООН, как страны, где властвует террор партии Большевиков.

Жеребков просил Франка дать разрешение, но Франк не хотел взять ответственность за такой важный политический акт. Указание Жеребкова, что Гитлер уже окружен в Берлине и к нему нельзя обратиться, не могло убедить Франка. Он, однако, выдал Жеребкову удостоверение, что тому поручена важная государственная миссия, чтобы облегчить ему переход швейцарской границы.

Тем временем Власов поехал в Главный штаб, находившийся южнее Ландсберга, потому что части второй дивизии, офицерской школы и вспомогательной бригады, по распоряжению Главного Командования, были посланы походным порядком в Линц, где они должны были перейти в ведение армии Рендулича. Это направление устраивало Власова, который знал уже, что первая дивизия находится в походе на юг.

Согласно плану, 14-го апреля, в 5 часов утра, первая дивизия пошла в атаку на советское предместное укрепление «Эрленхоф».

Как предвидел Власов, батальоны остались лежать перед проволочными заграждениями, на которых разбилась атака немцев. В течение четырех часов они пытались, несмотря на фланговый огонь с противоположного берега, преодолеть препятствия, но потом Буняченко убедился, что задача невыполнима. Он просил Буссе о разрешении прекратить атаку. Ему было отказано. Позиция должна удерживаться, так как дивизия переняла этот участок фронта у немцев.

Тогда у Буняченко вспыхнуло прежнее подозрение: дивизия должна истечь кровью. Каждый час могло начаться большое наступление Жукова, означавшего полный разгром. Передача дивизии участка фронта противоречила соглашению. Наперекор указанию Буссе, Буняченко отдал приказ об отступлении на исходные позиции.

Буссе еще почью потребовал, чтобы Буняченко явился к нему с объяснением своего неподчинения приказу. Буняченко, под различными предлогами, отказался от этого и сообщил на следующее утро, что этот приказ противоречит предписаниям Власова, которому он подчинен, и с которым немедленно вступит в связь.

От Швеннингера он потребовал, чтобы тот добился от Буссе разрешения на отход на юг. Было решено двинуться на юг, и, если понадобится, силой доставать себе продовольствие.

Швеннигер добился, наконец, в штабе Девятой армии

разрешения на отход в сторону Коттбуса. Каждый час можно было ожидать советского наступления. Штаб был в сущности рад избавиться от неудобной части.

Когда Швеннингер пришел с этим разрешением к Буяченко, тот с коварной улыбкой заметил, что он не сомневался в разумности штаба, а дивизия находится уже в походе. 47)

ПОХОД ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ

Теперь Буяченко смог показать себя. С мужеством, тактическим умением и хитростью он повел первую дивизию, против желания немецкого командования, на юг.

Дивизия шла в полном боевом порядке. За первые два дня было пройдено свыше ста километров. Когда были заняты квартиры в районе Клеттвиц, она очутилась в войсковом округе генерал-фельдмаршала Шернера. 275 дивизия Шернера, узнав о прибытии в ее распоряжение русских частей, связалась немедленно с штабом и получила от него распоряжение принять первую дивизию в свое подчинение, с тем чтобы она заняла позиции, позади немецкой пехоты.

Буяченко, получив приказ от штаба 275 дивизии — потерял самообладание и накинулся на Шеннингера: он этот приказ выполнять и не думает, это очередная немецкая каглость, вмешиваться в дела частей ничего общего с ними не имеющих.

Швеннингеру удалось добиться приема у маршала. Он уже много слышал о грубости, безтактности и «верности

47) О походе первой дивизии на юг имеются два надежных источника: сохранившийся дневник Швеннингера и неопубликованный, написанный в 1946 году доклад командира второго полка, полковника В. Артемьева. В главных пунктах оба показания сходятся.

фюрера» этого самого молодого в немецкой армии генерала.

Шернер интересовался численностью и вооружением первой дивизии и тем, когда она начнет сражение. Когда Швеннинггер попытался объяснить ему политическую ситуацию положения и особое назначение дивизии — Шернер не дал ему даже договорить: — «Он не хочет, этот русский» — оборвал он — «А что будет, когда я поставлю его к стенке, за неисполнение приказа?»⁴⁸

Вернувшись в первую дивизию, Швеннинггер нашел ее уже в походе в направлении к Пейцу. Буняченко выслушал доклад, заявил, что не боится расстрела. Его собирався расстреливать и Сталин. Он попросил Швеннинггера поехать в штаб 5-го корпуса, которому он, якобы, подчинен и сообщить там, что первая дивизия подчиняется и исполняет только приказы Власова, а в данный момент идет дальше на юг.

17 апреля первая дивизия дошла до Хойерсверда, где получила новый приказ Шернера — дивизия должна вступить в военные операции в районе Козела, но Буняченко продолжал поход в прежнем направлении.

Вслед затем последовал новый приказ: «Дивизия должна прийти в Радеберг у Дрездена, чтобы погрузиться в эшалоны и следовать в Чехию».

Этому приказу Буняченко охотно подчинился, так как и сам намеривался идти в этом направлении. В Радеберг дивизия прибыла 19-го. Незадолго до того, к дивизии примкнул полк Сахарова, которому удалось уйти с фронта на Одере. Благодаря добровольцам, примкнувшим к полку во время похода, численность полка возросла до 3 тысяч человек, так что теперь дивизия насчитывала 20 тысяч.

Без сомнения, при нормальных обстоятельствах, Шернер не задумался бы применить силу к этой непокорной дивизии.

⁴⁸⁾ Шернер утверждает, что приказ относительно первой дивизии он получил от Главного командования. Ему было неизвестно, что дивизия подчинена Власову. В суматохе того времени, у него не было времени заниматься политическими проблемами. Письмо Шернера к автору.

зни. Но в данных условиях он не хотел вызывать конфликта. Так как он не видел никакой возможности образумить Буняченко, то послал 21-го апреля, адъютанта к генералу Ашенбреннеру с просьбой воздействовать на Буняченко через Власова.

Но Власов 20-го апреля перенес местопребывание КОНРа в Фюссен. Поэтому Ашенбреннер приказал сбросить с самолета письмо Буняченко, в котором он просил его выполнить приказ. Буняченко остался глух и к этому призыву.

В тот же день Ашенбреннер поехал в Фюссен, куда тем временем прибыл и Трухин с главным штабом.

Власов, Малышкин, Жиленков, Боярский, Крегер и Ашенбреннер отправились к Штрикфельду, жившему в крестьянском доме в Алигей. Теперь, когда катастрофа была уже неминуема, Власов хотел еще раз посоветоваться со своим другом.

Малышкин и Боярский считали, что лучшим выходом будет соединение с Казачьим корпусом и Михайловичем. Ашенбреннер и Штрикфельдт не верили, что какое-нибудь разрешение проблемы возможно без одобрения западных держав, и советовали немедленно начать переговоры о сдаче, с единственным условием: не быть выданными советскому командованию.

Наконец было решено оттянуть все части в район Игсбрука, чтобы, если потребуется, перевести их через Бреннер, на соединение с Казачьим корпусом. Одновременно должны быть посланы парламентарии к англичанам и американцам.

Ашенбреннер вызвал из Праги профессора Оберлендера, говорившего по-английски, которого он хотел послать к американцам. Он предложил, чтобы Штрикфельдт вместе с русским офицером также попытался бы добраться до американцев.

Штрикфельдт отдавал себе отчет в риске, но был готов оказать эту последнюю услугу своему другу.

С той же целью, несколько дней спустя, были посланы в

Боцен, с подписанным Власовым посланием, представитель Крегера, штурмбанифюрер фон Сиверс, и русский капитан барон Людвигхаузен-Вольф. Сиверс сражался в 1913-20 годах в Балтийском ландесвере под командой Александра. Казалось, что это облегчит переговоры и понимание русской проблемы. Но Александр не принял их. Им пришлось говорить с офицером связи его штаба, канадским полковником. Вслед за этим Сиверс и Людвигхаузен были интернированы. 49).

С Вольфом было договорено, что войска перейдут через Бреннер в южный Тироль. Таким образом оставалась открытой возможность действовать заодно с Казачьим корпусом, который отступал с боями к австрийской границе.

24 го апреля Власов снова был в Фюссее. Трухин продиктовал последний приказ частям РОА о переходе в район Инсбрука.

Малышкин выбрал нескольких офицеров, в том числе генерала Закутного и Кромиади, как парламентаров, для связи с западными союзниками, которым они должны были передать, что генерал Малышкин, по поручению Власова, готов вести переговоры о капитуляции РОА.

Вечером того же дня Штрикфельдт приехал в Фюссен, чтобы простигся с Власовым. Он нашел его в состоянии глубокой безнадежности. Он не верил в американцев и не верил в возможность спасения. Он поблагодарил Штрикфельдта за все, что тот для него сделал, и сказал, что пойдет по своему пути до конца. «Если вы останетесь в живых — закончил он — расскажите правду о том, что я хотел».

Это были последние слова, которые слышал от него Штрикфельдт, видевший его в последний раз.

В штабе первой дивизии 22-го апреля появился майор Нейнер, личный офицер связи Шернера. Он хотел переговорить с Буняченко.

Нейнер передал приказ занять позицию в районе Хай-

49) Эрих фон Сиверс, письмо автору.

ды. Шернер хотел лично переговорить с Буняченко и просил посетить его в 17 часов. Предшествовавшие недоразумения он считал улаженными. Буняченко дал обещание явиться.

Около 17 часов к Шернеру прибыл только командир разведки, майор Костенко, и заявил, что генерал Буняченко очень сожалеет, что не может прийти сам, потому что попал в автомобильную катастрофу.

Швеннигер, присутствовавший при этом, видел, что Шернер сдерживается с трудом. Когда Костенко ушел, он взорвался: «Безобразие! Если бы у меня была эскадрилья самолетов, я бы их разгромил так, что они на коленях ползли бы!»

Тем временем, в 12 километрах от дивизии, появились советские танки. Поздно вечером Буняченко повел дивизию в полном боевом порядке. Во всяком случае, он хотел перевести ее через Эльбу, потому что фронт продвигался все ближе.

Переход через Эльбу стал вопросом жизни. Он должен был удался, чего бы это не стоило. Если Шернер захочет задержать дивизию, то он сделает это именно при переходе.

Для переправы был выбран мост у Бад Шандау. Но мост был занят немецким саперным отрядом, который не подпустил передовые отряды на том основании, что нет приказа о переходе дивизии. Буняченко сам отправился на мост и пытался переубедить немецкого командира отряда. Тот однако вежливо отказал, ссылаясь на свои предписания.

Тогда Буняченко распорядился отправить вперед 30 санитарных грузовиков, прося пропустить раненых. Это было разрешено, и узкий проход по мосту был разминирован.

Когда последний грузовик съехал с моста, Буняченко сейчас же послал танки и конный отряд.

Немцы заметили, что их провели, пока они снеслись по телефону со штабом, танки дивизии заняли позицию обеспечивающую переход. Буняченко стоял на западном берегу и пропускал мимо себя колонны, в то время как Николаев за-

держивал полковника, прибывшего из штаба и наставлявшего на немедленном отходе дивизии обратно.

Буняченко отказался разговаривать с полковником. Для него теперь было важно только одно: перевести дивизию через Эльбу.

До поздней ночи шли колонны, и наконец переправа была закончена.

Этот переход имел громадное значение.

Позиция была благоприятной. С севера и востока ее прикрывала Эльба. Мост был под контролем.

Ночью в ближайшие деревни вошла и танковая дивизия ЭсЭс. На следующий день в окрестностях появились дальнейшие части ЭсЭс. Распространился слух, что они собираются разоружить дивизию.

Буняченко приказал двигаться дальше в район Шнееберга.

27-го апреля, в первую дивизию явился начальник штаба Шернера, генерал-лейтенант фон Нацмер. Буняченко — с перевязанной головой и рукой — выставил почетный караул и оркестр и принял Нацмера чрезвычайно вежливо.

Намцер потребовал, чтобы дивизия шла на фронт в районе Брюнна. Он дан недвусмысленно понять, что еще один отказ повлечет за собой серьезные последствия.

Так как дивизия без бензина и продовольствия не могла маневрировать, Буняченко согласился идти на Брюнн, считывая что, непосредственно за линией фронта, ему удастся продолжать марш на юг. Положение стало серьезным. Связи с Власовым все еще не удавалось добиться, а последствия от невыполнения приказа генералфельдмаршала могли быть для дивизии угрожающими.

Дело шло о судьбе дивизии.

Буняченко считал, что он не может решить этот вопрос самолично и попросил к себе полковых командиров. Он объяснил им положение и просил каждого сказать свое мнение.

При этом разговоре присутствовали полковые командиры Архипов, Артемьев, Александров, Сахаров и Жуковский,

майор Костенко, командир разведки и подполковник Максимов, командир запасного полка.

За исключением подполковника Архипова все считали, что бой на фронте приведет только к бессмысленному уничтожению дивизии. Не оставалось ничего другого, как скорым маршем пробиться на юг, чтобы в крайнем случае, перейти к американцам.

27-го апреля рано утром дивизия двинулась в поход. Были отданы строжайшие приказы, запрещение враждебное отношение к немецкому населению. Положение было для всех ясным. С беспримерным физическим и моральным напряжением, за два дня, было пройдено 120 километров с одним пятичасовым отдыхом.

Солдат волновал вопрос: где Власов? Буняченко зная это, чтобы поднять настроение он во время похода объявил, что прибыл Власов. Раздалось громкое «ура», настроение поднялось. Чешская граница была перейдена без препятствий. Вечером 28-го апреля дивизия заняла квартиры в районе городка Лобозиц.

В тот же вечер поступило неожиданное радио от Шернера, что на следующий день он лично посетит дивизию.

Когда он прибыл, он сделал вид, что ничего не случилось.

Буняченко явно наслаждался положением. Генерал-фельдмаршал должен был приехать сам к нему и, таким образом, признать, что он ничего не может предпринять против дивизии. Он сказал, что рад его посещению, тем более, что еще совсем недавно, по отношению к нему, были совсем другие намерения.

Когда Шернер спросил, что он хочет этим сказать, Буняченко ответил: «Господин генерал-фельдмаршал хотел же меня расстрелять!»

Шернер резко спросил присутствовавших немцев, кто из них это передал. Когда выступил Швенninger, он проворчал: «Это ловко», и снова обернулся к Буняченко: «Это ра-

зумеется, ерунда, недоразумение, иначе он не был бы здесь».

Потом он спросил — «будет ли дивизия сражаться или нет?»

«Разумеется», — ответил Буняченко, — но оставил вопрос открытым, где и при каких обстоятельствах.

Шернер удовлетворился этим и, видимо, был рад закончить разговор, сказав, что это самое главное. Он согласен с тем, чтобы Буняченко сам выбрал дорогу в Брюни.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В тот же день у Буняченко был продолжительный разговор с двумя делегатами чешских партизан.

Со времени перехода граицы, население Чехии проявляло чрезвычайный интерес к дивизии. Ее конфликты с немцами были известны и пробудили надежду, что дивизия поможет повстанцам. События на фронтах побуждали чехов к открытому сопротивлению. Однако это сопротивление было плохо организовано. Кроме того, были национальные и коммунистические партизанские группы; последних было меньше, но они были лучше организованы.

Чешские партизаны сообщили, что в ближайшие дни в Праге замысливается восстание, и просили Буняченко о поддержке, так как их собственных сил недостаточно. Считались с занятием Праги американцами. Если Прага будет уже тогда в руках национального чешского правительства — аргументировали чешские парламентарии, — то американцы не допустят, чтобы ее заняли советские войска.

Чехи заявили о своей готовности предоставить дивизии убежище в демократической Чехии.

Буняченко знал о настроении в дивизии и знал, что его приказ о помощи чехам был бы встречен с восторгом. Нравственный гнет последних лет, унижения, нарушения

соглашений со стороны немцев, почти безвыходное положение, в которое они попали из-за них, — возымели свое действие.

Тем не менее он не дал обещаний чехам. Он ждал Власова, с которым, наконец, удалось войти в связь, а пока пошел дальше на юг. В районе Бераун, в 30 километрах юго-западнее Праги, дивизия остановилась. Дивизионный штаб находился в Сухомасте.

Тем временем Власов направился к частям второй дивизии, которые вместе с офицерской школой и запасным полком, были в походе по направлению к Линцу.

27-го апреля он встретился на горном переходе с Жеребковым и дал ему все полномочия для переговоров в Швейцарии. На военный успех он больше не рассчитывал.

Жеребков умолял Власова улететь, перед катастрофой, в Испанию. Но Власов отказался. Он не оставит своих соратников и разделит с ними их судьбу.

Затем он принял казачью делегацию из Италии, во главе с полковником Бочаровым, назначив его офицером связи с Красновым. Бочаров передал ему просьбу атамана Науменко принять под командование РОА казаков, которые находились в Северной Италии. Все части казачьих войск настаивали на включении их в Освободительное Движение и не одобряли откошение генерала Краснова к А. А. Власову. Но было уже поздно. События опережали все планы.

Власов сделал все, что мог. Был издан приказ о соединении всех войск КОНР-а в районе Иннсбрука. Первая дивизия шла на юг.

30-го апреля Власов встретился в Бад Рейхенхалле с Крегером, который совещался с Кестрингом относительно поступивших к последнему жалоб Шернера. Было решено лично переговорить с Шернером.

Власов и Крегер отправились в Кенинграц, штаб-квартиру Шернера, не подозревая, что проезжают через район, занятый партизанами. Утром 1-го мая они встретились сперва с начальником штаба, генерал-лейтенантом фок Нацмером.

От Нацмера они узнали, что Шернер уже отдал приказ разоружить завтра утром дивизию. Это означало бой. Проведение приказа было поручено генерал-полковнику Хоту, командовавшему частью «Эригебирге», штаб которой находился в Кригерне.⁵⁰⁾

Хот, ничего не знавший о присутствии Власова в штабе Шернера, попросил к себе офицера разведки пропагандного отдела в Дабендорфе, фон Клейста, и предложил ему отправиться к Буныченко. Может быть, ему удастся предотвратить столкновение.

Клейст сразу согласился, и после взволнованного разговора по телефону между Хотом и Шернером, последний согласился отсрочить эту операцию до 10-ти часов утра, хотя он, по его словам, считал переговоры бесполезными; русские всегда были предателями, и он разгромит их⁵¹⁾

К вечеру Шернер принял Крегера и заявил ему, что теперь он примется за дело и считает разговор с Власовым бессмысленным.

Только когда Крегер разъяснил ему политическое значение РОА и отсоветовал применять силу, он согласился разговаривать с Власовым.

Власов поручился за лояльность дивизии, пока ее не трогают. Он еще раз указал на возможности упущенные по вине немцев, и намекнул, что надеется на продолжение борьбы с большевиками с помощью западных союзников.

Это было для импульсивного Шернера решающим. На него произвело впечатление, что человек в таком положении, как Власов строит планы и стремится к целям, которых у немцев больше не было. Он впервые понял политическое значение русского Освободительного движения и заявил, что готов отменить приказ о разоружении и освободить дивизию из под своего подчинения⁵²⁾

50) Олдьвиг фок Нацмер, письмо автору.

51) Х. фон Клейст, письмо автору.

52) Ф. Шернер, письмо к автору.

После этого Власов и Крегер отправились ночью в Козоеды, куда был переведен штаб дивизии.

Рано утром следующего дня в Козоедах появился и Клейст, размахивая белым флагом. Он ничего не знал об отмене приказа о разоружении и был очень удивлен встретить здесь Власова и его спутников.

Тем временем дело дошло до многочисленных столкновений. Русские чувствовавшие себя, в районе дивизии, хозяевами, разоружали мелкие немецкие части. При этом дело доходило до перестрелки. Прорывался долго сдерживаемый русскими гнев.

На следующее утро Крегер уехал в Прагу, чтобы осведомиться о положении у Франка. Там он был застигнут, несколько дней спустя, восстанием, и больше не видел Власова.

В тот же день Власов и Буняченко приняли делегацию чешских офицеров, сообщивших, что восстание подготовлено и должно начаться 5-го мая. Они настоятельно просили о поддержке. Чешский народ никогда не забудет помощи в такую минуту.

Власов однако не обещал ее. После этого он поспорил с Буняченко, настаивавшим на том, чтобы вмешаться в Праге. Это последняя и может быть единственная возможность спасти дивизию. Американцам кельзя доверять.

Власов не разделял этого мнения. Он не верил, чтобы чехи могли бы принять какое либо ответственное решение без согласия американцев, даже если американцы и займут Прагу. Во всяком случае все будет зависеть от американцев, и поэтому разумнее сейчас же связаться с ними.

Когда однако Николаев и другие командиры дивизии высказались за борьбу, он, против своего убеждения, предоставил Буняченко свободу действий. В таком отчаянном положении он не хотел препятствовать использовать может быть последний шанс для спасения.

На следующее утро, 4-го мая, в Козоеды прилетели на самолете Бушманн и генерал Шаповалов. Трухин послал

Шаповалова, который должен был командовать третьей дивизией, за инструкциями.

Власов решил в виду того, что переход РОА в район Инсбрука стал невозможным, собрать все части в Богемии.

Бушман переночевал у Власова, и долго разговаривал с ним. Власова угнетала предстоящая операция в Праге. Он не ждал от нее ничего положительного. Он не хотел никакой борьбы с немецкой армией, которую не мог считать ответственной за ошибки Гитлера. Если вообще имеется ничтожный шанс спасения, то он видит его только у западных держав. Он рассказал о попытках войти в контакт, чтобы выяснить, готовы ли западные державы принять капитуляцию РОА при условии, что она не будет выдана. «Но — заключил он, — я должен в любом случае капитулировать, отдаться в их руки, даже если они и не дадут гарантии. Может быть удастся спасти армию, если они меня выдадут. Не знаю. Я не могу сделать больше ничего другого».

Бушман был потрясен, увидев Власова таким подавленным.

ВОССТАНИЕ В ПРАГЕ

На следующее утро Бушман передал Власову просьбу Мальцева и других офицеров, умолявших его подумать о своей безопасности. Для будущего важнее, чтобы он был жив, чем его самопожертвование. Самолет, под управлением капитана Антелевского, бывшего Героя Советского Союза, стоит готовым к полету в Испанию.

Но Власов отказался. «Вождь, бросающий своих людей в решительную минуту ничего не стоит» — сказал он. «У меня были все возможности победы. Но немцы — или судьба — как угодно — не допустили этого. Теперь я должен пройти путь до конца».

Вскоре после этого Бушмани улетел с Шаповаловым к Трухину.

В это время Буяченко отдал приказ к походу на Прагу, после того как подписал соглашение с представителями чешских повстанцев, согласно которому обе стороны обязывались бороться против фашизма и коммунизма.

Вскоре после этого Николаев попросил майора Швенингера отдать свое оружие. Он очень сожалел, что вынужден так поступить, но эта мера направлена не против него лично, а для его безопасности. Он просил также понять причины решения Буяченко. Это единственная возможность что-нибудь спасти⁵³⁾

6-го мая дивизия вошла с запада и югозапада в предместья Праги и построилась боевым порядком. По дороге ее восторженно приветствовало чешское население, забрасывавшее ее цветами и подарками. В некоторых частях города восстание началось уже вечером 4-го мая под руководством генералов Слунечко и Кутавасра. Поводом для этого было известие, что из Бари в Италии вылетят английские самолеты со срочно требовавшимся вооружением. Когда выяснилось, что они не прилетят — Черчилль, по желанию Сталина, запретил это — столкновения на первых порах прекратились, потому что превосходство немецких сил было слишком большим.

Одновременно начались переговоры с Народным советом (Народни Рада), который собрался уже ранее, как временное представительство лондонского чешского эмигрантского правительства. Председателем Рады был профессор Альберт Пражак, его заместителем и представителем коммунистического крыла Иозеф Смирковски. Военными действиями руководил капитан Ничански, спустившийся на парашюте по поручению эмигрантского правительства. Среди остальных членов был князь Франтишек Шварценберг и д-р Оттокар Махотка.

53) Х. Швенингер, письмо к автору.

Совет должен был решить, будет ли он игнорировать действия повстанцев или примет на себя руководство ими. Решение было вынесено в пользу второй альтернативы. После сложных переговоров — военные не доверяли Совету, потому что часть его членов была коммунистами — он был признан, как политическое руководство. Совет, со своей стороны признал генерала Кутлавасра военным руководителем восстания, хотя формально им руководил капитан Ничейски.

Вмешательство первой дивизии решило дело. К вечеру 7-го мая после ожесточенных боев большая часть города находилась в руках повстанцев.

Буняченко занимавший позицию в предместье Ииноночи был тесно связан с повстанческим штабом.

Власов не принимал участия в ведении операций и только приказал осведомлять его о ходе дела.

Когда Буняченко узнал, что политическое руководство в руках Рады, он поручил капитану Антонову установить связь с Советом. Его сопровождали 6 человек из Архиповского полка. Утром 7-го мая Антонов случайно встретил в холле здания, где помещался Совет, Смрковского, который грубо заявил, что Совет отказывается от помощи предателей и немецких наемников и не хочет иметь с ними ничего общего. Вскоре в город прибудет маршал Конев и расправится с изменниками.

Когда Антонов возразил на это, что повстанцы сами просили Власова о помощи, Смрковский ответил: «Но не Рада. Политическое руководство только у Совета. Вы сами подтверждаете, что вы боретесь с коммунизмом. Многие члены Рады коммунисты. Значит, вы — наши враги».

Во время этого спора подошел член Рады д-р Мачотка и добился того, что бы этот вопрос был решен на собрании Рады. Против голосов коммунистов было решено приветствовать помощь Власовской дивизии, но под влиянием коммунистов, в письменном договоре было отказано. Для Буняченко такой ход дела был тяжелым ударом. Он потребо-

вал письменное извещение и подписания договора. Рада оказалась под тем предлогом, что РОА не было нанесено никаких оскорблений.

Когда Буняченко узнал, что американцы приостановились в своем походе на Прагу у Пильзена, и предоставили захват Праги Красной армии, он приказал прекратить бой. В ту же ночь был дан приказ отступить на исходные позиции.⁵⁴⁾

8-го мая стало известно о капитуляции Германии; 9-го мая дивизия прибыла в Бераун и сразу пошла на юг. Теперь Буняченко стало ясно, что есть только один путь: к американцам.

ЗАПАДНЯ ПРЖИБРАМ

Во время похода части Первой дивизии проходили через город Прижбрам, в 60 километрах югозападнее Праги. Капитан Будерацкий 3-го полка в поисках бензина, попал во двор тюрьмы на окраине города. Из за решетки окна его окликнул Ромашкин, адъютант Трухина, прося о помощи.

Будерацкий пошел за подкреплением и, под угрозой применения силы, освободил Ромашкина и адъютанта и шоферов Боярского, Трухина, Шаповалова и Благовещенского⁵⁵⁾

От них Будерацкий узнал о судьбе генералов:

Трухин 5 мая установил связь с американцами и получил ультиматум: в течение 36 часов он должен капитулировать со всеми частями второй дивизии. Когда Шаповалов привез ему приказ Власова идти походом в Чехию, он послал Боярского в Козоеды, чтобы сообщить Власову о решении амери-

54) О. Махотка, «Празке повстани 1945», изд. Чехословацкого Национального Совета, Вашингтон, 1965 (по чешски); Князь Франтишек Шварценберг, письмо автору; О. Махотка, письмо автору.

55) Статья Будерацкого в «Голосе народа», 1949, №33.

канцев и получить его согласие на переход первой дивизии. Когда Боярский не вернулся, тогда он сам отправился в сопровождении Шаповалова. В городке Прижбрам их остановили чешские партизаны. Привыкнув к тому, что чехи принимали их по дружески, они, ничего не подозревая, вошли в здание. Там они увидели капитана Красной армии и были взяты силой. Они узнали также, что Боярский повешен. Вслед за этим был расстрелян Шаповалов, а Трухин отправлен в штаб Красной армии. Адьютанты и шоферы были заключены в тюрьму. Так как и Трухин не вернулся, то его заместитель, генерал Меандров, послал к Власову генерала Благовещенского, которого в том же Прижбраме, чехи выдали советским войскам.

В то время как первая дивизия ускоренным маршем двигалась на юг, Власов вместе с Тензоровым, Антоновым, переводчицей, санитаром и личной охраной поехал в Пильзен, чтобы начать переговоры с американцами. Вместе с ним находился и генерал Кононов, нашедший Власова после долгих поисков, чтобы посоветоваться относительно соединения с Казачьим корпусом, который шел с боями из Югославии в Австрию.

Все планы рушились, так как капитуляция Германии произошла скорее, чем ожидалось. Кононов хотел теперь пробиться к своим казакам, чтобы быть вместе с ними в решительный час. Перед линией американского фронта он простился с Власовым. Они обнялись. Власов просил и его, если он останется в живых, рассказать правду об Освободительном Движении.⁵⁶⁾

⁵⁶⁾ И. Кононов, письмо автору.

ВСТРЕЧА С АМЕРИКАНЦАМИ

Поздно вечером Власов встретил первый американский пост, который эскортировал колонну в Пилльзен, где Власов был встречен полковником, принявшим его сперва за советского генерала, и не имевшим никакого представления о существовании русской Освободительной армии. Когда недоумение было выяснено, было условлено о приеме на следующий день у командующего генерала.

Когда Власов вошел в дом, где разместили его спутников — это была вилла бывшего крупного партийца — он нашел их всех в штатских костюмах.

Тензорев объяснил, что никто не выиграет от того, что их выдадут. Он не доверяет американцам. Никакой охраны нет, штатских костюмов в вилле хватит на всех, он уже приготовил один из них Власову. Это последняя возможность спасения.

Власов отказался. Он останется до тех пор, пока не будет решена судьба армии, но в таком положении он ничего не хочет удерживать, и предоставляет всем свободу действия.

Антонов приготовил ему кровать, а остальные начали молча снимать костюмы.

На следующее утро в 10 часов Власов был принят американским генералом, который заявил ему, что не может дать никаких гарантий, что РОА не будет выдана советским войскам, это превосходит его компетенцию. Он может только посоветовать безусловную сдачу. В таком случае он постарается взять дивизию в американский плен.

Власов вернулся на свою квартиру.

Около двух часов дня появился американский офицер и сообщил Власову, что дивизия РОА прибыла в Шлюссельбург. Генерал предоставляет Власову возможность поехать туда. Однако, он может поехать в какое-нибудь другое место. Если потребуется бензин, американцы его ему дадут.

Это означало молчаливое согласие на побег Власова.

Власов просил передать, что он отправится в свою дивизию, и его можно будет застать там.

Когда Власов садился в машину, его узнали прохожие. Для чехов он был еще героем, который освободил Прагу. Быстро собравшаяся толпа окружила автомобиль. Послышались приветственные крики, какая-то женщина бросила в машину цветы.

Власов молча смотрел на толпу, отдавая себе отчет в трагикомизме этой овации.

Американцы сперва смотрели с недоумением, ничего не понимая, потом оттеснили толпу и поспешили отправить Власова.

Поздно вечером они прибыли в Шлюссельбург. Американцы отправились в походившее на дворец здание на окраине города, в то время, как автомобильная колонна Власова ждала, с потушенными огнями, на улице. Они ждали четыре часа. Никто не говорил ни слова. Больные не о чем было говорить. Каждый был занят своими мыслями. Это было как бы передышкой перед последним, самым тяжелым этапом их пути. Никто не знал, останется ли он в живых. Наконец, около полуночи, им было сказано, что они могут переночевать во дворце.

Там их принял комендакт города, капитан Донахью.

Пока им готовили комнаты, офицеры ждали в рабочем кабинете американца, молча и с интересом рассматривавшего их некоторое время.

Наконец он обратился к Власову и спросил, почему тот сражался против своей родины.

Власов был в полной апатии. Он сказал переводчице, что считает ответ бессмысленным.

Американец нагнулся вперед. Он был спокойен, его лицо выражало сочувствие и никакого превосходства. В его вопросе нет никакой критики, сказал он. Ему сказали, что Власов противник Сталина, поэтому его интересуют его мотивы.

Власов понял, что капитан действительно заинтересован. Он начал говорить, медленно и бесстрастно. Но потом его темперамент прорвался. Еще раз он сказал о всех возможностях, всех надеждах и разочарованиях своих земляков. Еще раз он собрал воедино все, за что боролись и страдали бесчисленные русские люди. Он давно уже перестал обращаться к этому американцу. Это было исповедью всей его жизни, последней вспышкой против судьбы, выбившей все козыри из его рук.

Американец слушал со все растущим напряженным вниманием. Он поднялся и пожал Власову руку.

— «Благодарю вас, генерал. Что я могу, я для вас сделаю».

На следующий день — это было 11-ое мая — Власов узнал, что дивизия собралась в 6 километрах севернее Шлюссельбурга. По приказу американцев она сложила оружие. Дисциплина была безукоризненной. Дивизия считала себя интернированной американцами.

Доханю сообщил, что вечером следующего дня этот район будет передан советским войскам, а у него еще нет разрешения пропустить дивизию в американскую оккупационную зону. Он предложил Власову отправиться вместе с транспортом освобожденных из плена англичан в английскую зону, чтобы связаться там с высшим английским штабом.

Власов отказался и поехал в дивизию, тем более, что положение во дворце было шекотливым: туда все время приходили чешские партизаны и советские офицеры.

В дивизии он узнал о судьбе Трухина и других генералов. Он уговорился с Буняченко, что следует пытаться пробиваться мелкими группами в американскую оккупационную зону, раз американцы не дадут возможности перехода, всем частям дивизии.

После обеда он вернулся во дворец. Капитан Данахио встретил его известием, что штаб армии запросил, находится ли Власов в Шлюссельбурге. «Находитесь ли вы здесь?»

спросил он. Власов понял, что этот храбрый офицер и теперь еще даст ему возможность бежать. Но он снова отклонил это предложение. «Я здесь» — ответил он и пожал ему руку.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ

Около 19 часов в тот же день разведывательные отряды Буняченко доложили о приближении советских танков. Вслед за этим штаб был переведен из Хвошдиан в ближайший лес, и Буняченко вызвал к себе полковых командиров.

162-ая советская танковая бригада встала на ночь всего в трех километрах от американских линий. Положение стало критическим.

Связи со Власовым нельзя было установить. Буняченко отправился к американским заградительным танкам и категорически потребовал, чтобы его сейчас же отвели к американскому генералу. После долгих переговоров ему сообщили, что встреча может состояться только в 10 часов утра на следующий день. Тогда и решится, будет ли пропущена дивизия.

Буняченко должен был во что бы то ни стало выиграть время. Угрожала опасность, что советские войска продвигнутся на рассвете вплотную к американским линиям и перехватят дивизию.

На помощь пришел случай: полковник-лейтенант Артемьев, командир Второго полка, очутился неожиданно, в поисках дивизионного штаба, перед советскими офицерами. Чтобы не быть взятым в плен, он не растерялся, а выдал себя за парламентаря, и его сразу отвели к командиру советской танковой бригады, полковнику Мищенко.

Тот держал себя очень корректно и покровительственно, обещал жизнь и безопасность всем, кто добровольно

сдастся. Было очевидно, что он ничего не знал ни о разоружении дивизии, американцами, ни о том, что они отказываются ее пропустить.

Артемов сказал, что он должен все обсудить с Буянченко, и был беспрепятственно отпущен. Буянченко поручил ему еще раз отправиться к Мищенко и любой ценой добиться отсрочки до 11 часов следующего дня. Чтобы сделать это более приемлемым, Артемов должен был потребовать письменной гарантии и назначить сроком сдачи дивизии 11 часов дня.

В час ночи Артемов снова вернулся в Хвошдиан. Там ему был предложен ужин. Мищенко написал на клочке бумаги удостоверение о гарантии и заявил о своем согласии на установленный срок, при условии, что дивизия перейдет со всем вооружением.

Когда официальная часть была закончена, Мищенко стал распространяться о замечательной жизни в Советском Союзе, где теперь все стало иначе. Наконец, уже совсем пьяный, он предложил Артемову вовсе не ждать решения Буянченко, а сразу же привести свой полк. Это ему будет зачтено, и он снова сможет быть принят в Красную армию в том же чине. Наконец, на рассвете, Мищенко отпустил Артемова. Время было выиграно. До 11 часов советские войска ничего не предпримут.

Ночью Власов написал меморандум, в котором изложил, что руководители РОА готовы предстать перед международным судом, но что выдача их советским властям, на верную смерть, противоречит всякому международному праву. Дело идет не о добровольцах у немцев, а о политической организации, о широком оппозиционном движении, которое никак нельзя судить по военному праву.

Догадку сразу же передал текст меморандума по радио. Немного спустя он сообщил Власову, что главнокомандующий отказался пропустить дивизию и тем самым взять ее в американский плен. Он может только посоветовать пробиться мелкими группами в американскую зону. Самого Власова

он должен доставить в 14 часов для переговоров в командование армией.

В 10 часов Буняченко пропустил во дворец, где Власов уведомил его о решении американцев. Большие выхода не было, оставалось только разбежаться. Буняченко отправился в дивизию, чтобы передать последний приказ.

По команде: разойдись! внезапно перестала существовать дивизия зарекомендовавшая себя в течение многих месяцев. Совершенно нетронутая и дисциплинированная боевая часть развалилась в течение нескольких минут.

Только теперь ужас охватил людей. Они последовали бы любому приказу, но сейчас, предоставленные самим себе, они не знали, что делать. На юг! А что дальше?

Офицеры и солдаты спарывали знаки отличия с мундиров, пытались получить штатское платье, сжигали документы. В лесу раздавались выстрелы. Некоторые предпочитали самоубийство страху и неизвестности. Раздавались горькие слова: лучше пасть в бою, чем так разойтись! Но не было никаких упреков командованию, офицерам. Все знали, что вина за катастрофу лежит не на них.

Небольшими группами солдаты приходили к командирам, спрашивали, что им делать, прощались и благодарили. Благодарили в тот момент, когда им, вероятнее всего, предстояла гибель.

Швеннинггер тоже покинул дивизию.

Уже ночью началась охота на обреченных. За ними охотились особые отряды Красной армии, чехи, которые еще несколько дней тому назад приветствовали их, как освободителей, теперь убивали их, или передавали советникам. 10 000 человек было убито или попали в руки советских войск. Остальным удалось перейти в американскую зону. Но и из них больше половины было выдано потом советскому командованию.

Так кончила свое существование первая дивизия русской Освободительной Армии.

«ВАС БУДЕТ СУДИТЬ ТОВАРИЩ СТАЛИН»

В 2 часа из дворца двинулась колонна из 8 автомобилей, которую эскортировали сзади и спереди две бронированных американских машины. В первом автомобиле сидели Буняченко и Николаев, которых пропустили с несколькими офицерами во дворец, в последнем — Власов, Антонов, шофер и лейтенант Ресслер, как переводчик.

Власов оставил Тензорова с несколькими людьми во дворце под защитой Донахю, чтобы, может быть, помочь как-нибудь людям из дивизии.

Донахю простился с Власовым со словами сожаления, что тот не последовал его совету, пока еще было время. Теперь он больше ничего не может для него сделать.

Через два километра колонна была остановлена машиной, в которой находился батальонный комиссар Красной армии Якушев и капитан РОА Кучинский. Чтобы спасти свою голову, Кучинский сообщил Якушеву о выезде колонны Власова.

Якушев велел Буняченко следовать за ним. С ним ничего не случится, он же освободитель Праги.

Буняченко категорически отказался. Он пленник американцев и находится на пути в американский штаб.

По знаку Кучинского Якушев подошел к автомобилю с Власовым и рванул дверцу. Власов вышел и, сопровождаемый Ресслером, подошел к американскому офицеру во главе колонны. Сопротивление было бесполезным, так как все русские офицеры должны были перед отъездом сдать оружие.

Ресслер умолял американского офицера вмешаться. Власов их пленник и находится на пути к американскому командованию.

Американец не понял плохого английского языка Ресслера или не хотел понять. Он молча и неподвижно наблюдал эту сцену.

Когда Якушев увидел, что американец не вмешивается, он направил свой автомат на Власова.

Власов спокойно распахнул шинель и сказал: «Стреляйте!»

В этот момент между ними бросилась молодая сестра милосердия. «Нет! — кричала она. — Не стрелять!»

Власов осторожно отодвинул ее в сторону.

Якушев злобно сказал: «Не я, а товарищ Сталин будет вас судить!» Ресслер увидел, что некоторые машины повернули в Шлюссельбург и уехали, остальные стояли. Он надеялся, что капитан Донаху узнает о случившемся и попытается всячески выиграть время. Он с отчаянием пытался воздействовать на американцев, чтобы побудить их действовать. Но они не трогались с места; их это не касается.

Тем временем все остальные исчезли. Только Власов один стоял рядом с Якушевым. Он обернулся к Ресслеру и вопросительно посмотрел на него.

У Ресслера, как раз думавшего о том, не бежать ли самому, поскольку он не может помочь Власову, выступили слезы на глаза. Вот здесь стоит человек, значивший так много для миллионов русских, совершенно один в решительный час. Он подошел к нему и они оба сели в машину Якушева.

Они перегнали сестру, в слезах бежавшую вдоль дороги, проехали мимо дворца, через деревни, в которых бились советские и американские солдаты.

Ресслер был простым человеком. Перед войной, как «фольксдейче» он приехал в Германию из Советского Союза. Он следовал теперь своему чувству сочувствия и порядочности. Это обошлось ему в 10 лет плена. Только в 1955 году его отпустили в Германию.

Когда они прибыли в штаб советского корпуса, празднование победы с американскими офицерами кончилось. На длинных столах стояли еще бутылки, бокалы и остатки еды. Некоторые советские офицеры, явно в самом хорошем настроении, поднялись, когда вошел Власов.

— Вы — Власов? — спросил один полковник.

Власов подтвердил.

Тогда он потребовал, чтобы Власов подписал капитуляцию своих войск.

Власов возразил, что армии больше не существует, она распущена и обезоружена.

Антонов вернулся во дворец и сообщил там об аресте Власова. Донаху сразу выехал, но было уже поздно. Он нашел на месте только эскорт.

В ту же ночь он лично доставил еще находившихся во дворце русских за 60 километров в американскую зону, снабдил продовольствием и отпустил их.

Это были: Тензор, Антонов и шофер Власова, переводчица Ростовцева с мужем, майор Савельев и санитар Доваров с женой.

Каким образом Буняченко и Николаев попали в советский плен, так и не было выяснено.³⁷⁾

Незадолго до того, как Власов попал в руки советских, Штрикфельдт и Малышкин встретились с Главнокомандующим Седьмой американской армией, генералом Печем.

Малышкин изложил побудительные причины миллионов людей, примкнувших к Освободительному Движению. Он просил не о себе, он просил о защите тех, кто не повинен ни в чем, кроме любви к родине и свободе. Все они политические противники советского строя и просят о политическом убежище. Он апеллировал к американскому народу, который всегда высоко ставил идею о свободе.

На Печа это казалось произвело впечатление, но решить мог только Вашингтон. Он был готов принять русские части в плен на тех же условиях, как и немецкие. Это решение Малышкин и Штрикфельдт должны были передать Власову.

Однако, их отъезд откладывался со дня на день под раз-

37) Все описания захвата Власова сходятся в главных пунктах. Срвнение В. Ресслер, письма к автору; Н. Тензор, 1 № 43; Р. Антонов, 1 № 3.

личными предложениями. В день капитуляции Германии им было объявлено, что они больше не парламентареры, а военнопленные.

Больше повезло профессору Оберлендеру, который в момент, когда американцы занимали местность, находился в имении принца Леопольда Кобургского и уже 23 апреля смог вступить в переговоры с командиром 11-го танкового корпуса, генералом Кеннеди. Кеннеди заявил о своей готовности взять группу Мальцева и не выдавать ее. Он хотел сделать это на свою ответственность, но требовал, чтобы генерал Ашенбреннер лично явился к нему.

24-го Оберлендер снова был у Ашенбреннера, 25-го оба переговорили с Кеннеди, подтвердившего свое обещание, и 27-го апреля вся летная часть с белым флагом и в полном составе отправились в Мюсинген, где сложила оружие⁵⁸).

Обещание генерала Кеннеди не было сдержано. Большинство офицеров и солдат, а также Мальцев, были позднее выданы Сталину.

Штаб КОНРа под руководством Жиленкова переехал из Инсбрука в Циллерталь, и был там интернирован американцами.

Остальные части РОА, вторая дивизия, запасная бригада, офицерская школа и штаб перешли в занятую американцами зону.

Командир 2-ой дивизии, Зверев, приказав дивизии начать поход, оставался еще на ночь в своей квартире. Его жена отравилась и лежала при смерти. Ночью на штаб напала советская часть и взяла его в плен после короткой перестрелки. Спасся только один офицер, Твардиевич.

Остальным частям дивизии, за исключением некоторых обозов, удалось перейти америкакскую линию фронта. Они сложили оружие у Крумау.

Запасная бригада под командой подполковника Садов-

⁵⁸) Т. Оберлендер, «Дневник». Дневник Оберлендера сохранился.

ского попала в район Фридберга. Американский комендант Фридберга взял на себя, наперекор предписаниям, выдачу пропусков небольшим группам русских в Мюнхен. Так было отпущено за 10 дней 800 солдат и 15 офицеров.

Наконец, все части собрались в районе Ландау. Там Меахдров обратился к Херре, который не мог решиться представить русских их судьбе, просить Кестринга о ходатайстве перед американцами, которые может быть могут быть полезными.

Херре достал себе штатский костюм и за одиннадцать, полных приключений дней, добрался к Кестрингу, ожидавшему в своем доме в Маркарштейне, что американцы возьмут его в плен.

Кестринг не ожидал для русских никакой помощи от своего ходатайства. Несколько дней спустя, когда он был доставлен в лагерь для военнопленных 101 воздушной дивизии, его пессимизм полностью оправдался.

Ему был сделан только поверхностный допрос. Его опыт, его знания русских дел совершенно очевидно никого не интересовали. Американские следователи хотели только знать, какими средствами насилия ему удалось заставить русских сражаться на стороне немцев.

Кестринг считал бессмысленным описывать глубокую проблематику этого комплекса. Но он все-таки указал, что германское руководство, вследствие своей слепоты и непонимания, проиграло самый большой капитал, который имелся в борьбе против большевизма, и что американцы собираются проиграть этот капитал вторично, не только в материальном смысле, но и потому, что разочаруют доверие тех, которые возлагали на них последние надежды. Может случиться, что американцы вскоре пожалеют об этом.

— Может быть — согласился допрашивавший его полковник. Но это была просто пустая фраза.⁵⁹⁾

⁵⁹⁾ Э. Кестринг, Неопубликованный доклад. Институт дер Цейтгешихте, Мюнхен; В. Поздняков, «Последние дни», в: «Голос народа», 1951, № 25.

Подобные же неудачи постигали всех остальных парламентариев.

Жеребкова, после запроса в Берне, не пустили через швейцарскую границу, а когда он перешел ее нелегально, арестовали и выслали.

Д-р Поремский и полковник Милишкевич, пытавшиеся войти в связь с английскими военными властями в Гамбурге, были арестованы, так же как Быкодоров и капитан Лапин. Милишкевич и Лапин были выданы советчикам.

Полковнику фон Рентельеу, которого фон Панивиц послал к фельдмаршалу Александру, знавшему Рентельеу по балтийскому Ландсеру, так и не удалось пробраться к нему, и он был выдан советским властям. Он умер в плену.⁶⁰⁾

ТРАГЕДИЯ НА ДРАВЕ

В то время как части РОА сдавались американцам, Казачий корпус пробился к австрийской границе. В противоположность немцам, бежавшим в беспорядке, в корпусе был порядок и дисциплина. 9-го мая в районе Лавамонда была установлена первая связь с 11 британской танковой дивизией, и 1-го мая — с 1-ой дивизией.

Панивиц выехал навстречу британской дивизии. Он считал выдачу Казачьего корпуса, никогда не сражавшегося с союзниками, немыслимой.

Вместе с английскими офицерами он наблюдал подход первой казачьей дивизии.

Это была невероятная картина для царившего хаоса.

⁶⁰⁾ Ст. лейтенант Герхард Петри, офицер штаба Панивица, письмо автору; фельдмаршал Александер, письмо автору. Александер в письме заявляет, что у него не было никаких парламентариев.

Трубачи по всем правилам обогнули командиров. За ними следовал эскадрон за эскадроном, парадным галопом.

Англичане с удивлением смотрели на это зрелище. Вначале они держали себя чрезвычайно корректно. Корпусу была предоставлена свобода передвижения в районе Клагенфурта. О выдаче не говорилось.

Однако 27-го мая командир 10й дивизии, полковник Вагнер, получил приказ перевести дивизию в лагерь у Вейтонсфельда. Один английский офицер дал ему понять, что это означает выдачу. Вагнер предоставил всем свободу действий — поступать, как каждый считает нужным. Он сам и некоторые немецкие офицеры пробились через Альпы в Германию. Команду принял полковник Сукало, но и он предоставил каждому поступать, как хочет. Однако, на следующее утро, дивизия была почти в полном составе. Он повел ее в лагерь.

Во время похода туда, часть дивизии, была спасена одним английским майором, который спрашивал каждого, где тот родился, и не старый ли эмигрант. Кто подтверждал это, отпускался. Остальные были выданы несколько дней спустя.

Панивиц не считал нужным заботиться о своей безопасности, хотя его не стерегли. Он заявил: «Я делил со своими казаками счастливое время, я останусь с ними и в несчастьи».⁶¹⁾

Вскоре он был арестован и передан советским войскам в Юдебурге.

Немецкие офицеры корпуса под предлогом перевода в Германию были собраны у Неймаркта и также выданы в Юдинбурге.

В то же время, когда Казачий корпус Панивица перешел австрийскую границу, в Австрию, после утомительного похода, пришла из Северной Италии группа Доманова и оста-

⁶¹⁾ Г. Петри, письмо к автору.

новилась лагерем в долине Лленца. С женщинами и детьми в ней было 35 тысяч человек.

Они тоже могли сперва свободно передвигаться. Казаки полностью доверились слову английского майора Дэвиса, сказавшего, что никто не будет выдан.

28-го мая все офицеры были вызваны для переговоров к фельдмаршалу Александру. Они должны были вернуться через несколько часов.

Некоторых скептиков старые эмигранты высмеивали: королевский офицер не нарушает своего слова, это невозможно.

Так и получилось, что 2.200 офицеров, среди них генералы П. Н. Краснов, С. Н. Краснов, Доманов, Тишацкий, Головко, Силькин, Тарасенко, Васильев, Соломахины и Султан Гирей Клыг, заняли места в предоставленных грузовиках. Только у 76-летнего Краснова было предчувствие несчастья.

В пути колонна грузовиков была окружена таежками и передана советским. Спасти удалось только немногим.

На следующий день майор Дэвис сообщил оставшимся, что офицеры арестованы и больше не вернутся. Каждый может теперь выразить свободно свое мнение. Каждый имеет право вернуться на родину.

Казаки остолбетели. Затем к Дэвису были посланы делегаты, которые заявили, что офицеров надо отпустить, что они пойдут за своими офицерами, но добровольно никто не вернется в Советский Союз.

В ответ на это Дэвис объявил о транспорте для выдачи на 31 мая. По просьбе католического духовенства города Лленца этот срок был отложен на 1 июня, потому что 31 мая был праздник — Тела Господня.

Над лагерем появились черные флаги и плакаты с надписями: лучше умереть, чем вернуться в Советский Союз. Когда Дэвис приехал в лагерь Пеггек у Лленца, его встретили тысячеголосными криками: «Мы не пойдем добровольно!»

Дэвис заявил, что он солдат и должен выполнять при-

каз. Казаки объявили голодную забастовку. В бараке, где была устроена церковь, непрерывно совершались Богослужения. Были составлены прошения Папе Римскому, Черчиллю, Международному Красному Кресту — и все попал в мусорные корзинки британских штабов.

В ночь на 1 июня в лагере царил мертвая тишина. То тут, то там какая-нибудь фигура исчезала в ночном мраке. Сотня, может быть тысяча людей смогла уйти в горы, но 35 000 человек, среди них многие женщины и дети не могли отправиться в путь через покрытые снегом горы.

1 июня, в день выдачи, Богослужение шло на площади перед бараками. Для священников был устроен помост. Литургия началась уже на рассвете.

В 8 часов появился майор Девис в сопровождении колонны грузовиков. Вскоре подошли танки и солдаты 8-го шотландского артиллерийского батальона.

По громкоговорителям казакам сказали, чтобы они садились в грузовики. Всякое сопротивление бесполезно.

Но никто не двинулся. Толпа начала петь по самим себе панихиду. Священники подняли кресты, молодые составили цепь вокруг стариков, женщин и детей.

Англичане двинулись вперед, избивали прикладами и дубинками, выхватывали отдельных людей из толпы и бросали их в грузовики. Толпа в ужасе отступила. Под напором отступавших, сломался помост для священников и похоронил многих под собой. Наконец свалился и забор, окружавший лагерь, и масса людей в дикой панике хлынула по мосту через бурлящую Драву, в лес, в горы.

Но оттуда выходили танки. Путь был отрезан. Некоторым удалось перейти через мост. Женщины бросались с детьми в Драву и топились, некоторые казаки убивали свою семью и потом себя. В лесу английские части охотились за беглецами. По всему лесу раздавались выстрелы.

В лагере несчастных людей загоняли в грузовики.

Наконец, около 15 часов, по громкоговорителям было

объявлено, что акция на сегодня прекращается «солдаты устали».

На поле осталось 134 убитых. Для них на берегу Дравы было впоследствии устроено маленькое кладбище, за могилами которого по сей день ухаживают еще немногие оставшиеся в живых казаки.

Выдача продолжалась и на следующий день. Затем акция кончилась.

Так в течение нескольких дней завершилась судьба казаков, отправившихся сражаться за свою свободу.

Было выдано 37 генералов, большинство из них — старые эмигранты, никогда не бывшие советскими гражданами, 2.200 офицеров и 30.000 казаков.

Генерал Шкуро сорвал с себя британский орден и бросил его под ноги английскому офицеру. Он требовал оружия, не желая отдаться живым в советские руки.

Полковник Кулаков, легендарная фигура гражданской войны, у которого были ампутированы обе ноги, был застигнут советскими войсками в доме отдыха в восточном Тироле. С горсточкой казаков он защищался до последнего патрона. Все они были убиты.

Несколько дней спустя Лангвиц и казачьи генералы были отправлены в Москву.⁶²⁾

⁶²⁾ Н. Н. Краснов, «Незабываемое» 1945-1956, «Русская Жизнь», Сан-Франциско 1967. Краснов, племянник генерала П. Краснова, был отпущен в 1956 году из плена, как швейцарский гражданин; М. Ротов: «Как проходила сдача казачьего стана англичанам» (по русски) «Донской атаманский вестник», 1954, № 22; С. Унгерманн, Неопубликованный доклад, Институт современной истории (Цейтгешихте), Мюнхен; полковник К. Вагнер, неопубликованный доклад, там же; Н. Петровский, «Незабываемое предательство», казачий союз, Мюнхен 1965; В. Науменко, «Великое предательство», Нью Йорк, Всеславянское издательство, 1962; Б. Кузнецов, «В угоду Сталину», из-во Военного вестника, Нью Йорк 1958, ч. II с указанием источников о выдачах; Масьянов: «Гибель Уральского казачьего войска, Славоник Базар, Бриджпорт,

17-го января 1947 года в «Правде» было напечатано следующее:

« С О О Б Щ Е Н И Е

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П. Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А. Г., командира «Дикой дивизии» — генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С. Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т. И., а также генерала германской армии фон-Паннвиц Гельмута в том, что, по заданию германской разведки, они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей, Краснова С. Н., Доманова Т. И. и фон-Паннвиц к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

«Правда» № 15 (10406) от 17 января 1947 года.

США. Всеславянское издательство имеет в своем распоряжении богатый «Архив о трагедии насильственной репатриации».

Вскоре после выдачи казаков англичанами была выдана также 162-ая турецкая дивизия в лагере у Тарента. И там произошли многочисленные самоубийства и отчаянные попытки к бегству.

К Русскому корпусу и ко 2-й украинской дивизии генерала Шандрука судьба была милостивее. Они, как части, состоящие главным образом из старых эмигрантов, выданы не были.

По Ялтинскому соглашению между Рузвельтом, Черчиллем, и Сталиным от 11 февраля 1945 года, Соединенные Штаты и Англия обязались — впоследствии по особому соглашению к ним примкнула и Франция — репатриировать тех лиц, которые 1-го сентября 1939 года были советскими гражданами и вместе с тем:

- а) либо были взяты в плен в германской форме;
- б) либо 22-го июня 1941 года были военнослужащими Красной армии
- в) или доказанным образом добровольно работали с врагом. О насильственной репатриации против желания затронутых ею лиц в соглашении не говорилось.

В случае выдачи казаков, однако, были выданы без разбора — женщины, дети и старики, а также старые эмигранты, которые никогда не были гражданами Советского Союза. Из осужденных на смерть генералов только один — Доманов — был советским гражданином. Точно такой же незаконной была выдача немецких офицеров Казачьего корпуса.

Если первые выдачи еще могли быть объяснены упоением победой и ожесточением против врага и тех, кто ему помогал, то и этот аргумент отпадает при дальнейших выдачах, продолжавшихся в течение 1947 года. Они представ-

ляют совершенно явное нарушение международного права.
и Женевской конвенции о военнопленных.

Западные союзники подчинились требованиям Сталина не хотевшего допустить, чтобы сотни тысяч политических противников, слишком хорошо знавших методы его правления, остались на Западе.

Ни немцы, ни западные державы не поняли возможностей и значения Власова и Освободительной армии, но Сталин понимал их хорошо. Всеми средствами он старался доказать, что дело идет не о политических противниках, а о бесчестных предателях, для которых — как заявил Вышинский в ООН «жалко даже тюрьмы, их надо просто повесить».

Только немногие голоса раздались против этого нарушения права.

12-го июня 1947 года юрист Галиняк в «Монд» указал на то, что понятия «насильственная репатриация» в международном праве нет, а есть только добровольная репатриация.

11-го июня консервативный депутат в Британской Нижней Палате, Нихельсен сделал запрос министру иностранных дел Бевину, осведомлен ли тот о том, что насильственная репатриация, безразлично, в какой стране она происходит, противоречит обычным взглядам Англии, а так же может ли правительство дать заверение, что не будут насильственно выданы те, кого, как следствие репатриации, ожидает верная смерть.

Бевин ответил: «Я не думаю, чтобы мы это сделали. Были случаи, что люди кончали с собой, предпочитая смерть возвращению на родину, но принимая во внимание соглашения в Ялте, мой долг совершенно ясен».

Американское правительство прекрасно сознавало противозаконность насильственной выдачи. Это явствует из ноты Государственного Департамента, посланной 1 февраля

1945 года советскому посольству в Вашингтоне. В ней заявляется, с настоятельной ссылкой на Женевскую конвенцию, почему русские пленные в германской форме не могут быть репатрированы против их желания.⁶³⁾

Позиция американского правительства в вопросе о репатриации северо-корейцев и красных китайцев о выдаче пленных Корейской войны была совершенно ясной. Правительство отказало в выдаче. Тогда министр иностранных дел Дик Эчисон заявил 24 октября 1952 в ООН: «Настоятельно я знаю, нет ни одного члена ООН, кроме стран коммунистического блока, который когда-либо подтвердил, что насильственная репатриация военнопленных закономерно допускается международным правом и необходима».

Но что считало американское правительство в 1952 году само собой разумеющимся, отнюдь не было само собой разумеющимся в 1945 году.

Очевидно насильственные выдачи 1945-1947 годов были произвольным толкованием Ялтинского соглашения верховным американским командованием и начальником штаба Эйзенхауэром.

25-го августа 1945 года главнокомандующий 7-ой американской армией, генерал Печ запросил в «Верховной ставке», должен ли он посылать американские войсковые части для репатриации нежелающих возвращаться в Советский Союз. «Верховная ставка» запросила тогда Вашингтон. Четыре месяца потребовалось «Объединенным начальникам штабов» для ответа. Он гласит: «Все советские граждане, находившиеся 1 сентября 1939 года на территории Советского

63) В опубликованных до сих пор Ялтинских документах текста этой ноты не имеется, о ней есть указание: нота не опубликована. Текст этой ноты впервые был опубликован на немецком языке Юлиусом Эпштейном в «Штаатсцейтунг унд Герольд», 4. 12. 1955, Нью Йорк. Текст был предоставлен Юлиусу Эпштейну Государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом.

Союза, должны репатрироваться, не принимая во внимания их личные желания, и, если потребуется, силой».

Это далеко превосходило текст тайного соглашения в Ялте.

Но не только американские военные власти, но и УННРА повинна в преступлении насильственной репатриации.

«Неизгладимое пятно на чести Запада» — назвал американский историк Джордж Фишер насильственную репатриацию.

До сих пор, однако, не последовало установления действительно ответственных за это лиц и признания нарушения международного права. Правда, по инициативе журналиста Ю. Эпштейна в 1956 году американский Сенат принял поправку к закону Мак-Каррена-Вальтера, согласно которому 400.000 беженцев, прибывших в США с подделанными документами, чтобы избежать насильственной репатриации, больше ей не подлежали. Эта поправка была подписана 11 сентября 1957 года президентом Эйзенхауэром, после чего она вступила в силу. Но сотни тысяч русских, которые могли бы спастись, были выданы, потому что доверились чести, гуманности и политическому пониманию Запада.

Меандров, бывший под конец старшим по чину офицером РОА, веря в принципы свободы западных держав обратился к своим подчиненным с письмом:

«Почему я не убегаю из американского лагеря для военнопленных?»

Этот вопрос неоднократно задавали мне многие, и я решил обстоятельно на него ответить.

Еще до окончания войны наши войска добровольно перешли на сторону американских войск. Мы верили, что великая демократическая нация в лице американского командования даст нам политический приют. Мы верили свою судьбу американцам, и, я полагаю, надо быть последовательным и добиться благоприятного решения вопроса о нашей судьбе.

Еще могут возразить, что прошло уже больше восьми

месяцев, и наша судьба не решена. Более того, были случаи насильственной депатриации. Да, единичные случаи были, но общего решения о русских невозвращенцах еще нет. Его нужно ждать. Долго ли? Не знаю, но глубоко убежден, что спокойствие, выдержка, организованность нам помогут больше, нежели индивидуальные попытки побегов из лагерей и нелегальная жизнь на свободе. Наоборот, это ухудшит судьбу многих. Медленное разрешение нашей судьбы является следствием нашей вины. Вины руководителей движения. Они не смогли поставить в известность правительства и общественность демократических стран о нашем политическом движении, зародившемся в стране врага. Если бы о нас знали, хотя бы в период Ялтинской конференции, ее решения о депатриации, вероятно, были бы иными.

Чтобы правильно решить нашу судьбу, необходимо глубоко и всесторонне изучить наше движение и нас самих. Поверхностное и формальное решение было бы ошибочным и, следовательно, роковым для нас.

Наше политическое движение стремилось дать нашему народу ту социальную справедливость, ту правду народную, к которой извечно стремился наш многострадальный народ. Он боролся за нее и в период княжеских междоусобиц, во время монгольского ига, и в Смутное время, и при крепостном праве. Ознакомьтесь с русским эпосом и фольклором, и вы услышите в былинах, сказаниях и сказках, в поговорках, в пословицах и песнях народных тяжесть судьбы народной и стремление найти выход в победе правды над кривдой.

Наше движение зародилось стихийно. Тысячи и десятки тысяч людей, без всякого руководства, движимые собственным сознанием неправды своего бытия, выступили на борьбу против власти, которую они считали не народной, несправедливой.

Если нас можно обвинять, то разве в том, что мы поздно, слишком поздно, приступили к организации этого стихийного народного протеста. Им воспользовались немцы в

своих захватнических целях, и русский народ без руководства, слепо, обманутый лозунгами германской пропаганды, проливал братскую кровь.

Я сделал это отступление от поставленного мною вопроса для того, чтобы подчеркнуть исторические традиции борьбы русского народа за правду, и стихийность, доподлинно народный характер, нашего движения. В то же самое время это свидетельствует о том, что мы не изменники Родины, а участники политического движения за лучшее будущее русского народа.

Из под стражи берут люди, осужденные или боящиеся правосудия. За нами же нет вины, и мы готовы выступить перед правосудием доподлинно демократических стран. И мы будем оправданы.

Нужно ли в этих условиях бежать из лагеря и скрываться от законного преследования американской полиции? Конечно, нет.

Я полагаю, что своим побегом я добьюсь только обратного. Я докажу, что считаю себя виновным и бегу от наказания.

Представьте себе, что могло получиться, если бы все солдаты и офицеры РОА разбежались из лагерей. Специальными полицейскими мерами они рано или поздно были бы возвращены в лагеря, с более строгим режимом. При этом пострадали бы и те, кто сейчас на свободе. На всех нас, русских, стали бы смотреть, как на преступников. Положение было бы более, чем трагическим.

Представьте себе, что убежали бы в основном офицеры и в первую очередь старших и высших должностей. Как реагировали бы на это солдаты? Они бы сказали: «Нас бросили на произвол судьбы. Руководители убежали спасать свою жизнь. Выхода нет ни тут, и ни там». Решения их были бы различными, но все они для нас и для нашего движения были бы позорными. И этот позор заклеил бы тех, кто в тяжелую минуту бросил своих подчиненных.

Наше движение постигла неудача. Мы обязаны выйти

из борьбы с честью. Это наш святой долг. Выход должен быть честный, правдивый, какими были и наши идеи.

Я жду с твердой надеждой, что наша судьба разрешится, в конце концов, благополучно для нас. Но если эти надежды не оправдаются, я предпочту достойно умереть за нашу идею, которая будет жить в нашем народе и, глубоко верю, — победит.

Я, честно служив русскому народу. Это обязывает быть честным до конца.

Я надеюсь, что многие поймут меня правильно.

Подписано: **Меандроз**

Меандров и другие русские офицеры обращались с письмами к правительствам западных держав, к Папе, к Международному Красному Кресту. Они не получили никакого ответа.

Выдачи продолжались. 12-го августа 1945 года в Кемптене в русском лагере была произведена выдача из церкви во время Богослужения. Были ранены. Церковь была разрушена.⁶⁴⁾

24-го февраля 1946 года была произведена выдача 2 900 власовцев из лагеря Платтлинг.

Три батальона и шесть танков американской армии принимали участие в том, чтобы выдать 2 000 безоружных русских их палачам. Они жестоко сопротивлялись своей участи. Многие перерезали себе вены, закалывали себя, вешались.

Сперва раненых относили в лазарет, но когда увидели, что их десятки, сотни — то живые, раненые, умирающие и мертвые грузились в автомашины.

С бешеной скоростью грузовики гнали на вокзал, прямо к платформам, где ожидали длинные ряды зарешеченных вагонов.

2 000 русских офицеров и солдат были отправлены в Советский Союз. Вся акция длилась 12 часов. Союзники Сталина знали свое дело.

⁶⁴⁾ В. Кузнецов, то же, стр. 6.

Но не только из Германии — из Италии, Франции, Дании, Норвегии, даже из Швеции и Соединенных Штатов русских выдавали против их желания Советскому Союзу.⁶⁵⁾

Сколько их было всего, никогда не станет известно. В конце войны Главное германское командование сообщило о 700 000 добровольцев (600 000 в армии, 50 000-60 000 в воздушном флоте и 15 000 в морском флоте).⁶⁶⁾

Фактически было больше, потому что многие части не докладывали о своих «хиви».

К ним надо прибавить сотни тысяч мужчин, женщин и детей, добровольно отправившихся на Запад во время германского отступления, спасаясь от Сталина. К этому надо еще прибавить военнопленных и увезенных в Германию «осарбейтеров».

Всего было репатрировано 6-7 миллионов. Нет никаких статистических данных о том, кто из них возвратился добровольно, и сколько осталось бы на Западе, если бы это было позволено.

Несколько тысяч избежало выдачи, потому что офицеры союзников наперекор официальным приказам, помогали и покрывали их.

Последними были выданы генералы.

В апреле 1946 года Меандров, Севастьянов и Ассберг. В мае — Мальцев. В июне Малышкин и Жиленков.

Все пытались покончить с собой. Но нанесенные ими ранения не были смертельными. Их вылечили и потом выдали.

2-го августа 1946 года «Известия» № 181 поместили следующее:

⁶⁵⁾ О выдачах из Дании сообщают Н. Ребиков: «Дневники офицера Ост-батальона 28, 1942-1945, неопубликованная рукопись; «Борьба»: «Выдачи из Дании» (по русски) № 1/2 1050. О выдачах из Швеции срвн. «...и нас охватил ужас», «Балтише Брифе», апрель 1964.

⁶⁶⁾ ОКВ/ВФС/ Орг. Отдел (X) № 2085/45, 20 мая 1945, срвн. А. Даллин, то же, стр. 674.

На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меадрова М. А., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «Б», 58-8, 58-9, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меадрова, Мальцева, Буняченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Так погиб Власов. Сталин по понятным причинам, предпочел не судить его на показательном процессе. Это было бы напоминанием о том, что миллионы людей в занятых германской армией областях России в начале с радостью приветствовали прекращение сталинской власти. Этот факт и феноменальные размеры «коллоборации» с немцами не были выдумкой пропаганды Геббельса, а понятным и объясняющимся многими причинами, политическим фактором. Немцами он не был осознан, не был поят во всем своем значении и не был использован. Но его нельзя вычеркнуть из истории, не из германской, не из советской, так же, как и из истории победивших западных держав. Ошибки тоже входят в историю, и никому не идет на пользу покрывать их пеленой молчания и забвения.

Тот факт, что Власов, его русские соратники и участники русских добровольческих частей работали вместе с представителями «Третьего Рейха», еще не дает права ставить их наравне с такими коллаборантами, как Квислинг, Мюссерт и другими, бывшими националсоциалистами и хотевшими насадить националсоциализм среди своих народов.

Тот факт, что Власов и его сотрудники, находясь в германском плену, выработали политическую программу, сознательно лишенную каких либо идеологических заимствований у национал-социализма, но направленную к подлинной демократизации России, был возможен только потому, что они слишком хорошо, на собственном опыте, знали диктатуру коммунизма и полностью отвергали идеи национал-

социализма. В этом их поддерживала та группа немецких офицеров, среди которой организовалось активное сопротивление Гитлеру.

Взаимное понимание русских и немцев выступивших против диктатуры и произвола в своих странах, было естественным. Тот факт что с обеих сторон встречались офицеры, обуславливалось не только войной, не только непосредственным военным противопоставлением. Красная армия и немецкий Вермахт имели свой собственный хотя и различный по форме, но схожий опыт с соответственными политическими вождями. Организация, в задачу которых входит охрана безопасности их народа и государства, реагируют одинаково, если попадают в политическом смысле в неустойчивое положение. Это относилось и к Красной армии, еще не преодолевшей дела Тухачевского, и к Вермахту, затронутой кризисом Бломберга и Фрича глубже чем казалось. Поэтому понятно, что образ мыслей и рассуждения, как русских, так и немцев привел их к общей враждебности к режимам их стран.

Громадная часть территории с миллионным населением была вырвана у Сталина в первый год войны. Готовность населения создать новый свободный строй в рамках русского национального государства была подлинной, спонтанной и покоряющей. Не надо было никаких революционных вождей, чтобы добиться отказа от существовавшего до сих пор строя, а всего только представительной, могущей действовать национальной власти. Это произвело бы неизмеримое влияние и на незанятые области Советского Союза.

Эту задачу хотел взять на себя Власов. В ней хотел: ему помочь его немецкие друзья и сотрудники.

Власов ясно выразил свою цель и намерения. Он не стремился к власти ради власти. Он хотел вернуть Россию обратно в нормальное состояние, которого она была лишена, благодаря Октябрьской революции. Власов всегда подчеркивал, что впоследствии в России будут править другие, которые для этого будут призваны народом. Он видел свою

цель в том, чтобы свергнуть власть Сталина. Но ему не дали действовать самостоятельно, и эта вынужденная пассивность стала его роком, погубившем его и его соратников.

История жизни Власова, являющаяся исходным пунктом этой книги, связана в 1942-1945 годах с историей и судьбой Русского Освободительного движения и русской Освободительной армии. Она прошла под сенью громадной разрушительной войны. Власов не сделал истории, и история не сделала из него того, кем он мог стать. Но трагедия этого человека не в этом, а в медленном, мучительном процессе угасания его надежд на возможность спасти свою Родину от кровавой диктатуры большевизма и вернуть ее народам свободу в демократической России.

Человек, выданный 12 мая 1945 года советским палачам, был только уже тенью, того в ком горела такая воля к жизни и действию. Трудно представить через какие муки он прошел прежде чем рука палача прекратила его физическую жизнь. Но его короткая жизнь была связана с тем редчайшим мгновением, когда пульс истории, казалось бы, останавливается на миг — мгновение, когда может начаться новый импульс, несущий новый ритм, который, если он будет осознан и схвачен, — даст новое содержание и новую жизнь целым поколениям.

Сталинская эра принадлежит истории. Власов, русское Освободительное движение и русская Освободительная армия были следствиями сталинской власти. Они — часть того непреодоленного прошлого, которое и сейчас существует для Советского Союза. И кроме того, они немой, но вечный укор свободному миру, который их не понял, не хотел понять и обрек на гибель.

К о н е ц

Все заказы направлять по адресу:

SBONR, P.O. Box 411

station "B"

London, Ontario

Canada

Este libro terminó de imprimirse en
el mes de abril de 1974 en los
Talleres Gráficos "Dorrego", avenida
Dorrego 1102, Bs. Aires, Argentina